

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

УДК 378

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕСУРС РЕФОРМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ЗНАЧЕНИЕ

© 2013 г. М.Б. Смоленский

Ростовский филиал
Российской таможенной академии
344000, г. Ростов-на-Дону,
пр. Буденновский, 20

Rostov Branch of
Russian Customs Academy
20 Budennovsky Ave.,
Rostov-on-Don, 344000

В статье рассматривается современный уровень правовой культуры общества, состояние и перспективы модернизации юридического образования, сформулированы конкретные предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: *юридическое образование, модернизация, правовое государство, правовая культура, юридические кадры.*

Examines the current level of legal culture of the society, the state and prospects of legal education; formulates specific recommendations for its improving.

Keywords: *legal education, modernization, jural state, legal culture, legal personnel.*

Правовая культура выступает как неотъемлемая часть культуры современного общества, испытывая как воздействие, так и взаимодействуя с другими культурами. В настоящее время в социально-гуманитарной науке отсутствует единое понимание правовой культуры. Опираясь на философский подход к трактовке культуры, согласно которому последняя выступает синонимом реализованных духовных ценностей, можно усматривать в правовой культуре правовые достижения признаваемые обществом при той или иной степени правомерности используемых методов. Определение правовой культуры и правомерного поведения сталкивается с различными трактовками права, а также с его соотношением с законом. Это объясняет существование ряда взаимодополняющих дефиниций правовой культуры. Под ней можно понимать и сферу человеческой практики, включающую «совокупность норм, ценностей, юридических институтов, процессов и форм, выполняющих функцию социоправовой ориентации людей в конкретном обществе (цивилизации)» [1, с. 473], и «особое социальное явление, которое может быть воспринято как качественное правовое состояние и личности, и общества ...», и «как одну из категорий общечеловеческих ценностей» и ряд других.

В науке правовую культуру принято подразделять на правовую культуру личности и правовую культуру общества. Под правовой культурой личности обычно понимается знание, понимание и сознательное следование человека требованиям правовых норм. Выделяют, как правило, ее обыденный, профессиональный и теоретический уровни. Обыденный уровень правовой культуры присущ всем индивидам и отличается, во-первых, отсутствием глубоких обобщений, во-вторых, наличием здравого смысла. Профессиональный уровень правовой культуры характерен лишь для тех лиц, которые имеют отношения к правовой деятельности, и это, прежде всего, юристы. Этот уровень отличается глубоким знанием права и умением его практического применения. Теоретический уровень правовой культуры – это подвид профессиональной правовой культуры, который присущ только тем, кто рассматривает правовую действительность с научной точки зрения. Обыденный, профессиональный и теоретический уровни правовой культуры постоянно взаимодействуют. Они формируются в процессе правового воспитания, которым должны заниматься как государство, так и все остальные институты политической системы общества

(религиозные, политические, профсоюзные, военные и другие). Юридические знания и опыт должны передаваться из поколения в поколение. Сам процесс передачи знаний и опыта осуществляет воздействие на сознание и поведение человека, формирует у него законопослушное поведение. Однако процесс правового воспитания будет успешен только тогда, когда не будет барьеров между обыденным и другими уровнями правовой культуры. Язык права должен быть понятен и доступен обыденному правовому сознанию, так как в противном случае неизбежно отторжение и последующий отказ личности от правоустановлений.

Личностный аспект правовой культуры находится под влиянием правовой культуры общества – всей сферы материального и духовного воспроизводства права, а также социально-правовой практики населения в конкретный период исторического времени.

При низком уровне правовой культуры негативное отношение к праву (правовой нигилизм) выступает препятствием для индивидуального, группового или общественного признания тех или иных конкретных правовых норм. Как отмечает Н.И. Матузов, основными формами правового нигилизма выступают прямые нарушения действующего законодательства, носящие умышленный или непреднамеренный характер; повсеместное и массовое неисполнение юридических предписаний и следование «своим правилам»; издание противоречивых, параллельных или даже взаимоисключающих актов; подмена законности политической, идеологической или прагматической целесообразностью; конфронтация различных ветвей власти; нарушение или несоблюдение прав человека, прежде всего на жизнь, честь, достоинство, имущество, безопасность и использование законотворчества в роли средства и способа оформления любых политических решений. При этом возникновение данного состояния правосознания связывается с неудовлетворенностью «субъекта своим социально-правовым статусом, неадекватным, по его мнению, собственным потенциальным возможностям» [2, с. 130, 150-151].

Другим препятствием выступает нейтральное или положительное отношение людей к правонарушениям вообще и к нарушителям закона в частности. «Входя» в положение преступника или правонарушителя, индивид тем самым как бы дает и себе индульгенцию на аналогичное неправомерное поведение в будущем, поведение, регулируемое отнюдь не действующими законами. Такое отношение может возникнуть в результате столкновения норм формального и обычного права. Как заметил один из героев М.Ю. Лермонтова Максим Максимович по поводу убийства Бэллы Казбичем, «по-ихнему он был прав». Иначе говоря, любые сомнения и аргументы в пользу избирательного следования правовым нормам затрудняют применение норм права и открывают возможности для иных – не правовых – регуляторов социального поведения.

Несомненно, что негативное отношение к правоохранительной системе и ее представителям переносится, как правило, и на отношение к праву, его принципам и нормам.

Самооценка своего поведения на предмет соответствия его правовым нормам во многом зависит от уровня общей культуры индивида, но особенно от его моральных устоев. Как показали научные исследования, обеспечить правомерное поведение личности можно лишь через нравственное и правовое сознание одновременно. Более того, на основании полученных результатов Н.Л. Гранат сделал принципиальный методологический вывод: «Право вообще не может быть очищено от морали, отделено от нравственности» [3, с. 7]. Следует еще раз отметить, что при оценке своего поведения индивид не свободен от определенных установок и стереотипов, а также позиции общества. При этом высока вероятность некритического восприятия широкого и давно укорененных неправовых социальных практик. Кроме того, невозможность достижения целей посредством правомерного поведения – еще один довод в пользу необязательного соблюдения законов, применяемый для оправдания нарушений закона.

Криминализация общественных отношений, проблемы с законностью и правопорядком свидетельствуют о низком уровне правовой культуры российского общества и о затрудненности ее формирования в условиях снижения статуса права и

правовых ценностей. Это – время доминирования неформальных и подпольных социальных институтов. В литературе последнего времени употребляются понятия «теневая юстиция», «теневое право», отражающие наличие неправовых социальных практик.

В обратном направлении «работает» правомерная деятельность субъектов права. Здесь мы имеем в виду, в том числе, и успешное использование законных средств защиты прав и свобод личности, возможное при условии знания того, как это позволяет сделать закон, и функционального состояния правовых институтов, прежде всего суда. Информирование населения о выигранных гражданами судебных процессов облегчает внедрение права в качестве социального регулятора. Действующие законы выступают важнейшим условием борьбы с правовым нигилизмом.

Высока ответственность и у государственно-правовых институтов. Речь идет и о качестве принимаемых законов, об их соответствии праву, и о правовом идеализме. Последний, как известно, заключается в абсолютизации роли правовых норм в реформировании общества. В этом случае зачастую не учитываются уровень и состояние актуальной правовой культуры общества, его национальные особенности. Помимо этого наблюдается нетворческий подход в области законотворческой деятельности, в частности – попытки прямого переноса чужих правовых институтов.

Выявилась весьма ограниченная эффективность, а порой и даже вредность, прямых заимствований и использования западных моделей правовой системы, что в немалой степени обусловлено своеобразием российского социально-экономического и социокультурного контекста. Поэтому неадекватный и нетворческий характер деятельности законодательных органов – не менее серьезное препятствие для позитивного восприятия населением норм права.

Не повышает доверия к праву и закону неудовлетворительная деятельность правоохранительных органов, пораженных коррупцией и нежеланием (нередко неумением) ежедневно стоять на страже законности и правопорядка, на защите прав и свобод граждан.

Особого внимания требует и теоретическая правовая культура. Правовое государство не должно являться универсальной ценностью. Демократическая правовая культура выступает результатом, с одной стороны, наличия гражданского общества, а с другой – правового государства. Строго говоря, первичным является гражданское общество, а все остальное формируется в процессе обеспечения потребностей его членов. Само по себе гражданское общество – это принципиально новая форма организации людей, возможная в результате процесса освобождения человека от сопричастности только к «целому», от сильного внешнего влияния и превращение его в индивидуальную личность.

В работе «О свободе» Дж. Ст. Милль сводил сферу жизни индивидуума к тому, что имеет непосредственное отношение к нему самому, понимая таким образом индивидуальную свободу как «свободу от». В итоге гражданское общество начинает представлять собой «конгломерат атомарных индивидуумов, комбинирующих друг с другом произвольным (случайным) образом ... Каждый атомарный гражданин следует за своими эгоистическими устремлениями, движимый жаждой комфорта и наслаждений; ограничения же возникают спонтанно при столкновении с интересами другого гражданина. Задача «гражданского общества» состоит в том, чтобы максимально расширить свободу действий гражданина и ввести в правовые рамки формы столкновения интересов, устранив возможность насильственного разрешения конфликтных ситуаций» [4, с. 286]. Индивидуум рассматривается негативным образом, как предоставленный самому себе, не имеющий никаких опор при определении своей жизненной цели. Однако в отечественной философии присутствует и противоположный подход к трактовке появления индивидуума, или «господина самому себе», свободного, независимого и неподопечного члена исторически нового – гражданского – общества. «О наличии в обществе права можно говорить лишь в том случае, – подчеркивает один из представителей данного подхода Э.Ю. Соловьев, – если член этого общества признан государством в качестве разумного существа, способного самостоятельно решать, что для него хорошо» [5, с. 5]. Мы не разделяем тезис об универсальном характере становления и развития западной

(евроамериканской) цивилизации, в лоне которой произошло рождение и индивидуума, и соответствующему ему гражданскому обществу и права. Более того, укажем, что попытки на теоретическом и профессиональном уровнях правовой культуры некритически следовать в русле западных правовых ценностей сталкиваются с мощным сопротивлением подсознания российского индивида, пока далекого от превращения в личность. Но этот процесс идет и в условиях глобализации мира, он практически неизбежен.

Таким образом, на пути построения институтов нормально функционирующего гражданского общества возможно воспитание индивидуума как личность на основе внедрения правовой культуры, прежде всего, в сознание, основываясь не только на принципах права, но и морали общества, его духовного развития.

Одной из главных задач при этом является повышение уровня правовой грамотности населения, которое, несмотря на признание важности знания действующего законодательства, обладает недостаточной информированностью о нем. Примерно треть россиян осведомлены о своих конституционных правах и обязанностях, а лишь каждый пятый имеет представление об элементарных правовых категориях. О недостаточном уровне правовой грамотности свидетельствует и низкая осведомленность россиян относительно уголовного, трудового, жилищного и брачно-семейного законодательства.

Только достаточный уровень правовой грамотности позволяет личности грамотно защищать свои права и законные интересы, что, безусловно, скажется позитивно на идущие в России процессы становления Российской государственности на качественном уровне, на основе духовности, гражданственности и демократии.

Повышение уровня правовой грамотности можно добиться посредством правового воспитания через правовое обучение, целью которого будет формирование теоретической основы правового сознания и правовой культуры, обеспечение необходимого уровня систематизации знаний о праве, развитие правовых интересов, правового мышления и главное формирование правового мировоззрения.

Основным субъектом воспитания является государство. Это одна из его функций. Для государства крайне важно сформировать положительное отношение населения к действующему праву, подготовить профессиональных юристов-практиков, ученых в области права. Правовое обучение и воспитание важная часть процесса формирования личности, ее убеждения следовать правовым предписаниям. Полученные правовые знания у личности должны превратиться в личное убеждение, в прочную установку следовать правовым предписаниям, а затем и во внутреннюю потребность соблюдения норм права.

В этом процессе правовая культура выступает системообразующим пространством, внутри которого правовое образование, состоящее из системы образовательных учреждений, контролируемых государством (школа, ВУЗ и т.п.). Субъектами выступают образовательные учреждения, преподаватели, обучаемые, государство в целом и отдельные его структуры, а объектом – образовательная деятельность и отношения по ее поводу.

Вот на вопросе образовательной деятельности по подготовке юридических кадров хочется остановиться подробнее. Общество осознало, что без грамотных юристов достичь вышеуказанных результатов по привитию правовой культуры обществу невозможно. И эти кадры могут быть подготовлены только в системе юридического образования. Поэтому, прежде всего, необходима модернизация именно этого сегмента образования. Как справедливо заметил В.Д. Зорькин, «основа и начало правовых преобразований – это реформа юридического образования» [6, с. 581].

Да, мы, наконец, осознали, что только живя по праву, можно стать демократической, социально-спокойной и экономически сильной страной. Появилась принципиально новая оценка права – не просто совокупность правил поведения, установленных и защищаемых государством, а гораздо шире – «Право – это мощный инструмент инновационного и безопасного развития демократического общества, средство приобщения национального социума в систему глобального мира», – считает Н.С. Бондарь [7, с. 7].

С этим невозможно не согласится. И если раньше в обществе юрист ассоциировался в основном с системой правоохранительной (судьи, следователи, прокуроры, адвокаты-защитники по уголовным делам) то в настоящее время профессия юриста охватывает в представлении населения кроме перечисленного и депутатский корпус, экономическую сферу и вообще всю систему управления обществом. От президента, губернаторов, мэров и т.д. ждут грамотных, юридически обоснованных решений и действий. Но... мы уже строили социализм в «одной, отдельно взятой стране»! Результат известен. Можно ли отредактировать юридическое образование, обойдя интересы средней школы и общества в целом? Конечно, это невозможно. А что мы имеем на данном этапе развития образования?

Во-первых, средние школы с каждым годом готовят своих учеников все хуже к учебе в высшей школе. Из 50 мною опрошенных студентов 1-го курса, поступивших в 2012 году в высшую школу, только четверо (девочки) читали рассказы А. Конан-Дойля «О Шерлоке Холмсе», никто из них не читал рассказы Эдгарда По, Агаты Кристи, Джека Лондона, Майн Рида, Фенимора Купера. Александра Дюма читали только два человека (мальчик и девочка), о Юргенсе Торвальде вообще не слышали, о Вильяме Шекспире слышали, но не читали. Ни Льва Толстого, ни Алексея Толстого не читали. Половина опрошенных классиков не читала, а вторая до конца ни одну книгу не дочитала (кроме пятерых). Запас образов минимальный. Историю России и мировую историю знают очень плохо. Выводы делать не умеют. Сравнения проводить не могут. Рассказывать не умеют! А у всех баллы ЕГЭ за 270. Это пугает. Независимый экзамен, это хорошо, но как к нему готовит средняя школа?

Во-вторых, школа не учит их учиться, не прививает навыков учебы. Их даже правильно читать не научили. То есть «от корки до корки» и строчка в строчку! Поэтому проблемы с теорией государства и права, историей государства и права, философией, логикой и т.д.

Между школьной педагогикой и вузовской всегда был разрыв, но сейчас, похоже, это пропасть. И она углубляется, потому что качество самих педагогов высшей школы в настоящее время не всегда на высоте. Мало кто может раскрыть тайну, что собой представляют функциональное и развивающее обучение, продуктивные и репродуктивные методы, индуктивная и дедуктивная логика, аналитический и синтетический пути познания, роль самовоспитания, самообразования, самосознания, самооценки и др.

В-третьих, даже там, где казалось есть все: техника и технологии, успехов нет. Английский – 11 лет в школе, 3 года в институте и НИЧЕГО! (в основном, если не учили частно). Собственную аннотацию из 5-6 слов к своей статье перевести не могут!

В-четвертых, и тут наступает самое главное. Мы их учим быть юристами. Почти в 1200 вузах и филиалах, что в 20 раз превышает их количество, которое было раньше в СССР. Есть «высокое» мнение, что это много! В США около 200 вузов, в Англии около 80-и, и справляются с подготовкой юристов для своих стран. Это правда. Горькая для нас, но правда. Однако не вся. У нас в России около 60 тысяч адвокатов, а в США около 900 тысяч. У нас их просто некому содержать! Население и даже бизнес не имеют экономической возможности оплачивать услуги юристов, хотя в них нуждаются! А вот качество юристов – наша беда.

В научном сообществе появилось мнение, что «юрист» как квалификацию должны присваивать не вузы, а квалификационные комиссии, состоящие из работодателей, представителей Ассоциации юристов России и т.п. Опять благие намеренья, и опять «юрист»? А это кто? А бакалавр юриспруденции – это кто? И почему нет нужного качества даже у выпускников очного отделения? А о заочниках и втором высшем я и говорить не буду! У нас в стране не переизбыток юристов, а их нехватка. Не людей с дипломами, а именно юристов. В.Д. Зорькин, указывая на это, пишет: «Они (*юристы – прим. автора*) в нынешней России крайне недостаточны и по количеству и по качеству. Высококвалифицированные юристы в острейшем дефиците» [8].

А в виду отсутствия настоящих юристов даже в депутатском корпусе – врачи, певцы, артисты, спортсмены и др. Конечно все эти люди умные и грамотные, но они не юристы. Не понимают многое и просто не знают.

А что, на наш взгляд, происходит с юристами?

А происходит следующее. Специалист в диплом на выходе имеет около 75 предметов. И все настаивают на введении еще новых, интересных, практически направленных! И что получаем: 9 семестров по 4 месяца (16 недель). Всего 144 недели. Берем лучших (трудоголиков) 6 дней в неделю 864 дня. Делим на 75 и получаем 11,5 суток на предмет. А бакалавр 15 дней. Но это же смешно! Отличники и те фоновые. По 10-15 человек с «красными дипломами» в каждом вузе ежегодно!

Что делать? Вот здесь государство и должно применить административный ресурс. Законодатель должен разработать шкалу – примерно 10 специальностей.

- Юрист – специалист налогового права,
- Юрист – специалист уголовного права,
- Юрист – специалист административного права и т.д.

2-года общие предметы (теоретические). У всех.

2-года специальные. Но очень глубокие и досконально. Наука, практика и т.д. Причем, практика по выбранной специальности. Заочник после 2-го курса только работает и только по профилю.

И тогда не 1200, а 120 рассредоточенных по регионам. Тогда, на наш взгляд, и появится качество.

Нельзя забывать, что целью высшего юридического образования является в настоящее время создания механизма его эффективного закрытия и придания ему еще в учебном заведении практической направленности на базе современной информации. Подготовить юриста способного в максимально короткий срок адаптироваться к новым реалиям экономики и политики. Применять новые средства информации, новые технологии и операционные системы не простая задача. Она требует долгой тренировки, т.е. времени, которого у современного студента юридического вуза просто нет. Только на пути глубокой специализации мы сможем получить хорошего специалиста. Как отметил В.В. Путин, «настоящий юрист – это человек с философским взглядом и в то же время с огромным количеством фактического материала в той области, в которой он специализируется» [9].

Лучше и сказать нельзя. Только глубокая специализация в юридическом образовании позволит, на наш взгляд, сдвинуть эту «машину» с места, преодолеть негативные тенденции в его развитии, коррупцию, исправить положение сложившиеся в средней школе и подготовить качественно нового юриста.

Литература

1. Синюкина Т.В. Правовая культура / Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 1995.
2. Сальников В.П. Правовая культура / Актуальные проблемы права / Под ред. К.Б. Толкачева и А.Г. Хабибулина. Уфа, 1995.
3. Гранат Н.Л. Правосознание и правовая культура // Юрист. 1998. № 11/12.
4. Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004.
5. Право. Свобода. Демократия (Материалы «круглого стола»). Выступление Э.Ю. Соловьева // Вопросы философии. 1990. № 6.
6. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма: ИНФРА – М., 2011.
7. Бондарь Н.С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и политические иллюзии. Вып. 3. Ростов-н/Д: Профпресс, 2013.
8. Учредительный съезд Ассоциации юристов России. Стенограмма Москва, 22 декабря 2005 г.
9. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. М., 2007.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВЫХ МОДЕЛЕЙ МЕДИАЦИИ

© 2013 г. Н.В. Федоренко

Ростовский филиал
Российской академии правосудия,
344038, г. Ростов-на-Дону,
ул. Ленина, 66

Rostov Branch of
Russian Academy of Justice,
66, Lenina St., Rostov-on-Don,
344038

Исследование природы медиации позволяет выявить основные механизмы, используемые медиаторами в ежедневных практиках и теоретически их интерпретировать. Настоящее исследование призвано раскрыть содержание понятия «медиация» с точки зрения его юридической конструкции и, тем самым, показать основные направления деятельности медиатора.

Ключевые слова: государство, медиация, юридическая конструкция, правовая модель.

The research of the nature of mediation reveals key mechanisms used by mediators in everyday practice and helps to interpret them. The present research exposes the notion of mediation within its juridical pattern and reveals key aspects of mediator's activity.

Keywords: the state, mediation, juridical pattern, legal pattern.

Итак, механизм медиации в теории оказался связанным с государством и правом. Что означает эта связь на практике? На практике такая связь означает, с одной – правовой – стороны, что содержание процесса медиации зависит от того, каким образом в правовой норме выражен интерес государства в медиации, то есть каковы функции, статус медиатора, каково соотношение его возможностей с возможностями государственного органа правосудия, административными органами и т.д. С другой – государственно-институциональной стороны – такая связь означает, что государство определяет, кто становится субъектом легальной медиации. То есть, соответственно, определяет возможность медиации либо общественными организациями, либо государственными органами.

Та ситуация с медиацией, которая сложилась в современной России, не является единственной или абсолютной моделью. Она является ценностью демократического государства и гражданского общества. И как ценность она исторична и объективна. Р. Арон отмечал, что «если верно, что каждое общество предполагает или навязывает нам систему ценностей, то это не значит, что наша система ценностей выше системы противников или той, которую мы бы хотели создать. Рождение ценностей социально, но оно имеет отношение к истории. Внутри всякого общества наблюдаются различного рода конфликты между группами, партиями, отдельными личностями. Мир ценностей, с которым мы связаны, – одновременно плод коллективного и индивидуального творчества. Он обусловлен реакцией нашего сознания на окружающую ситуацию, в которой мы находимся» [1, с. 520].

Именно ценностный подход вместе с признанием государственно-правовой природы медиации позволяет говорить о том, что **современное состояние медиации в Российской Федерации это результат глубоких процессов изменения юридической конструкции государства и изменения структуры и содержания государственной власти.**

Понятие юридической конструкции, введенное С. С. Алексеевым и ставшее одним из фундаментальных понятий теоретической юриспруденции, предполагает, что

исследование социальных явлений с точки зрения теоретической юриспруденции предполагает исследование в них собственного содержания права, его внутренней формы [2, с. 280-281]. Построение юридических конструкций предполагает использование метода моделирования как инструмента познания. По мнению А. Ф. Черданцева, юридическая конструкция представляет собой идеальную модель, отражающую сложное структурное строение урегулированных правом общественных отношений, юридических фактов или их элементов [3, с. 131].

В современных работах теоретическая концепция юридической конструкции получила свое дальнейшее развитие. Так, в работе М. А. Исаева «Механизм государственной власти в странах Скандинавии. Конституционно-правовые аспекты» автор указал: «Само понятие юридической конструкции нуждается в пояснении. В реальности, понятие юридической конструкции не сводится к приему организации группы фактов (явлений), ее роль неизмеримо глубже – она является способом (инструментом) решения правовых проблем, для которых схема модели, то есть схема подражания, сущностно не подходит. Поэтому юридическая конструкция есть средство мышления определенных закономерностей развития государства в форме права, правовых понятий. Правовые понятия, становясь предметом юридической конструкции, превращают понятие механизма государственной власти из социологического понятия как совокупности органов государства, занятых отправлением публичной власти, в совокупность юридических норм, находящихся свое претворение в практике формирования органов государства и осуществления ими своей компетенции» [4, с. 14].

Юридическая конструкция государства связывает легитимность государства как института, содержание права, понятия механизм государства и механизм государственной власти. Именно в рамках юридической конструкции государства освещается его неразрывная и объективная связь с правом. В. Е. Чиркин показал, и мы полностью с ним согласны, что «...государство не может быть оторвано от общества, оно регулирует общественные отношения» [5, с. 11]. В. С. Нерсесянц, рассматривая сущность, понятие и ценность права и государства, отмечал, что «в силу сущностного, понятийно-правового единства права и государства (...) все, что в общей теории права и государства и в целом в юриспруденции, включая отраслевые дисциплины, говорится о праве, по своей сути относится и к государству, и все, что говорится о государстве, относится и к праву. Как в семени дано определенное будущее растение, так и в понятии права в научно-абстрактном (сжатом и концентрированном) виде содержится определенная юридическая теория, теоретико-правовой смысл и содержание определенной концепции (и типа) юриспруденции. Так что везде, где мы для краткости говорим о правопонимании и т.д., подразумевается и соответствующее понимание государства, его толкование и т.д.» [6, с. 28].

Общая теория права выработала несколько конструкций государства: государство-объект права, государство-субъект права, государство-правоотношение и государство-нормативный порядок.

Существование той или другой конструкции исторично и объективно. М. А. Исаев, например, указывает, что «появление в науке всех вышеперечисленных конструкций государства и государственной власти было обусловлено определенными историческими причинами. Например, конструкция государства - объекта права воплотилась в исторической форме абсолютизма, господствовавшего в Европе в XV - XIX веках, конструкция государства-субъекта права больше всего соответствовала реалиям либерального правопонимания, отражением чего служил негативный тип отправления государственной власти в виде государства «ночного сторожа» и т.п. В сегодняшних условиях развития современного типа правового социального государства (SozialerRechtsstaat) объективно конкурируют три последние из перечисленных нами юридические конструкции государства и государственной власти. ...С одной стороны, это явно удобно, поскольку таким образом становится очевидна несостоятельность полного отрыва правового регулирования от социальных форм, своеобразным обрамлением которых оно служит, но, с другой стороны, мы вынуждены констатировать явную эклектику современного типа отправления государственной власти. В этой связи наиболее вероятной, отвечающей принятому нами критерию

юридического, мы считаем конструкцию государства - правоотношения, объектом которого служат властеотношения, осуществляемые субъектами политического властвования. Именно правоотношение придает этому процессу необходимую правовую форму и устойчивое правовое содержание» [7, с. 14].

С точки зрения механизма медиации главным вопросом, связанным с юридической конструкцией государства, является вопрос о субъектах медиации и об их правовом статусе.

Однако его разрешение оказывается невозможным без анализа структуры и содержания государственной власти. Речь идет о том, что роль скоро природа медиации оказывается государственно-правовой, государство и право являются взаимосвязанными категориями, а государственная власть является необходимым элементом реализации права в государстве, то именно **в анализе содержания и структуры государственной власти кроется ответ о том, зачем государству выделять медиацию в самостоятельный, параллельный механизм правового регулирования вид общественной деятельности, то есть ответ на вопрос о правовых моделях медиации.**

Юридическая теория рассматривает государство с различных точек зрения. Это, например, формально-властная сторона, генезис государственно-властных отношений и т.д. Каждая из сторон теории государства важна. Вместе с тем различные юридические конструкции государства выдвигают на первый план те или иные черты государства, которые в наибольшей степени способствуют развитию общества. Соответственно, применительно к различным юридическим конструкциям государства различными оказываются правовая природа государства и структура государственной власти.

Для юридической конструкции государства-субъекта права, то есть для государства, которое в лице высшего органа власти является источником права, государственная власть как правовая категория определяется через свою структуру, включающую волю, силу, субъект, объект, отношения, методы и средства власти, в которых она получает развитие как самостоятельный правовой феномен человеческого общежития. Эта структура универсальна, она характерна для всех форм и видов государственной власти, реализуемой любым органом государственной власти, поскольку не включает идеологию, оценку явления на предмет соответствия правовым принципам, отражающим объективные законы общественной жизни и природу человека. В этом правовом понимании генезис государственной власти обусловлен единством структуры государственной власти, а ее природа вытекает из функциональных особенностей ее реализации.

Для дальнейшего понимания необходимо отметить момент отсутствия в структуре самой государственной власти идеологии.

Идеология, в своей сути, это система оценок. Предполагается, что государственная власть внеидеологична по своей природе. Однако этот тезис необходимо воспринимать с крайней осторожностью.

Во-первых, нельзя не согласиться с мнением П.П. Баранова и А.И. Овчинникова о том, что «проблема идеологии в последние годы является чрезвычайно актуальной для юридической науки. С одной стороны, ее нет, с другой – она должна быть, иначе не понятно, каким образом выстраивается система ценностных предпочтений, ими обосновывается нормативная деятельность государства. Ведь норма – это какая-то защищаемая ценность и, следовательно, система норм или система законодательства ... это система ценностей, их объективации. Значит, государственная идеология присутствует неизбежно в системе правовых норм, издаваемых государством» [8, с. 118].

Во-вторых, этот тезис желательно рассматривать исключительно в свете российской правовой истории, в которой теория советского государства и права определила социалистическое право как право нового, особого и высшего исторического типа, прежде всего по своей экономической основе, по своей классовой сущности. Советское право было идеологичным по природе, как была идеологична государственная власть. И советская государственная власть, и советское право представляли собой инструмент классовой политики, выражающий государственную

волю трудящихся во главе с рабочим классом – подавляющего большинства общества, а после победы социализма – всего народа; такой инструмент, который основан на общественной, социалистической собственности, имеет антиэксплуататорскую природу и направлен на обеспечение строительства социализма и коммунизма. В рамках этого подхода право стало рассматриваться как элемент и функциональный признак политической власти, служащий связующим звеном между ней, государством и правовой системой общества и всеми ее составными звеньями.

Итак, возникает парадоксальная ситуация, в которой государственная власть, с одной стороны, должна быть вне идеологии, с другой – объективно не может обойтись без идеологии.

Практический выход из этой ситуации предполагает две возможности. Первая заключается в том, что возникает надгосударственный орган, определяющий идеологию, которая впоследствии выражается в системе норм. Но подобная схема, реализуемая, как правило, в юридической конструкции государства-субъекта права, предполагает, что государственная власть полностью опирается на оценку политических органов. Государство и политическая власть как бы разделены. При этом установление правовых приоритетов, способов и форм правового воздействия формируется не в деятельности самих государственных органов, а задается им извне. В природе структуры законодательной, исполнительной и судебной власти нет различия, кроме функционального. Каждая ветвь государственной власти включает в себя лишь волю, силу, субъект, объект, отношения, методы и средства власти. Идеологии, а тем более самостоятельной идеологии для каждой ветви власти тем нет. А поскольку различия в структуре государственной власти нет, то в юридической конструкции государства - субъекта права объективно совпадают понятия «механизм государственной власти» и «механизм государства», и оба понимаются как система органов.

Другими словами механизм государства и механизм государственной власти оказываются едиными с точки зрения своего организационного строения. Механизм государственной власти определяется как система государственных органов, которые в установленном правовом порядке наделены государственно-властными полномочиями по осуществлению государственно-властной деятельности. Их задача – подчинять себе волю подвластных. В подобной системе механизм медиации соединен с механизмом государства. Он не может существовать самостоятельно, поскольку идеология правового регулирования задается только государством и реализуется только через его органы. В таком разделении государства и политических органов собственно механизм государства как система органов и система их взаимодействия предназначен для достижения поставленных политических целей, а государственная власть – средство достижения целей.

В юридической конструкции государства-субъекта права нет места для медиации как института гражданского общества прежде всего потому, что нет места для ее идеологии, отличной от идеологии государства.

Означает ли это, что в юридической конструкции государства-субъекта права нет места медиации как процедуры? Очевидно, что нет. И прежде всего это связано с практической пользой института медиации. Добровольное разрешение конфликта всегда снижает транзакционные издержки государства, поэтому государство крайне заинтересовано в развитии подобного института.

Мы наблюдаем эту заинтересованность в формальных требованиях, например, в требованиях Верховных Судов о предоставлении возможности для примирения и соответствующих процессуальных процедурах и актах. Мы наблюдаем эту заинтересованность и в неформальных практиках: выделении отдельных строк о примирении в отчетах органов исполнительной и судебной власти, в поощрении сотрудников, достигающих успеха в управлении путем проведения переговоров с участниками конфликта, и т.д. Принципиальным является момент государственного контроля и, как правило, государственно-властного статуса субъекта медиации. Принципиальность этого момента объясняется одним: медиатор реализует идеологию государства как субъекта права.

Вторая возможность – включить момент идеологических оценок в содержание государственной власти. Это, в свою очередь, означает, что каждая ветвь государственной власти в своей деятельности самостоятельно определяет идеологию правового регулирования исходя из общих задач общественного развития. Такая возможность заложена в конструкции государства-объекта права и государства-правоотношения.

В условиях, когда источником власти является народ, а власть является смыслом политических действий и ядром существования политической системы государства, понятия «механизм государства» и «механизм государственной власти» оказываются различны по структуре своего организационного строения.

В юридической конструкции государства-объекта права и государства-правоотношения механизм государства представляется в виде определения органов государства, занятых отправлением функций государства, а механизм государственной власти в рамках данного метода претендует на определение в качестве системы взаимодействия органов государства по поводу его главной функции – функции отправления государственной власти. Соотношение между этими двумя понятиями представляется как соотношение между общим и частным определением одного и того же предмета [9, с. 14].

Структура государственной власти каждой ветви власти включает в себя идеологию, момент оценки происходящих событий с точки зрения интересов человека и общества. Источником власти становится сам народ. Государство признает за ним право свободно осуществлять эту власть в соответствии со своей суверенной волей и коренными интересами. В конституционном законодательстве это неотъемлемое право народа отражено в принципе народного суверенитета, закрепляющем факт обладания народом политическими и социально-экономическими средствами, всесторонне и полно обеспечивающими реальное участие в управлении делами общества и государства. Этот принцип, в том числе, реализуется в передаче полномочий на распоряжение властью (не саму власть) на определенное время своим представителям.

Такое содержание государственной власти в условиях юридической конструкции государства-субъекта права, государства-правоотношения и в современной практике ее реализации означает следующее:

Во-первых, что воля народа находит свое отражение в деятельности государственных органов в той же степени, что и в деятельности общественно-политических организаций. Этот тезис напрямую связан с тем, что объем полномочий, которые народ делегирует государству, не абсолютен (что характерно для юридической конструкции государства-субъекта права), характер и объем делегируемых государству полномочий отражает природу человека и определяется, в целом, эффективностью выполнения государством тех или иных функций, а государственные и общественно-политические организации конкурируют между собой за государственную власть.

Во-вторых, что воля народа выражается в деятельности государственных органов непосредственно, и критерием качества и эффективности выполнения государственным органом является ее исполнение. Это означает, что общественно-политические организации, целью которых является государственная власть, следуют за волей народа, а не определяют ее идеологию. Народ – самостоятельный выразитель собственной идеологии.

В-третьих, что воля народа различна относительно различных функций государства. Например, воля народа в исполнении закона принципиально отличается от воли народа в процессе осуществления правосудия. В первом случае она сводится к точности выполнения закона, поскольку законодатель есть представитель народа и его идеологии. Соответственно закон есть правовая форма, в которой выражено содержание воли народа. А во втором – чтобы правосудие отвечало международным принципам гуманизма, требованиям справедливости и обеспечивало эффективное восстановление в правах [10].

Современная реализация тезиса о народе как об источнике власти предполагает, что, во-первых, народ делегирует полномочия по отправлению государственной власти

не в абсолютно полном объеме, а в том объеме, который определяется в результате конкуренции государственных и негосударственных политических институтов. Во-вторых, что содержание воли, реализуемой государством, вытекает из естественной природы человека со всеми ее достоинствами и недостатками. Она не предполагает какую-то идеальную природу человека и не стремится сделать его таковым. Государство в актах реализации своей власти отражает ровно то, что есть сам человек.

Когда содержание воли народа различно применительно к каждой ветви власти, именно различие определяет сущность этой власти и ее взаимодействие с другими ветвями власти и с обществом. Такое понимание государственной власти, обеспечивая ее теоретическое единство, вместе с тем обеспечивает работу механизма сдержек и противовесов. В подобном осмыслении государственной власти собственное властное содержание отношений является определяющим для каждой ветви власти, и каждая ветвь власти обеспечивает правовыми средствами поддержание режима собственного полномочного властвования, ограничивая тем самым стремление к саморасширению государственной власти в целом. Содержание воли есть ни что иное, как ее идеология. Признание самостоятельности и независимости любой ветви власти означает, что каждая ветвь государственной власти имеет собственную идеологию. В том числе, реализуемую в процессе правового регулирования.

Государство перестает тотально контролировать все процессы, оставляя за собой лишь необходимые, но не избыточные функции.

В такой конструкции государство отражает не всю идеологию, а только ту ее часть, которая необходима для выполнения своих функций. Государство из господина становится слугой.

Что это означает в практике медиации? ***В юридических конструкциях государства-субъекта права, государства-правоотношения с учетом очевидной полезности этого института медиацией могут заниматься как государственные, так и не государственные организации. Основой этого является конкуренция институтов государства и гражданского общества в борьбе за государственную власть. У институтов медиации гражданского общества возникает такой ресурс, как эффективность, в противовес ресурсу легального принуждения, имеющегося у органов государственной власти.***

Литература и примечания

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
2. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001.
3. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993.
4. Исаев М.А. Механизм государственной власти в странах Скандинавии. Конституционно-правовые аспекты. Автореф. дисс. ... д-ра юр. наук. М., 2004.
5. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. 2002. № 2.
6. Нерсесянц В.С. Общая теория государства и права. М., 1999.
7. Исаев М.А. Указ. соч.
8. Баранов П.П. Овчинников А.И. Актуальные проблемы теории правосознания и правового мышления. Ростов н/Д., 2006.
9. Исаев М.А. Указ. соч.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 2.02.1996 г. по делу о проверке конституционности п. 5 ч. 2 ст. 371, ч. 3 ст. 374 и п. 4 ч. 2 ст. 384 УПК РСФСР // ВКС РФ. 1996. N 2.

УДК 340

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ: НУЖЕН КОМПЛЕКСНЫЙ ЗАКОН О НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2013 г. С.Ю. Чапчиков

*Международный институт
управления Московского
государственного института
международных отношений
(Университета) Министерства
иностраннных дел Российской
Федерации
119454, г. Москва,
пр-т Вернадского, 76*

*International Institute of Management
of the Moscow State Institute
of International Relations
of the Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation
76, Vernadsky Ave.,
Moscow, 119454*

В статье анализируется состояние правового регулирования национальной безопасности, и обосновывается необходимость разработки и принятия комплексного закона о национальной безопасности.

Ключевые слова: *безопасность, государственная безопасность, национальная безопасность, правовая основа безопасности, угрозы национальной безопасности, национальные приоритеты в сфере безопасности.*

The article analyzes legal regulation of national security and necessity for development and adoption of integrated law on national security.

Keywords: *security, public security, national security, the legal framework for security, threats to national security, national priorities in the sphere of security.*

Современное состояние законодательства о национальной безопасности

В настоящее время правовое регулирование вопросов, касающихся отдельных видов безопасности, осуществляется на основании более чем 70 федеральных законов, 200 указов Президента РФ и около 500 постановлений Правительства РФ, а также других подзаконных актов [1]. Большинство из них имеют фрагментарный характер, касаются частных угроз и порождают локальные, разрозненные массивы правовых норм, относящиеся к различным отраслям права.

Между тем, вопросы национальной безопасности пронизывают фактически все сферы общественных отношений и требуют комплексного регулирования.

Мировой опыт показывает, что такой комплексный подход можно осуществить только на основе специального комплексного нормативного акта – закона «О национальной безопасности».

Как известно, термин "национальная безопасность" появился в США после второй мировой войны и окончательно утвердился с принятием в США в 1947 г. Закона о национальной безопасности.

В нашей стране само использование этого термина длительное время вызывало острые дискуссии. Это понятие отсутствует в Конституции Российской Федерации, хотя там и используются термины "общественная безопасность" (п. "б" ч. 1 ст. 72), "государственная безопасность" (п. "д" ч. 1 ст. 114) и "безопасность государства" (ч. 5 ст. 13, ч. 3 ст. 55). Безопасности личности в Конституции Российской Федерации в гл. 2 посвящен целый ряд положений, в частности ст. 21. А в ч. 1 ст. 56 содержится и термин "безопасность граждан".

Впервые в России официальное использование термина «национальная безопасность» содержалось в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ 1996 г. "О национальной безопасности". К этому времени Россия уже записала в

своей Конституции (ч. 4 ст. 15), что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. А термин "национальная безопасность" ("national security") содержался в целом ряде международных договоров РФ, например, в тексте вступившей в силу для России 5 мая 1998 г. Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В этой связи представляется, что постановка еще в середине 90-х годов XX в. вопроса о необходимости урегулирования правоотношений в сфере национальной безопасности путем принятия специального комплексного правового акта – ФЗ "О национальной безопасности", несмотря на мнение отдельных авторов о неудачности такого названия, была вполне оправдана. Решение этой задачи, однако, затянулось. В системе российского права разворачивался трудный процесс усложнения и дифференциации правового регулирования динамично развивающихся общественных отношений. Из устоявшихся отраслей активно формировались новые, развернулся процесс их самоопределения и самоутверждения. Этот процесс затронул и сферу правового регулирования национальной безопасности – многоплановой и многогранной группы общественных правоотношений, хотя здесь и продолжалась практика регулирования нормативными актами частного значения.

Только в 2009 г. была разработана Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента РФ от 12 мая № 537. Она отражает комплексный подход к вопросам национальной безопасности, содержит официально признанную систему стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года даны и определения ключевых понятий в сфере безопасности.

Так, согласно Стратегии

- "национальная безопасность" – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства;

- "национальные интересы Российской Федерации" – совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства;

- "угроза национальной безопасности" – прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства;

- "стратегические национальные приоритеты" – важнейшие направления обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются конституционные права и свободы граждан Российской Федерации, осуществляются устойчивое социально-экономическое развитие и охрана суверенитета страны, ее независимости и территориальной целостности;

- "система обеспечения национальной безопасности" – силы и средства обеспечения национальной безопасности;

- "силы обеспечения национальной безопасности" – Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, в которых федеральным законодательством предусмотрена военная и (или) правоохранительная служба, а также федеральные органы государственной власти, принимающие участие в обеспечении национальной безопасности государства на основании законодательства Российской Федерации;

- "средства обеспечения национальной безопасности" – технологии, а также технические, программные, лингвистические, правовые, организационные средства, включая телекоммуникационные каналы, используемые в системе обеспечения национальной безопасности для сбора, формирования, обработки, передачи или

приема информации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению.

С учетом положений Стратегии и в качестве меры законодательной поддержки для ее реализации был принят Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ "О безопасности" [2].

Правовым основанием для разработки Федерального закона о безопасности явился п. "ж" ст. 83 Конституции РФ, в соответствии с которым Президент РФ «формирует и возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации, статус которого определяется федеральным законом».

Принятие Федерального закона о безопасности после утверждения Стратегии позволило увязать содержащиеся в ней современные подходы и взгляды на обеспечение национальной безопасности с нормами закона, но не решило проблемы в принципе.

В целом, специфика современного состояния системы правовых актов в сфере национальной безопасности заключается в том, что наиболее актуальные правоотношения регулируются так называемыми актами "второго уровня": Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, Военной доктриной, Доктриной информационной безопасности, Морской доктриной Российской Федерации, Концепцией внешней политики, Основами пограничной политики и другими документами [3].

Вместе с тем анализ правоприменительной практики подтверждает недостаточность именно законодательного обеспечения ряда положений национальной безопасности. В отечественном праве и научной литературе так и не выработан единый понятийный аппарат в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Это обстоятельство нередко приводит к неоднозначному пониманию содержания различных дефиниций в теории и создает проблемы в правоприменительной практике.

Что мешает принятию федерального закона о национальной безопасности?

Ключевой вопрос здесь: почему же была принята все-таки Стратегия – подзаконный акт, а не комплексный федеральный закон «О национальной безопасности»?

Как представляется главная проблема – в концептуальных трудностях уяснения предмета правового регулирования такого закона в сфере национальной безопасности.

Понятие "предмет правового регулирования" относится к числу важнейших категорий теории права. Под правовым регулированием современная теория права понимает систему правовых средств, с помощью которых осуществляется упорядоченность общественных отношений в соответствии с целями и задачами правового государства [4, с. 341-342].

Классическое определение понятия "предмет правового регулирования" дал известный отечественный специалист в области теории права С.Н. Братусь: "Предмет правового регулирования составляют общественные отношения, осуществляющиеся через определенное поведение людей; это такие отношения, которые могут быть объектом правового воздействия и объективно требуют юридической регламентации" [5, с. 49].

Применительно к соответствующей отрасли права предмет правового регулирования представляет собой определенную сторону, часть, широкую однородную сферу (область) единого общего поля правового регулирования, круг общественных отношений, регулируемых данным нормативным образованием. Предмет правового регулирования отвечает на вопросы: что, какие именно отношения между людьми регулируются данной отраслью права, и является важнейшим критерием разделения права на отрасли [6, с. 84].

На основе предмета правового регулирования в современном российском праве выделяются все новые блоки однородных общественных отношений, для регулирования которых формируются самостоятельные комплексные отрасли – образовательное право, миграционное право, спортивное право, служебное право и т.д.

Как представляется, такого рода подход применим и к правовому регулированию сферы национальной безопасности.

В этой сфере существуют семь областей общественных отношений, где действуют единые по своей цели, но различные по своей видовой характеристике разновидности правоотношений, которые могут предметом закона о национальной безопасности. Это:

- правоотношения в сфере обороны;
- правоотношения в сфере оборонно-промышленной безопасности;
- правоотношения в сфере государственной и общественной безопасности;
- правоотношения в сфере экономической безопасности;
- правоотношения по обеспечению информационной безопасности;
- правоотношения в сфере борьбы с терроризмом;
- правоотношения в сфере международной безопасности.

Сегодня правовое регулирование этих отношений осуществляется комплексом отраслей права.

Можно ли их рассматривать как единый предмет правового регулирования одним нормативным актом в рамках новой комплексной отрасли права?

Как представляется, это не только можно сделать, но все больше такой подход становится актуальной практической задачей.

Разумеется, предмет правового регулирования закона о национальной безопасности значительно уже правового поля, которое охватывает законодательство, регулирующее весь блок названных выше правоотношений.

Как известно, для того чтобы та или иная совокупность правовых норм составляла самостоятельную отрасль права, необходимы три условия:

- во-первых, необходимо, чтобы регулируемые этой отраслью общественные отношения представляли собой компактное единство и имели большое социальное и общегосударственное значение;
- во-вторых, необходимо, чтобы данный комплекс общественных отношений нуждался именно в самостоятельном законодательном регулировании в виде отдельных федеральных законов, кодексов;
- в-третьих, метод правового регулирования, применяемый для данной группы общественных отношений, должен отличаться единством и своеобразием.

Первых два условия в полной мере характерны для всего блока общественных отношений, объективно складывающихся в сфере национальной безопасности.

Что касается метода для регулирования этих отношений, то решение проблемы видится в тех тенденциях правового регулирования, которые развиваются в современном российском праве. Как справедливо отмечает Е.Г. Лукьянова, в современных условиях все более расширяется сочетание частноправовых и публично-правовых методов регулирования в различных отраслях российского законодательства. Данную тенденцию применительно к развитию системы права можно обозначить как размывание границ между частным и публичным правом, а применительно к системе законодательства как нарастание комплексного нормативного регулирования общественных отношений [7, с. 283]. Подобный процесс обусловлен усложнением общественных отношений и является не только востребованным, но и единственно способным сделать систему права более динамичной, приблизив ее тем самым к реальным общественным отношениям и восполнив соответствующие пробелы. В конце концов, одной из основных целей науки теории права является изучение сформировавшейся системы права как объективно существующей действительности, и в этом плане серьезное значение приобретают не абстрактные теоретические рассуждения, а закономерности практического формирования и функционирования отечественной системы права [8, с. 7-12].

Разумеется, при этом важно не потерять из виду и критерии отграничения одной отрасли права от другой. Это имеет большое не только теоретическое, но и практическое значение. Ведь от того, какими нормами права регулируются те или иные общественные отношения, зависят субъективные права и обязанности участников этих правоотношений; этим определяется и порядок разрешения возникающих в обществе правовых споров и многое другое. Ясное понимание

критерия разграничения отраслей права позволяет быстрее найти соответствующую норму права, лучше понять ее содержание, правильно применить нормы права в конкретных случаях.

Этот подход справедлив и для понимания природы правового регулирования в сфере национальной безопасности.

Как уже говорилось, в настоящее время правовые нормы и институты, регулирующие правоотношения в этой области, действуют в различных отраслях права – конституционное право, административное право, гражданское право, уголовное право, налоговое право, финансовое право, международное.

Как же вычленил из этих отраслей аспект правового регулирования, который должен составить предмет регулирования одного комплексного федерального закона в сфере национальной безопасности?

Как представляется, предмет правового регулирования закона о национальной безопасности должен исчерпываться той совокупностью правоотношений, которые возникают по поводу прав и обязанностей лиц, занятых обеспечением национальной безопасности. Данную совокупность прав и обязанностей составляет отраженный в законодательстве правовой статус органов, участвующих в обеспечении национальной безопасности, а также правовые институты, фиксирующие форму, характер и качество правоотношений, возникающих между гражданами и органами государственной власти по проблемам безопасности, а также правоотношения, возникающие в сфере государственного управления этой сферой.

Эти отношения в сфере национальной безопасности образуют область государственного управления, в рамках которой субъекты государственного управления и прежде всего органы исполнительной власти реализуют задачи, определенные законодательством Российской Федерации, в пределах своей компетенции. Правовая регламентация создает и обеспечивает прочный правовой режим, в рамках которого организуется и осуществляется исполнительно-распорядительная деятельность, складываются и развиваются управленческие отношения, определяются обязанности и правомочия их участников. Правовая форма связей в сфере государственного управления является, таким образом, важнейшим условием эффективного функционирования всей его системы.

Как известно, государственное управление в научной литературе рассматривается в широком и узком смысле.

В широком смысле под государственным управлением понимается вся деятельность государственного аппарата (управление государством).

В узком смысле государственное управление – прежде всего, вид деятельности в определенной области государственной и общественной жизни. Такой является сфера национальной безопасности.

Таким образом, мы можем определить, что предметом закона о национальной безопасности является совокупность общественных отношений в сфере государственного управления в сфере безопасности.

Конечно, управленческие отношения, регулируемые законом о национальной безопасности, весьма многообразны. В зависимости от субъектов управленческих отношений можно выделить следующие их виды:

а) между вышестоящими и нижестоящими субъектами государственного управления, т.е. определяемые подчиненностью одних звеньев аппарата управления другим;

б) между различными субъектами государственного управления, не связанными отношениями подчиненности (например, между двумя министерствами Российской Федерации);

в) между субъектами государственного управления и подведомственными, а также и не подведомственными им предприятиями, учреждениями и организациями;

г) между субъектами исполнительной власти и исполнительными органами местного самоуправления;

д) между субъектами государственного управления и общественными объединениями;

е) между субъектами государственного управления и гражданами.

Указанные отношения органически связаны с осуществлением целей государственного управления в сфере безопасности, а потому в них непременно участвует субъект государственного управления (прежде всего орган исполнительной власти). Отношения подобного рода наиболее типичны для сферы административно-правового регулирования, поскольку они связаны с деятельностью соответствующих органов исполнительной власти [9].

В целом, общественные отношения, составляющие предмет правового регулирования закона о национальной безопасности, можно классифицировать по следующим группам:

- внешние – отношения, связанные с непосредственным осуществлением субъектами государственного управления управленческой деятельности, т.е. своих задач, функций и полномочий в сфере безопасности во вне;
- внутренние или внутриорганизационные – управленческие отношения внутри субъектов государственного управления, а также в аппаратах законодательных и судебных, а также иных государственных органов, связанные с организацией их деятельности;
- отношения, связанные с осуществлением судопроизводства по проблемам безопасности;
- отношения между органами исполнительной власти и исполнительными органами местного самоуправления.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что условиями отнесения общественных отношений к правоотношениям в сфере безопасности, т.е. составляющим предмет правового регулирования закона о национальной безопасности, являются, во-первых, наличие в них, как правило, соответствующего субъекта государственного управления или его представителя, во-вторых, связь с осуществлением исполнительной власти в сфере безопасности [10].

Таково вкратце одно из возможных теоретических решений концептуальных проблем, связанных с созданием единого нормативного акта в системе национальной безопасности.

Однако, кроме теоретической задачи, связанной с определением предмета правового регулирования закона о национальной безопасности, необходимо для его разработки решить и ряд частных, но важных проблем.

В частности в ходе подготовки концепции комплексного федерального закона о национальной безопасности Российской Федерации следует:

1. Оценить имеющиеся угрозы национальной безопасности России и выработать комплекс адекватных ответов, что позволит задействовать конкретные силы и средства. Обеспечение их масштабной деятельности должно предполагать всестороннее правовое регулирование таких сфер, как подготовка и комплектование силовых структур, правовой и социальный статус их представителей, вооружение и материально-техническое обеспечение и т.д. По сути дела, речь здесь идет о формировании современной системы законодательного регулирования национальной безопасности Российской Федерации.

2. Определить приоритеты законодательного обеспечения проблем национальной безопасности и провести экспертную оценку имеющейся правовой базы.

3. Провести мониторинг современной законодательной основы национальной безопасности Российской Федерации, выявить пробелы и противоречия. Как известно, внутриведомственная ориентированность нормативных правовых актов в сфере национальной безопасности, с одной стороны, выступает инструментом организации деятельности конкретных органов исполнительной власти, с другой - является причиной фрагментарности и разрозненности правовых норм, регулирующих отношения в области национальной безопасности. Между тем противоречия и декларативность положений законов, регулирующих сферу национальной безопасности, препятствуют их эффективному и целенаправленному исполнению.

4. Разработать методологию выработки концепции закона, общепринятого понятийного аппарата, раскрывающего основные категории национальной безопасности, а также системы количественных и качественных критериев, по которым определяются угрозы и даются оценки состояния национальной безопасности.

5. Необходимо также учесть, что с социальной точки зрения главная характеристика современного законодательства Российской Федерации о национальной безопасности состоит в том, что оно оказалось неспособным реально помочь защите национальных интересов страны. В результате проведенных реформ 1990-х годов страна получила неприемлемые социальные издержки: резкое снижение уровня производства и потребления, экономическую и политическую зависимость от иностранных экономических и политических систем, невиданные ранее неустроенность жизни и бедность миллионов людей, "бегство капиталов" и "утечку мозгов", высокий уровень безработицы, наркомании, алкоголизма, преступности, коррупции, терроризма, болезней, смертности (в том числе насильственной) и многое другое.

Современное законодательство Российской Федерации о национальной безопасности не содержит правовой основы для корректировки социально-экономического и социально-политического курса в случае, если он приводит к резкому снижению уровня национальной безопасности, к нарушению конституционных прав и свобод человека и гражданина и т.д. Более того, оно не устанавливает четких критериев ответственности руководящих должностных лиц федеральных органов исполнительной власти за то, что они не обеспечили прогнозирование, выявление и предупреждение потенциальных и реальных опасностей, приведших к многочисленным жертвам. Необходимо продумать способы устранения этих серьезных недостатков современного законодательства.

Содержание закона "О национальной безопасности"

Итак, каким может быть с учетом вышесказанного содержание закона "О национальной безопасности".

Преамбула закона в принципе предназначена для обоснования принятия закона или провозглашения его целей. Преамбула законопроекта "О национальной безопасности" могла бы гласить, что "настоящий Федеральный закон закрепляет правовые основы и принципы обеспечения безопасности личности, общества и государства, устанавливает систему национальной безопасности и ее функции, полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления в области обеспечения национальной безопасности, порядок контроля и надзора за их деятельностью, а также определяет статус Совета Безопасности Российской Федерации". Соответствующим образом следовало бы сформулировать и структурировать нормы такого законопроекта.

В разделе I "Общие положения" должны, видимо, определяться основные понятия, принципы обеспечения национальной безопасности, способы обеспечения национальной безопасности, указываться правовая основа деятельности по обеспечению национальной безопасности. При этом следовало бы посвятить отдельную статью законопроекта Стратегии национальной безопасности. В этом же разделе целесообразно упомянуть и о возможности участия граждан и их объединений в обеспечении национальной безопасности.

Блок статей, помещенный в раздел II законопроекта, следовало бы посвятить системе национальной безопасности, охарактеризовав в нем принципы и задачи регулирования таких сфер, как оборона; оборонно-промышленная безопасность; государственная и общественная безопасность; экономическая и продовольственная безопасность; информационная безопасность; борьба с терроризмом и экстремизмом; международная безопасность.

III раздел законопроекта мог бы содержать нормы об основных функциях системы национальной безопасности, устанавливать полномочия в области обеспечения национальной безопасности Президента РФ, федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ.

Именно в этом разделе следует законодательно определить статус Совета Безопасности РФ, его задачи и функции, определить в целом предназначение межведомственных комиссий Совета Безопасности, научного совета при Совете Безопасности и аппарата Совета Безопасности.

Раздел IV законопроекта мог бы определять общие принципы, виды и формы юридической ответственности за несоблюдение норм законодательства по

национальной безопасности, установить четкие критерии ответственности руководящих должностных лиц федеральных органов исполнительной власти за то, что они не обеспечили прогнозирование, выявление и предупреждение потенциальных и реальных опасностей, приведших к ущербу национальной безопасности страны.

В V разделе законопроекта следует предусмотреть порядок финансирования деятельности по обеспечению национальной безопасности, а также регулировать процедурные вопросы контроля и надзора за деятельностью органов по обеспечению национальной безопасности.

Наконец, в разделе VI могли бы содержаться заключительные положения – о порядке вступления такого Федерального конституционного закона в силу и о признании утратившим силу ФЗ РФ "О безопасности [11]".

В заключении следует отметить, что, имея базовый закон в сфере национальной безопасности, целесообразно в обязательном порядке разработать и принять законы "второго уровня".

Начинать модернизацию законодательства в сфере национальной безопасности следует с принятия на ближайшие несколько лет концепции (или плана) развития нормативно-правовой базы организации и функционирования системы обеспечения национальной безопасности страны. Эта концепция должна содержать перечень нормативных правовых актов всех уровней, предполагаемых к разработке, а также примерные сроки принятия.

Необходимо усовершенствовать правоприменительную практику, создав жесткие условия для эффективного функционирования действующих нормативных правовых актов в сфере национальной безопасности.

Следует также внести изменения и дополнения в действующее законодательство по вопросам: противодействия угрозам территориальной целостности страны; экономической, продовольственной, социальной, демографической, военной, пограничной, информационной и экологической безопасности; борьбы с организованной преступностью, коррупцией, распространением наркотиков, терроризмом, экстремизмом.

x

x

x

Мир меняется. Идущие в нем процессы глобальной трансформации таят в себе риски самого разного, зачастую непредсказуемого характера. В условиях мировых экономических и прочих потрясений всегда есть соблазн решить свои проблемы за чужой счет, путем силового давления. Не случайно уже сегодня раздаются голоса, что, мол, скоро "объективно" встанет вопрос о том, что национальный суверенитет не должен распространяться на ресурсы глобального значения.

Как отметил В.В. Путин, таких даже гипотетических возможностей в отношении России быть не должно. Это значит – мы никого не должны вводить в искушение своей слабостью [12].

Нам необходимы механизмы реагирования не только на уже существующие опасности. Нужно научиться "смотреть за горизонт", оценивать характер угроз на 30-50 лет вперед. Это серьезная задача, требующая мобилизации возможностей гражданской и военной науки, алгоритмов достоверного, долгосрочного прогноза.

Реагировать на угрозы и вызовы только сегодняшнего дня – значит обрекать себя на вечную роль отстающих. Мы должны всеми силами обеспечить техническое, технологическое, организационное превосходство над любым потенциальным противником. Роль комплексного федерального закона о национальной безопасности в решении этой задачи трудно переоценить.

Литература и примечания

1. Крохина Ю.А. Контроль реализации стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Законодательство. 2012. № 3.
2. СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.
3. Актуальные проблемы национальной безопасности России на современном этапе // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2004. № 1 (221).

4. Хропанюк В.Н. Теория государства и права / Под ред. В.Г. Стрекозова. М., 1997.
5. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 2005.
6. Байтин М.И., Петров Д.Е. Метод регулирования в системе права: виды и структура // Журнал российского права. 2006. № 2.
7. Лукьянова Е.Г. Основные тенденции развития российского права в условиях глобализации // Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика / Отв. ред. С.В. Поленина. М., 2006.
8. Труханова Э.Ф. Институализация медицинского права в качестве самостоятельной отрасли: теоретико-правовой анализ // Медицинское право. 2011. № 2 (36).
9. Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Административное право России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. (отв. ред. Попов Л.Л.). М.: "Проспект", 2010.
10. Там же.
11. Варламов В.Ю. Каким быть закону о национальной безопасности? // Право и безопасность. 2004. № 1(10).
12. Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 20.02.2012.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 342.36

ВЛИЯНИЕ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ НА РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (К 400-ЛЕТИЮ ДОМА РОМАНОВЫХ)

© 2013 г. В.И. Власов, Г.Б. Власова

*Ростовский филиал
Российской академии правосудия,
344038, г. Ростов-на-Дону,
ул. Ленина, 66*

*Rostov Branch of
Russian Academy of Justice,
66 Lenina St., Rostov-on-Don,
344038*

*Ростовский государственный
экономический университет «РИНХ»
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 69*

*Rostov State University
of Economics
69, B. Sadovaya str.,
Rostov-on-Don, 344002*

Статья посвящена вкладу династии Романовых в развитие Российского государства. В ней проанализирована деятельность наиболее видных ее представителей в области государственного строительства. Показана значимость политического и социального реформирования. Поставлен вопрос о форме осуществления революционных преобразований.

Ключевые слова: *монархия, абсолютизм, реформа, революция, император, царизм, бонапартистский режим, социальный лифт, регулярное государство.*

Examines the contribution of the Romanov Dynasty to the development of Russian statehood; analyses the activity of its most prominent representatives in the sphere of state formation; highlights the significance of political and social reforms; raises the issue of form of revolutionary transformations.

Keywords: *monarchy, absolutism, reforms, revolution, emperor, tsarism, Bonapartist regime, social lift, regular state.*

3 марта (по новому стилю) 1613 г. состоялось избрание на царствование Михаила Федоровича Романова. Получив разоренную страну, в которой проживало несколько миллионов человек и которая имела выход только к морям Северного ледовитого океана, династия Романовых превратила Россию в первоклассную мировую державу, занявшую по уровню экономического развития четвертое место в мире. Именно Россия, наряду с Англией, стала первой строить подводный флот, накануне Первой мировой войны создала тяжелую авиацию, располагала передовой наукой и достигла невиданных высот в развитии литературы и искусства.

Правление Романовых пришлось на историческую эпоху Нового времени (от Возрождения до Первой мировой войны). XVII, XVIII, XIX века оставили глубокий след в истории человечества. В Европе, Америке, Австралии сложились индустриально-развитые демократические государства. Век Просвещения и Великие Революции заложили основы современной правовой демократической государственности. Колонизация Центральной и Южной Америк, Африки и Южной Азии способствовали вовлечению их народов в мировой политический процесс. XIX в. ознаменовался небывалым расцветом науки, литературы, искусства. Окончательно оформились материнские правовые системы романо-германского и англосаксонского права. Сложились современные типы формы правления и формы государственного устройства.

В то же время эпоха Нового времени была эпохой весьма серьезных социальных потрясений и затяжных вооруженных конфликтов, среди которых выделяются гражданские войны в Англии и Северной Америке, Великая Французская революция, Война за испанское наследство, Северная война, Семилетняя война, Наполеоновские войны, Восточная (крымская) война, Войны Пруссии за объединение Германии, англо-бурская война, русско-японская война.

На этом фоне история развития Российской империи, возглавляемой Романовыми, выглядит не менее драматично. Еще в московский период своей истории Россия превращается в имперскую державу, раскинувшуюся от Днепра до Охотского моря и от Архангельска до Астрахани. Причем аналогом ей мог служить только Древний Рим, покоривший все средиземноморье, а не колониальные империи Испании, Англии или Франции. Знать всех стран, присоединенных к России, автоматически включалась в состав русского дворянства. Все были подданными русского царя.

Путь великой державы не был усыпан розами. И главная проблема России тех веков – крепостное право, окончательно установленное в 1649 г. Алексеем Михайловичем и упраздненное более чем двести лет спустя Александром II. Оценивая данное обстоятельство, не следует забывать об особенностях исторического развития России. Богатая в территориальном отношении Россия в XVII в. насчитывала несколько миллионов человек населения. Состояние боярско-дворянского сословия измерялось не количеством десятин земли, а количеством душ крепостных крестьян. Ничего похожего в Европе не было и в помине. И в целом историк В. Лавров прав, отмечая, что «в условиях холодного климата и рискованного земледелия, в геополитической ситуации, когда страна вынуждена защищать огромную территорию, иметь большую армию (350 тыс. при Петре I), строить и кормить города – без крепостничества вряд ли бы обошлись. Это была вынужденная страховка от голода, своего рода гарантия национальной безопасности» [1, с. 8].

К тому же это не помешало Екатерине Великой вывести Россию на передовые позиции экономического развития в конце XVIII в.

Период дворцовых переворотов создал ситуацию, когда самодержавие оказалось ограниченным цареубийством. «Страх быть задушенным шарфом гвардейца в случае освобождения крестьян с землей был очень силен – можно было разделить судьбу убиенных Петра III и Павла I. А все варианты освобождения крестьян без земли сразу же будили в памяти царствующих особ призрак пугачевщины во всероссийском масштабе» [2, с. 9].

Именно затянувшееся сохранение крепостного права породило отставание России. Появился феномен запаздывающего развития. В Пруссии крепостничество отменяют в 1810 г., а в России на полвека позже.

В период правления династии Романовых в России последовательно сменяются сословно-представительная монархия – абсолютная монархия и дуалистическая. Нельзя не сказать несколько слов о наиболее талантливых руководителях государства Российского в Новое время.

Первому из Романовых – Михаилу досталась разоренная страна. Как писал В.О. Ключевский: «Смута так много наломала старого, что само восстановление разрушенного неизбежно получало характер обновления, реформы» [3, с. 375]. Первые десять лет царь правил, опираясь на Земские соборы, которые заседали почти непрерывно. Монарх превратил их в определенный противовес Боярской Думе, которую он старался загрузить решением второстепенных дел. Постепенное укрепление самодержавия повлекло за собой свертывание Земских соборов.

Наследник Михаила – Алексей Михайлович царствовал с 1645 по 1676 гг. В условиях городских восстаний, медного бунта в Москве, крестьянской войны Степана Разина и войн с Польшей и Швецией второй Романов осуществил целую серию преобразований в политической, социальной и культурной сферах.

В целом это было переходное время: шел процесс формирования предпосылок абсолютизма – изменялся царский титул; Земский собор 1653 г., решавший вопрос о присоединении Украины к России, стал последним Собором полного состава; в Боярской Думе усиливались позиции людей не аристократического происхождения – думских дворян и думских дьяков; менялась приказная система – в ней появился специальный приказ Тайных дел, контролировавший деятельность остальных приказов, подчинявшийся непосредственно монарху.

Тенденция к централизации просматривалась и на местном уровне. Шел процесс замены должностных лиц земских выборных органов – городских приказчиков, губных старост на уездных воевод.

Наконец, победой Алексея Михайловича завершилось противостояние с московским патриархом Никоном.

В начале XVIII в. Россия вошла в строй европейских держав под грохот артиллерийских орудий. Началось время абсолютизма, первым представителем которого стал Петр I, названный Великим. Его значение в русской истории трудно переоценить. 28 лет из 36 лет своего царствования Петр провел в военных кампаниях. Силу русского оружия ощутили на себе Швеция, Турция и Персия.

Для достижения главной цели – преодоления вековой российской отсталости царь решительно перестроил весь государственный аппарат. Вместо Боярской Думы, формировавшейся по «породе», знатности был создан Сенат, куда входили по воле царя, чтобы не заседать, а работать. Место многочисленных приказов заняли двенадцать коллегий, отличавшиеся более строгим распределением обязанностей. Города стали управляться магистратами и бургомистрами. Страна была поделена на губернии, провинции и уезды.

Великий правитель пытался провести в жизнь мысль о наведении порядка посредством «регулярного государства», точнее полицейского. И к порядку стремился не только он, но и все российское общество.

В 1720 г. принципы организации государственного аппарата были закреплены в Генеральном регламенте, в основе которого лежало учение о бюрократическом управлении – камерализме, широко распространенное в Западной Европе. Именно в регламенте документ был поставлен над человеком, устанавливалась строгая подчиненность нижестоящих учреждений вышестоящим, определялись штаты и обязанности служащих, общение между инстанциями должно было осуществляться письменным образом.

Одним из гениальных петровских творений становится Табель о рангах. Первоклассный лифт, позволявший лицам абсолютно незнатного происхождения выходить на верхние этажи империи, примером чего в конце XIX – начале XX вв. являются сын младшего казачьего офицера Лавр Георгиевич Корнилов и сын солдата, дослужившегося до майора Антон Иванович Деникин.

В то же время не следует забывать и о том, что петровское государство было единственным инициатором движения. Именно от монарха зависели направления и темпы развития. К этому необходимо добавить, что основой развития было

крепостничество, и проводимая Петром европеизация России не имела капиталистического характера. В итоге в начале XVIII в. именно внеэкономическое принуждение стало универсальным методом управления, что привело к созданию промышленной базы, лишенной механизмов саморегуляции и саморазвития. Конечно, в тех условиях Петр не мог всего этого осознать. И в целом его усилия увенчались успехом. Россия отстояла свой суверенитет, стала империей, и это признали все ведущие державы Европы.

В XVIII столетии ни одна европейская держава не могла похвастаться такими императрицами, как Елизавета, дочь Петра Великого, и Екатерина Великая. Первой принадлежит заслуга в восстановлении мощи российской армии, которая пострадала при ее предшественниках, зримым доказательством чего стали яркие победы, одержанные Россией в Семилетней войне (ни одного поражения от Фридриха Великого и взятие его столицы – Берлина).

Весьма интересной чертой ее правления явилась отмена смертной казни. В этой акции Елизавета Петровна оказалась одинока, но, проявив волю, первой во всей Европе встала на этот путь.

С одной стороны, правление дочери Петра отмечено продолжением движения по основным направлениям политики ее отца, с другой стороны – она постаралась ввести Империю в русло неторопливого и размеренного развития.

При Екатерине Великой Россия значительно увеличивает свою территорию. В ее состав входят Курляндия и Литва, Западная Украина и Западная Белоруссия, Северное Причерноморье. Россия окончательно утверждается в ранге великой державы.

Правление Екатерины связывают с понятием «просвещенного абсолютизма» (хотя разве не просвещенным был абсолютизм Петра Великого и его дочери Елизаветы?).

Императрица проводит административно-территориальную реформу, перестраивает судебную систему. Для этого издаются «Учреждения для управления губерний» – по сути, главный акт екатерининской эпохи. В нем было усовершенствовано административно-территориальное деление государства. Введена стройная система органов управления на местах. Впервые в России была сделана попытка выделить судебные органы в отдельную ветвь государственной власти.

Екатерина готова была пойти и дальше. Об этом свидетельствовал написанный ею под влиянием идей просветителей «Наказ». В нем вводилось понятие гражданских прав, предполагалось подчинение всех без исключения закону, учитывающему естественные права человека. Однако императрица опережала свое время. Высказанные ею идеи встретили яростное сопротивление дворянства. Вторая половина XVIII в. стала пиком развития крепостного права. Как будет писать потом Некрасов: «Потомок татар как коня выводил на рынок раба-славянина».

В интересах дворянского сословия была издана «Грамота на права, вольности и преимущества благородного дворянства» (Жалованная грамота дворянству). Главный ее положительный эффект состоял в том, что она укрепляла класс собственников и способствовала появлению частной собственности западного типа. Одновременно была принята и «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», введившая городское самоуправление.

Однако главным для Екатерины было воспитание внука – будущего Александра I.

Если на протяжении всего XVIII в. Россия усваивала у Западной Европы уроки технологии, формы развития промышленности и государственной власти, систему образования, то в первой половине XIX в. она начинает играть ключевую роль на европейской авансцене.

В 1801 г. на российский трон всходит гуманный молодой человек, усвоивший передовые идеи эпохи Просвещения. Он заменит коллегии на министерства, что будет способствовать дальнейшей централизации бюрократического аппарата и усилению контроля за ним со стороны монарха. В 1810 г. создается Государственный совет – законосовещательный орган из лиц, назначаемых царем пожизненно.

Принимается новый цензурный устав, расширяется черта еврейской оседлости; право собственности на землю даровано всем свободным сословиям. Реформа

школьного образования завершается созданием довольно стройной системы образовательных учреждений разного уровня.

Однако главным качеством Александра I был талант дипломата. Подписанный им в 1807 г. мир с Наполеоном в Тильзите не идет ни в какое сравнение с Парижским миром по итогам Крымской войны, хотя русские полководцы не выиграли ни одного сражения. Главная его заслуга – освобождение Европы от Наполеона в 1814 г. Однако и приращение территории империи было весьма существенным – Финляндия, Польша, Молдавия, Аляска.

Но особого внимания заслуживает царствование Александра II Освободителя. Мы много говорим о революциях, о тех ужасных формах, в которых они протекают, о том, что задумывают их утописты, проводят фанатики, а пользуются результатами подлецы. А ведь реальная социальная революция – это качественный скачок по пути прогресса. И с этих позиций нет и не может быть никаких исламских или оранжевых революций, которые выражаются либо в откате назад на пути исторического развития, либо в элементарном переделе власти. Таких псевдореволюций в Латинской Америке или Африке насчитываются десятки.

Подлинная социальная революция, подобно великим английской или французской, продолжается не один год, выражается в серьезных экономических, социальных и политических преобразованиях, получая свое закрепление в таких эпохальных документах, как, например, Гражданский кодекс Наполеона. Победа реальной социальной революции – это победа гражданского общества над абсолютизмом, это ликвидация наиболее зримых проявлений сословности, это утверждение частно-собственнических отношений и равенства всех перед законом и судом. Поэтому бессмысленно говорить о социалистической революции, иначе приход нацистов в Германии к власти можно считать тоже революцией.

И в этом плане последний великий российский император Александр II был не просто реформатором, а реформатором-революционером.

Великая французская революция длилась десять лет – с 1789 по 1799 год. Посмотрите, сколько всего было сделано Александром II с 1861 по 1871 годы. Вопреки мнению большинства Государственного совета он 19 февраля 1861 года подписал Манифест об отмене крепостного права. За этот шаг современники называли его царем-освободителем.

Дальше реформы последовали одна за другой, неся на себе отпечаток либерализма. С 1862 года начинает публиковаться государственный бюджет, содержащий сведения о составе и сумме государственных доходов и расходов. В 1863 году проводится либеральная реформа университетского образования, а в 1864 году – школьная реформа. 1 января 1864 года начата земская реформа, нацеленная на развитие местного самоуправления в губерниях и уездах. В ноябре того же года утверждаются Судебные уставы, введившие принципы гласности в судопроизводстве, состязательности сторон в процессе, создавалась адвокатура, институт присяжных заседателей. Именно судебная реформа в дальнейшем будет считаться самой последовательной. И наоборот, цензурная реформа 1865 года оказалась самой урезанной.

Завершилось реформаторское десятилетие изданием Городового положения 1870 г., которое было нацелено на создание в городах всесословных органов общественного управления, избираемых на основе имущественного ценза.

Шестидесятые годы XIX века позволяют судить об Александре II как о государственном лидере, который оказался способным осознать во всей полноте проблемы, стоящие перед Россией, отказаться от принципов правления предшествовавшего ему царствования и осуществить целую систему преобразований, нацеленных на превращение феодальной монархии в буржуазную.

Вспомним основные цели декабристов, первых революционеров России: отмена крепостного права, развитие местного самоуправления, установление конституционной монархии. Две из трех этих целей были достигнуты Александром II в шестидесятые годы. К третьей он подошел вплотную в начале восьмидесятых годов, но был убит.

Много написано о недостаточности великих реформ Александра II, но каков их конечный результат? Россия в последующие двадцать лет будет переживать

небывалый подъем экономического развития и пройдет путь, который европейские державы преодолели за сто лет своего развития. Разве это не революционный сдвиг?

Не менее весомы и территориальные приобретения Александра II: Средняя Азия, Западная Армения. Да, продана Аляска, но ведь когда государственный секретарь США докладывал об этой сделке, его обвинили в покупке ящика со льдом. У России не было надежных коммуникаций с этим краем. Постоянно маячила нехватка продовольствия. Информация в один конец шла год. При таких условиях удерживать дальнюю провинцию было бессмысленно.

Однако Александр II оказался последним царем, способным кардинально изменить политический курс империи, радикально преобразовать, а точнее преобразить российскую государственность. После убийства народовольцами великого реформатора его сын Александр III решил реформы свернуть, не понимая того, что на смену эпохе реакции неизбежно придет эпоха революции. При наследнике Александра III – Николае II стали зримы признаки вырождения династии Романовых.

Воспитанный Победоносцевым, Николай II, «восходя на престол, в своем манифесте не смог сказать ничего иного, кроме того, что его главный долг – сохранить в неприкосновенности и передать в будущее самое ценное – унаследованное от предков российское самодержавие» [4, с. 9]. В результате 1905 год принес первое открытое столкновение двух России – старой России, России Николая I и новой России – России Александра II, за которой уже проглядывала Россия третья – Россия Ленина. Но не все еще было потеряно. Деятельность Витте, а затем Столыпина предотвратили сползание в пропасть. Социальный лифт работал, продолжая выводить на «верхи» власти талантливых людей. Либеральная демократическая Россия значительно продвинулась вперед. Абсолютная монархия преобразовалась в думскую, дуалистическую. И в то же время разночинные элементы во все возрастающем масштабе проникали в армейские верхи и государственный аппарат, усиливая ряды оппозиции. Интеллигенция поддерживала оппозицию, выступала за демократизацию страны по западному образцу. Общество было расколото: рабочие настроены против предпринимателей, крестьяне против помещиков, буржуазия против царского правительства. Центральная проблема российского бытия свелась к тому, во что выльется обостренный общественный конфликт: хватит ли у власти желания и умения удержать его в политических рамках или он перерастет в новую революцию.

Выход из создавшегося положения был возможен на путях бонапартистского режима, однако человека, который был способен его осуществить – Столыпина убили при явном попустительстве Николая II. Идеалом последнего был царь Алексей Михайлович, Петра Великого он «не почитал». Это в частности выражалось в его личной поддержке всех начинаний по реставрации стиля и быта допетровской Руси. Комендант Царского Села князь М. Путятин вспоминал, что при дворе всерьез задумываются о восстановлении придворных званий эпохи допетровской Москвы и о восстановлении московского флага как национального. Под непосредственным покровительством царя в Царском Селе в стиле XVII в. строился Федоровский государев собор и так называемый «Федоровский городок», одна из палат которого стала штаб-квартирой «Общества возрождения художественной Руси». Это общество, пропагандируя «Москву древнюю, православную», отвергая петровские реформы, искажившие «лик истинной России», и борясь за «возрождение древнерусского православного строя и быта», стремилось поставить препоны на пути прогрессивных, демократических преобразований, укрепить царский престол как средоточие русской самобытности. И Николай II поощрял деятельность сообщества.

Иными словами, перед своим крушением царизм стремился облечься в кафтан XVII века. Этим идеологическим и политическим переодеванием хотели усилить националистические настроения, которыми власть рассчитывала подкрепить расшатанные опоры самодержавия.

Николай II считал, что он должен делать ставку на «простой народ», на «мужика», а не на европеизированную общественность. Им был сделан вывод, что всякий раз, когда под давлением «общественности» он поступался самодержавным принципом, «выходило плохо». К тому же, как показал дальнейший ход событий, его

мнение о том, что общественные деятели из думского лагеря плохо знают страну и, придя к власти, не сумеют долго продержаться, оказалась верной.

К сожалению, император не осознавал в полной мере, что уход от решения проблем, в конечном счете, был способен лишь обострить их. Он ошибочно считал, что русский народ по своему патриотизму будет терпеливо ждать и только отдельные группы населения обеих столиц желают волнений. Однако недовольство и раздражение росло и слева, и справа. Царь пытался маневрировать. Результатом было стремительное падение престижа исполнительной власти.

Сам Николай II был весьма скрытным человеком, владевшим искусством не выдавать своих чувств и мыслей. Многим это казалось «страшным, трагическим безразличием». Другие видели в нем безволие, слабость характера, которые он тщательно старался маскировать. Как вспоминает генерал В. Гурко, если Николай II «не умел повелевать другими, то собой он, наоборот, владел в полной степени». Он мог «стойко... лелеять собственные мысли, нередко прибегая для проведения их в жизнь к окольным путям» [5, с. 35-37]. Последний российский император был хорошо воспитан и умел очаровывать. Имеются данные, свидетельствующие о его скептическом отношении к Распутину. Он терпел его, считаясь в основном с болезненным состоянием своей супруги. Умел Николай осторожно освободиться и от слишком назойливого давления царицы, если оно расходилось с его замыслами и намерениями. И все-таки это был очень слабый правитель, жалкое подобие своего отца и тем более деда. Он не жаловал Зимний дворец в Петрограде и более уютный Александровский в Царском Селе. Не любил из-за официальных приемов и множества людей. Он вообще старался реже встречаться с людьми.

Во время Первой мировой войны ему полюбилась Ставка Верховного главнокомандующего в Могилеве. Там было тихо и по-военному строго и четко. Скромные обеды с заранее определенным числом приглашенных, прогулки на автомобиле или пешком для разминки, поездка в собор на молитву, вечернее чтение, лучше что-нибудь по истории. В начале марта 1917 года, несмотря на все предупреждения и просьбы, он бросает столицу и уезжает в Ставку. И всего за несколько дней после его отъезда произойдут события, которые и приведут к полному, тотальному крушению многовековой Российской монархии. И именно поведение не только самого Николая II, но и всех членов фамилии Романовых станет самым явным доказательством полной политической деградации династии. Той династии, которая вывела Россию на передовые позиции в мире и, по сути, не приложила никаких усилий, чтобы не допустить крушение империи. Это был страшный урок для всех первых лиц тогдашних государств. Ни один из последних Романовых не смог соответствовать требованиям момента. Николай и его брат Михаил не смогли понять, что отрекаются они не от престола, а от своей Родины, своего многострадального народа, ввергая его в пучину братоубийственной гражданской войны. Российское гражданское общество оказалось слабым и не смогло противостоять угрозе надвигающегося тоталитаризма (о котором, к слову сказать, никто даже не мог иметь представления).

Литература и примечания

1. Аргументы и Факты. 2013. № 9.
2. Там же.
3. Ключевский В.О. Русская история. М., 2007.
4. Аргументы и Факты. 2013. № 9.
5. Ольденбург С.С. Царствование Николая II. М., 1992.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

УДК 343.162

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ КАК ВЕТВИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ [1]

© 2013 г. И.А. Умнова, И.А. Алешкова, Т.В. Власова

*Российская академия правосудия
117418, г. Москва, Новочерёмушкинская,
69, корп. «а»*

*Russian Academy of Justice
69 Corps "A", Novocheremushkinskaya st.,
Moscow, 117418*

Авторы анализируют законодательство и научную литературу, делая попытку сформулировать цель и задачи судебной власти как ветви государственной власти, сопоставив их с целью и задачами государственной власти как более общей категории, а также с целями и задачами судебных органов и судопроизводства путем выявления общего и особенного между ними.

Ключевые слова: *государственная власть; принцип разделения властей; судебная власть; цель судебной власти; задачи судебной власти; классификация.*

The authors analyze legislation and scientific literature, making an effort to formulate the aim and tasks of the judiciary as a branch of state power, comparing them with those of the state authorities as more general category, as well as with the aims and tasks of judicial bodies and judicial proceedings by identifying their common and particular features.

Keywords: *the power of the state; the principle of separation of powers; the judiciary; the aim of the judiciary; the tasks of the judiciary; classification.*

В последнее десятилетие вопросам организации и функционирования судебной власти уделяется значительное внимание [2]. Палитра затрагиваемых аспектов исследования свидетельствует о многогранности судебной власти как государственно-правового явления. В условиях расширения функций и полномочий судебной власти ученые начинают уделять повышенное внимание основной цели и задачам судебной власти как ветви государственной власти. Вместе с тем, как представляется, имеющиеся научные исследования по данным вопросам [3] отражают лишь определенные аспекты сложного вопроса, являющегося, на наш взгляд, одним из актуальных.

Исторически власть [4], являясь обязательным элементом социальной организации людей, выполняет функцию регулирования совместной деятельности людей, добиваясь реализации социальных норм, правил поведения, тем самым обеспечивая стабильность и правопорядок в сложившейся системе общественных отношений. В современном государственно-правовом измерении, как отмечает В.Д. Зорькин, задача государственной власти во всех трех ее ипостасях – снять конфликты (актуальные и потенциальные) и стоящие за ними противоречия, оставаясь в рамках господства права [5].

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 11 декабря 1998 г. № 28-П по делу о толковании положений ч. 4 ст. 111 Конституции РФ отмечается, что принципами функционирования механизма (системы) государственной власти, согласно статье 10 Конституции РФ, является разделение единой государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную (каждая ветвь власти в пределах своей компетенции действует самостоятельно) и взаимодействие (сотрудничество) властей в целях достижения общих конституционных целей и задач (обеспечение стабильности конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина и др.) [6].

Деятельность судебной власти как ветви государственной власти в современной России направлена на реализацию положения ст. 2 Конституции РФ о том, что

признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Учитывая, что принцип разделения властей нельзя абсолютизировать и нигде в мире он в чистом виде не существует, следует отметить, что изначально заложенная модель разделения властей в Российской Федерации в процессе исторического развития трансформируется, объективируясь во взаимосвязях между ветвями государственной власти с учетом политической ситуации в стране, но при этом не меняется ее основное назначение, определяемое четко заданной целью, для достижения которой она создана.

Цель (*филос.*) есть представление, которое стремятся осуществить. В понятие цели входит определенное представление, стремление к его осуществлению и представление о тех средствах, коими цель может быть осуществлена. Понятие цель есть продукт деятельности сознания и воли, субъективная априорная форма волевой мотивации к действию [7, с. 506].

Цель – идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта; конечный результат, на который преднамеренно направлен процесс [8]; «доведение возможности до её полного завершения» [9]. Согласно словарю русского языка С.И. Ожегова, цель – это «то, к чему стремятся, что надо осуществить» [10, с. 259]. Аналогичное значение данного слова дается в Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова: «то к чему стремятся, что намечено достигнуть, предел, намерение, которое должно осуществить» [11, с. 1211].

Соответственно, понимая цель как то, к чему надо стремиться, то, чего нужно достигнуть, следует отметить, что в современный период ни в законодательстве, ни в научной литературе общая цель судебной власти как ветви государственной власти четко не определена.

В законодательстве имеет место лишь определение цели Конституционного Суда РФ как самостоятельного органа конституционного контроля. Так, Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации» [12] в ст. 3 «Полномочия Конституционного Суда Российской Федерации» определяет две цели деятельности Конституционного Суда РФ:

- 1) защита основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина;
- 2) обеспечение верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории Российской Федерации.

И хотя в Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации» [13] закреплены две основные цели, профессор Н.В. Витрук отмечает, что в Законе не проводится различий между целями и задачами конституционного правосудия, и это обстоятельство рассматривается как некий недостаток, поскольку различение целей и задач деятельности конституционных судов не только возможно, но и необходимо. Цель рассчитана на длительную, стратегическую перспективу функционирования Конституционного Суда, которая конкретизируется, опредмечивается через определенные задачи [14, с. 243].

Свое регулирующее воздействие на общественную жизнь людей государственная власть оказывает через систему государственных органов, в деятельности которых она находит свое материальное воплощение. Следовательно, цель, закрепленная за одним из органов, входящих в судебную систему, не может рассматриваться как цель всей судебной власти как ветви государственной власти.

В научной литературе одни ученые считают, что целью судебной власти является содействие гражданам, их объединениям, включая экономические образования, государственным и общественным институтам в реализации законных прав [15].

Другие полагают, что какой бы ни была модель отправления правосудия, основной целью судебной власти остается устранение правового конфликта. Данная цель может рассматриваться сугубо в рамках отдельно взятой процессуальной отрасли либо доказательственного права, разрешаемой только законодателем, так как не влияет на общие цели, стоящие перед судебной властью [16, с. 19].

Третьи отмечают, что главным назначением судебной власти является разрешение политических, социальных, экономических и прочих видов конфликтов [17].

Ряд авторов рассматривает цель судебной власти через цель правосудия, определяя, что целью правосудия является защита субъективных прав [18, с. 22].

На наш взгляд, закрепление в Конституции РФ принципа разделения властей и осуществление его в Российской Федерации направлено на обеспечение баланса интересов личности, общества и государства. Соответственно, для этого у каждой из ветвей государственной власти, в рамках реализации закрепленных за ней полномочий, имеется своя цель, для достижения которой она осуществляет свои основные направления деятельности, т.е. функции и, соответственно, выполняет поставленные задачи.

Поскольку государство осуществляет власть через механизм государства, частью которого является судебная власть, то стоит отметить, что целью судебной власти как ветви государственной власти, осуществляющей свои полномочия от имени Российской Федерации, следует понимать результат, на достижение которого направлена ее деятельность. При этом речь идет о сущностном предназначении судебной власти, то есть о реализации ее исключительной, только для нее присущей цели.

В концентрированном виде целенаправленность судебной власти как вида государственной власти определяется положениями Конституции РФ: человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2); права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими; они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18). Это целевое конституционное установление конкретизируется в установлении целей и задач определенных судов и видов судопроизводства. Судопроизводство существует не ради самого процесса, оно, естественно, преследует достижения определенных целей и решает определенные задачи [19].

С учетом вышеизложенного, на наш взгляд, целью судебной власти как ветви государственной власти является **защита правовых ценностей человека, государства и общества посредством осуществления правосудия**. Ядро правовых ценностей составляют ценности, определенные Конституцией РФ, то есть конституционные ценности.

Наличие указанной цели обуславливает необходимость определения задач судебной власти. Поскольку судебные органы длительный период времени рассматривались как составная часть правоохранительной системы, то в современный период наблюдается отсутствие четкого разграничения задач судебной власти как ветви государственной власти с учетом ее конституционно-правового предназначения. В связи с этим происходит формулирование задач судебной власти без учета ее самостоятельности и независимости, а также новых задач, связанных с защитой права и свобод человека как высшей конституционной ценности. Соответственно, как результат, происходит подмена задач, стоящих перед судебной властью, задачами, которые должны разрешаться непосредственно другими правоохранительными органами (полицией, прокуратурой).

Отсутствует ясность о задачах судов и в решениях международных судов. В частности, Европейский Суд по правам человека в одном из своих решений отмечает, что толкование и применение национального права, в первую очередь, являются задачами национальных властей, особенно судов (см., например, Постановление Европейского Суда от 22 июня 1989 г. по делу «Эрикссон против Швеции» (Eriksson v. Sweden), § 62, Series A, № 156) [20]. Однако полагаем, что в данном случае речь идет не о задачах, а о функциях судебной власти как ветви государственной власти [21].

Анализ законодательства и научной литературы показывает, что перечень задач судебной власти как ветви государственной власти не сформирован. Конституция РФ определенных задач, стоящих перед судебной властью в целом, а также перед арбитражными судами и судами общей юрисдикции не выделяет. В нормативных правовых актах, регулирующих порядок организации и функционирования судебной власти, в ряде случаев закреплены задачи судов определенной юрисдикции.

Так, например, Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. «Об арбитражных судах в Российской Федерации» [22] выделяет две основные задачи – защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов предприятий, учреждений, организаций и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности и содействие укреплению законности и предупреждению правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В ст. 4 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. «О военных судах РФ» [23] закреплены задачи военных судов, которыми являются: обеспечение и защита нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов человека и гражданина, юридических лиц и их объединений; обеспечение и защита нарушенных и (или) оспариваемых прав и охраняемых законом интересов местного самоуправления; обеспечение и защита нарушенных и (или) оспариваемых прав и охраняемых законом интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Законодатель, формулируя задачи военных судов, возлагает на все военные суды, независимо от их места в иерархии судебной системы, равные, по сути, общие задачи по охране прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, а также органов государственной власти и местного самоуправления [24].

В научной литературе относительно задач, стоящих перед судебной властью как ветвью государственной власти, не выработано единой классификации. Так, в основном ученые затрагивают вопрос о задачах судебной власти через родовые явления судебной власти – судебную систему, суд, правосудие, судопроизводства и др.

Так, одни считают, что современное правосудие заключается в выполнении государством в лице судебной власти задач по реализации судебной функции, в результате которой в установленной законом процессуальной форме (в форме судопроизводства) осуществляется правоохранительная деятельность государства, а также защита прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов физических и юридических лиц в частноправовых и публично-правовых отношениях в соответствии с Конституцией РФ и международными правовыми стандартами [25, с. 40-43]. Другие выделяют такие основные задачи судебной власти, как создание, в сущности, новой судебной системы в России, формирование ее материально-правовой базы, необходимой инфраструктуры органами судейского сообщества и учреждениями Судебного департамента при Верховном Суде РФ для организационного обеспечения судебной деятельности и прежде всего ее самостоятельного государственного финансирования, а также учреждение новых судебных органов и правовое обеспечение организации осуществления правосудия на демократических началах [26, 130-134]. Третьи предполагают, что положения ст. 10, 18 и 46 Конституции РФ в совокупности позволяют сказать, что задачами судебной власти являются: осуществление правосудия и обеспечение непосредственно действующих прав и свобод человека и гражданина [27].

Следует учитывать, что понятие «задача» является неустоявшимся и многозначным. В узком смысле задачей называют непосредственно цель, данную в рамках проблемной ситуации, то есть то, что требуется сделать. В широком смысле под задачей понимается то, что нужно выполнить – всякое задание, поручение, дело – даже при отсутствии каких бы то ни было затруднений или препятствий в выполнении. В практическом (техническом) смысле задачи обозначают упражнение, требующее нахождения решения по известным данным с помощью определенных действий (умозаключения, вычисления, перемещения элементов и т.п.) при соблюдении определенных правил совершения этих действий.

В отличие от функции, которая может осуществляться постоянно, задача может быть решена. Решение задачи обычно требует определенных знаний и размышления. Отсюда – понятие «озадачить» означает либо «заставить задуматься», либо «поручить выполнение задачи» [28]. С.И. Ожегов дает следующее определение понятия задачи – это то, что требует исполнения, решения. Задачи любого направления и вида деятельности – это категория, по сравнению с целью, более частная, более конкретная и ограниченная [29, с. 259].

С учетом многозначности понятия «задачи» их классификация применительно к судебной власти может быть проведена по различным основаниям.

По типу судебной деятельности задачи судебной власти могут быть разграничены на **интегративные (комплексные) и дифференцированные (конкретные)**.

Интегративные задачи вытекают из правовой природы судебной власти как ветви государственной власти. К ним следует отнести защиту конституционных прав и свобод, обеспечение устойчивости конституционных принципов, обеспечение прямого действия Конституции РФ.

Полагаем, что реализация обозначенных задач способствует материализации действующего права. Так, В.Н. Корнев акцентирует внимание на том, что конституционные положения о видах действующего права оказывают решающее влияние на теорию и практику системного толкования нормативных правовых предписаний [30].

Т.Г. Морщакова отмечает, что самостоятельная и независимая судебная власть, исполняя роль баланса во взаимоотношениях органов законодательной и исполнительной власти, должна обеспечивать непосредственное действие Конституции РФ во всех сферах законодательной и правоприменительной деятельности, и, прежде всего, гарантировать судебную защиту прав и свобод человека и гражданина [31, с. 22].

Данные задачи судебной власти одинаково свойственны всем судам, включенным в судебную систему Российской Федерации, поскольку независимо от процессуальных форм осуществления правосудия, его конституционно-правовые основы проявляются в целях и принципах, закрепленных в основном законе страны.

Дифференцированные задачи связаны с решением вопросов защиты правовых ценностей конкретных отраслей права.

В большинстве нормативных правовых источников цели и задачи, стоящие перед судебными органами, определяются исходя из цели и задачи деятельности судебной власти как ветви государственной власти. В то же время их специфика определена видом судопроизводства и видом судебного органа. Так, А.Ф. Козлов отмечал, что задачи судебной власти преимущественно обусловлены тем или иным видом судопроизводства» [32, с. 249].

В современной судебной системе эти задачи реализуются посредством конституционного, административного, арбитражного, уголовного и гражданско-правового судопроизводства. Дифференциация задач вытекает из тенденции дифференциации права, его предмета правового регулирования, форм и способов обеспечения, форм и источников права.

По сферам правового регулирования дифференцированные задачи могут быть разграничены на **социальные, экономические, политические, государственно-правовые, культурные** и т.д. Такая дифференциация имеет, однако, смысл, когда перечисленные задачи рассматриваются не изолированно, а во взаимосвязи. В частности, Н.С. Бондарь обоснованно обращает внимание на то, что, «отдавая должное роли судебной власти в решении задач по социальной защите граждан, необходимо иметь в виду бесспорность факта, что полное осуществление социальных прав в решающей степени зависит от состояния экономики и финансовых возможностей государства» [33, с. 272].

С точки зрения механизма правового регулирования различаются **позитивистские и социологические задачи** судебной власти как ветви государственной власти.

Позитивистские задачи связаны с применением норм законов и других формально определенных источников права, в то время как **социологические** связаны с социологией права, то есть с анализом и обобщением практики реализации правовых норм, анализом правовых отношений и сложившихся взглядов и подходов.

С точки зрения функциональных особенностей норм права задачи судебной власти могут быть разграничены на **материальные и процессуальные**.

Если материальные задачи затрагивают содержание норм права, то процессуальные касаются порядка и процедурных требований осуществления судебной власти.

В частности, к материальным задачам можно отнести защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов; содействие укреплению законности и содействие в обеспечении правопорядка и др. К процессуальным задачам относится осуществление правосудия путем рассмотрения подведомственных суду дел; разрешение правовых споров; осуществление правосудия независимым судом, в открытом судебном заседании, на основе состязательности и равноправия сторон; вынесение законного, обоснованного и справедливого решения и т.п.

По субъекту, перед которым эти задачи поставлены, их можно разграничить на **общие и специальные** задачи судебной власти как ветви государственной власти. Общие задачи непосредственно связаны с деятельностью по осуществлению правосудия и свойственны всем судам, составляющим в совокупности судебную систему. К общим задачам судебной власти как ветви государственной власти можно отнести инновационное использование технологий и совершенствование судебных процедур [34]; повышение профессионализма судей и непрерывное его совершенствование и др.

Специальные задачи связаны с видами судебной власти и присущи, соответственно, только лишь определенной группе судов (например, специализированным судам, военным судам, судам конституционной юрисдикции, судам общей юрисдикции или судам арбитражной юрисдикции). В частности, защита положений Конституции РФ путем определения соответствия федеральных законов положениям российской Конституции является задачей Конституционного Суда РФ.

Специальные задачи, как и сама судебная система, имеют склонность к дифференциации. Например, в соответствии с Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации» [35] и Федеральным конституционным законом от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» [36] к специализированным судам относится суд по интеллектуальным правам, основной задачей которого является защита интеллектуальных прав.

Задачи по развитию судебной власти могут быть поставлены и в отношении специализированных административных органов, обслуживающих суды.

Так, в современный период одной из задач судейского сообщества согласно ст. 4 Федерального закона от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» является содействие в совершенствовании судебной системы и судопроизводства [37]. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 21 июня 1997г. № 118-ФЗ «О судебных приставах» на судебных приставах возлагаются задачи по:

- обеспечению установленного порядка деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов;
- осуществлению принудительного исполнения судебных актов, а также предусмотренных Федеральным законом от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [38] актов других органов и должностных лиц;
- исполнению законодательства об уголовном судопроизводстве по делам, отнесенным уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации к подсудности федерального органа исполнительной власти по обеспечению установленного порядка деятельности судов и исполнению судебных актов и актов других органов [39].

По времени действия задачи судебной власти можно было бы разграничить на **временные постоянные, краткосрочные и долгосрочные** задачи.

Смысл выделения **краткосрочных и долгосрочных задач** обусловлен наличием в каждом государстве судебной политики, формулируемой в доктринальных (концептуальных) и стратегических документах. В частности, в России такого рода задачи в последние годы обозначаются в Концепциях федеральной целевой

программы «Развитие судебной системы России», в ежегодных посланиях Президента РФ, которые являются программными политико-правовыми документами, выражают видение стратегических направлений развития России на ближайшую перспективу, закрепляют задачи для судебной власти, в том числе во взаимосвязи с другими концепциями и стратегиями. В частности, в Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 годы» обозначено, что задачи, поставленные в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, являются основополагающими для развития судебной системы России. Обеспечение доступа граждан к правосудию и обеспечение его максимальной открытости и прозрачности, реализация принципа независимости и объективности при вынесении судебных решений являются основными направлениями дальнейшего развития судебной системы. И поскольку судебная власть является ветвью государственной власти, соответственно данные задачи на определенный период должны быть реализованы совместно всеми тремя ветвями власти, в том числе и судебной.

Концепции (стратегии, доктрины) закрепляют наиболее общие положения судебно-правовой политики, выступают своеобразной платформой, базисом для иных правовых средств. Преимуществом является то, что в основе их создания лежит научный подход, нацеленный на практический результат. Такие документы необходимы для всеобщего осознания цели, к которой движется общество в той или иной сфере, а также способов ее достижения. Кроме того, они создают условия именно для последовательного преобразования судебной системы.

Обобщая сказанное, стоит отметить, что при определении цели судебной власти важно изначально понимать, что осуществление судебной деятельности, является целенаправленным. Эта целенаправленность выражена в законодательно закрепленных задачах соответствующих видов судебных органов и видов судопроизводства. В современный период в условиях гуманизации права и повышения роли судов в защите прав и свобод, судебная власть как ветвь государственной власти оказывает более значимую роль, чем в советский период, соответственно возникает больше задач для достижения поставленной цели. Множественность критериев для классификации задач, взаимосвязанность цели и задач судебной власти с такими категориями, как принципы и функции судебной власти заставляет современную правовую науку развивать исследования в данном направлении, расширять дискуссии и вносить большую определенность в понятия, раскрывающие сущность, предназначение и особенности судебной власти.

Литература и примечания

1. Статья выполнена с использованием СПС «КонсультантПлюс».
2. Абросимова Е.Б. Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы. М., 2002; Власенко Н.А. Власенко А.Н. Судебная власть и судебная деятельность в Российской Федерации. М.: РАП, 2007; Анишина В.И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации. Курс лекций. М.: РАП, 2008; Анишина В.И. Конституционно-правовая доктрина самостоятельности судебной власти в современной России: проблемы теории и практики реализации. М.: РАП, 2008; Клеандров М.И. Правовые основы статуса судьи. Курс лекций. М.: РАП, 2010; Правоохранительные и судебные органы России. Учебник / Под ред. Н.А. Петухова и А.С. Мамыкина. 2-е издание. М.: РАП, 2010; Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России. М.: Норма, 2011; Судебная власть и правосудие в Российской Федерации. Курс лекций / Под ред. В.В. Ершова. М.: РАП, 2011; Правосудие в современном мире / Под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М.: Норма, 2012; Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Учебное пособие. 4-е издание. М.: Норма, 2012 и др.
3. Дегтярев С.Л. Цели и задачи судебной власти на современном этапе // Известия вузов. Правоведение. 2005. № 6. С. 99 – 108; Павловский В. Теоретико-правовые основы деятельности судебной власти // Право и жизнь. 2002. № 50 (7). С. 37 – 38; Гаджиев Г.А. Цели, задачи и предназначение Конституционного Суда Российской Федерации. Часть I; Часть II // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 1, 2;

Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: Монография. М.: Проспект, 2010. 576 с.

4. При наличии различных подходов в юриспруденции власть рассматривается с учетом тех или иных модификаций как возможность и способность субъекта общественных отношений (личности, класса, элиты, общественного объединения, государства) оказывать воздействие на волю, поведение, деятельность конкретных людей (их объединений) с помощью различных средств (права, авторитета, убеждения, традиций, принуждения, насилия и т.д.). При этом методы и способы воздействия разнообразны и специфичны как в социальных общностях – семье, трудовых коллективах, общественных объединениях, партиях, так и при осуществлении власти государством.

5. Комментарий к Конституции Российской Федерации. Постатейный. 2-е издание, пересмотренное / Под ред. В.Д. Зорькина. М.: Норма - Инфра-М, 2011.

6. Собрание законодательства РФ. 1998. № 52. Ст. 6447.

7. Краткая философская энциклопедия. М., 1994.

8. Доброхотов А. Л. Цель / Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000.

9. Сергеев К. А., Слинин Я.А. Природа и разум: античная парадигма. Л.: ЛГУ, 1991.

10. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1984.

11. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т.1. М., 1996.

12. ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21.07.1994 г. // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

13. ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21.07.1994 г. // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

14. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. М., 2005.

15. Фоков А.П. Судебная власть в системе разделения властей. Электронный ресурс. 2009.

16. Дегтярев С.Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве (теоретико-прикладные проблемы): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008.

17. Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2006.

18. Баталова Л.А., Вершинин А.П. Способы защиты прав налогоплательщиков в арбитражном суде. СПб., 1997.

19. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., исправленное и доп. М.: НОРМА, 2009.

20. Постановление ЕСПЧ от 8 января 2009 г. «Дело «Куимов (Kuimov) против Российской Федерации» (жалоба № 32147/04). Заявителем обжалуется запрет на любые контакты с приемной дочерью, которая была отобрана при непосредственной угрозе ее здоровью и впоследствии возвращена в семью. По делу допущено нарушение статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 12.

21. Конституционное право России / под ред. Витрука Н.В. М., Норма, 2010.

22. ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» от 28 апреля 1995 г. // Собрание законодательства РФ. № 18. Ст. 1589.

23. ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» от 23 июня 1999 г. // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3170.

24. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О военных судах Российской Федерации» (постатейный) / С.В. Булаковский, К.В. Фатеев, С.С. Харитонов и др.; под ред. В.В. Хомчика. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». М.: За права военнослужащих, 2012. Вып. 128.

25. Переплеснина Е.М. Судебная власть и правосудие в конституционно-правовой системе современной России // Российская юстиция. 2012. № 5.

26. Мурадян Э.М. Конституционная доктрина судебной власти России // Журнал российского права. 2011. № 9.

27. Дегтярев С.Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве. М., 2007.

28. Брушлинский А. В. Психология мышления и кибернетика. М., 1970.

29. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1984.
30. Корнев В.Н. Легальные и доктринальные основания понятия «действующее право» // Российское правосудие. 2011. №11 (79).
31. Морщакова Т.Г. Разграничение компетенции между Конституционным Судом и другими судами Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. №7.
32. Козлов А. Ф. Перспективы развития судебной деятельности по разрешению гражданских дел в период строительства коммунизма: Сб. уч. тр. Вып. 5. Свердловск, 1966.
33. Бондарь Н.С. Гражданин и публичная власть. Конституционное обеспечение прав в местном самоуправлении. М., 2004.
34. Данная задача ставится в ряде программных документов, в том числе в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, Государственной программе Российской Федерации «Информационное общество» (2011 - 2020 годы).
35. Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
36. Собрание законодательства РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.
37. Собрание законодательства РФ. 2002. № 11. Ст. 1022.
38. Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
39. Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3590.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

УДК 342.7

ПРАВО ДЕТЕЙ НА БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ ПРАВ И СВОБОД В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2013 г. *Е.Н. Бухарова*

*Российская академия правосудия
117418, г. Москва, Новочерёмушкинская,
69, корп. «а»*

*Russian Academy of Justice
69 Corps "A", Novocheremushkinskaya st.,
Moscow, 117418*

В статье затрагиваются актуальные аспекты понятия и содержания права детей на безопасность, раскрываются международно-правовые и конституционно-правовые основы безопасности детей в Российской Федерации, определяется место данного права в системе других прав и свобод.

Ключевые слова: *право детей на безопасность, международно-правовые основы безопасности детей, конституционно-правовые основы безопасности детей, система прав и свобод.*

In the article the author researches the topical aspects of the concept and the content of the right of children to security, the international law and constitutional law foundations of children's security in the Russian Federation; determines the place of the children's right to security within the system of other rights and freedoms.

Keywords: *the right of children to security, the international law foundations of children's security, the constitutional law foundations of children's security, the system of rights and freedoms.*

В условиях выдвижения на международном и национальном уровнях актуальных вопросов обеспечения защиты человека от угроз и вызовов современной эпохи особо повышенный интерес среди прав третьего поколения вызывает право на безопасность.

В Словаре русского языка С.И. Ожегова под безопасностью понимается «положение, при котором не угрожает опасность кому, чему» [1, с. 40]. По мнению В. Даля, безопасность можно определить как отсутствие опасности, стабильность, сохранность, надежность; безопасный – «неопасный, неугрожающий, не могущий причинить зла или вреда, безвредный, сохраненный, верный, надежный. Безопасность – отсутствие опасности; сохранность, надежность» [2, с. 67-68].

Существительное «безопасность», образованное от слова опасность (свойство [3, с. 676], возможность [4, с. 566], угроза чего-нибудь опасного – способного вызвать, причинить вред, несчастье [5, с. 441]) с приставкой «без» в значении отсутствия чего-нибудь [6, с. 39], обозначает отсутствие возможности (обстоятельств, средств, условий [7, с. 92]) или угрозы (запугивание, обещание, возможность [8, с. 825]) осуществления, возникновения, причинения вреда, несчастья, то есть термином «безопасность» можно обозначать свойство (качество, признак, составляющий отличительную особенность чего-нибудь [9, с. 704]), состояние или положение (местонахождение, совокупность общественно-политических отношений, обстановка или распорядок общественной жизни, место или роль в общественной жизни, коллектива, семьи, настроение, самочувствие, возможность сделать что-либо, свод правил или законов, научное утверждение [10, с. 545, 751].

Таким образом, научно-правовая категория «безопасность» может обозначать явление, свойство, состояние, правоотношения, норму, функцию, принцип, закономерность, теорию, а также средства, меры, деятельность по осуществлению безопасности, – противостоянию и противодействию (предупреждению, нейтрализации, устранению) реализованным и потенциальным опасностям, угрозам, их объективно-субъективным факторам [11, с. 4].

Право на безопасность в его субъективно-правовом понимании представляет собой сложносоставное, комплексное понятие, присущее как отдельному индивиду, так и коллективу, социальной группе. Данное право дифференцируется также применительно к отдельным категориям лиц, среди которых выделяются особо нуждающиеся в защите со стороны государства: дети, инвалиды, пенсионеры, беженцы и т.п.

Актуальность специального конституционно-правовой защиты права детей на безопасность обусловлена, во-первых, наибольшей уязвимостью детей от внешних факторов негативного воздействия; во-вторых, теми социально значимыми последствиями, которые возникают вследствие причинения вреда возрастной категории, относимой к детям. Не случайно различные аспекты защиты прав ребенка в последнее время являются предметом достаточно глубоких исследований в юридической литературе [12].

Признание детей самостоятельными субъектами права [13, с. 176] требует выработки ряда развивающих гарантий для обеспечения и защиты его как носителя данного права, поскольку ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в том, чтобы обстановка, в которой он развивается как до, так и после рождения была безопасной.

В самом общем понимании право детей на безопасность можно определить как право детей на защиту от угроз, способных причинить им вред.

Право детей на безопасность является сложносоставным по своему содержанию правом.

Во-первых, носителем данного права выступают как отдельно взятый ребенок, так и группа детей. Кроме того в современном праве носителем права на безопасность в определенных случаях рассматриваются «дети» в целом как социально-правовая категория. Такая необходимость возникает при постановке задачи создания системного режима их государственно-правовой защиты, то есть обеспечения специальных норм и институтов: в частности, установление особых стандартов питания, медикаментозного лечения, одежды, отдыха; учреждение института ювенальной юстиции, формирование особых мер защиты детей от правонарушителей и преступников и др.

Во-вторых, безопасность детей неразделима от безопасности семьи. Основой любого современного государства, ячейкой общества является семья. Главной

ценностью семейной жизни являются дети. Поэтому право детей на безопасность напрямую совпадает с законными интересами семьи и родителей на эту безопасность.

В-третьих, забота о безопасности детей предполагает создание не только со стороны родителей, но и со стороны государства безопасных условий для их безопасной и полноценной жизни. Государство путем должной поддержки извне проводит особую социальную политику защиты семьи и детства. Обеспечение безопасности детей тесно связано с решением проблемы возрождения и государственной поддержки семьи, выходом из кризисной для России демографической ситуации и созданием условий для эффективной защиты прав и законных интересов детей [14].

В-четвертых, рассмотрение вопросов, обеспечивающих возможность детям безопасно жить и развиваться, является особо перспективным в функционировании механизма защиты всего комплекса прав и свобод в контексте понимания того, что речь идет не только о нынешних, но и будущих поколениях.

В контексте анализируемого права детей на безопасность конституционно-правовую категорию «дети» следует рассматривать в трех аспектах: 1) ребенок как индивид; 2) дети как социум, то есть совокупность детей, компактно сосредоточенных в силу проживания и (или) временного пребывания (дети детского сада; дети, находящиеся в школе; дети детского дома; дети на детской площадке и пр.); 3) дети как социально-правовая категория в целом.

В международном праве и в национальном законодательстве государств все три названные категории являются правовыми и подлежат особой защите.

Необходимость в особой защите ребенка была предусмотрена еще в Женевской декларации прав ребенка 1924 года и Декларации прав ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей 20 ноября 1959 года, Согласно ст.1 Конвенции ООН о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее [15].

В международно-правовых документах широко используется и термин «дети». Так, во Всеобщей декларации прав человека ООН провозглашено, что «дети имеют право на особую заботу и помощь».

Декларации о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях от 3 декабря 1986 года, используются термины «дети» и «ребенок», они рассматриваются как идентичные, разница заключается лишь в том, что ребенок используется в единственном числе, а дети – во множественном числе.

Праву детей на безопасность посвящена Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов (Принята 14.12.1974 Резолюцией 3318 (XXIX) на 2319-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

В определенных случаях в международно-правовых документах используется термин «несовершеннолетние». Примером являются Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних [16] («Пекинские правила»).

Пекинские правила отправления ювенальной юстиции являются составляющими Конвенции о правах ребенка и подробно описывают всю систему ювенальной юстиции, в том числе социальную составляющую работы с ребенком.

В международном праве предусматривается необходимость защиты прав ребенка от следующих посягательств: а) произвольного или незаконного вмешательства в осуществление его права на личную жизнь или посягательства на честь и достоинство; б) всех форм физического или психического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации; в) экономической эксплуатации и выполнения любой работы, которая может представлять опасность для его здоровья или служить препятствием в получении им образования либо наносить ущерб его здоровью и физическому, умственному, духовному, моральному и социальному развитию; г) незаконного

потребления наркотических средств и психотропных веществ; д) всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения; е) бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания; ж) всех других форм эксплуатации, наносящих ущерб любому аспекту благосостояния ребенка (ст. 16, 19, 32 - 34, 37 Конвенции о правах ребенка).

Существующая в Российской Федерации нормативно-правовая база по вопросам защиты прав детей за последние десятилетия была существенно, позитивно преобразована путем установления определенного семейно-правового статуса несовершеннолетних.

Главным гарантом защиты прав и интересов детей в нашей стране выступает Конституция Российской Федерации, на положениях которой основываются и все другие нормативные акты. Рассматриваемое право детей на безопасность в самом тексте Конституции Российской Федерации не сформулировано, однако действующими конституционными положениями делается акцент на защиту детства, эффективность которой зависит от процессов взаимодействия интересов личности, общества и государства, от поддержки и защиты государством семьи, материнства, отцовства и детства (ст.7, 38 Конституции РФ), от участия в равной мере в заботе о детях, в процессе их воспитания обоих родителей.

Конституция РФ не дает определения понятия детей или ребенка, однако, исходя из формулировок ч.3 ст. 38 и ст.60 Конституции РФ, под детьми понимаются лица до 18 лет. Именно после достижения такого возраста у них возникает обязанность заботиться о нетрудоспособных родителях, они приобретают право осуществлять в полном объеме свои права и обязанности.

Более подробно отношения, возникающие в связи с реализацией основных гарантий прав и законных интересов детей в Российской Федерации, являются предметом регулирования Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о правах ребенка) [17]. Согласно его статье 1 «ребенок – лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия)».

Федеральный закон о правах ребенка устанавливает основные гарантии прав и законных интересов ребенка, предусмотренных Конституцией Российской Федерации в целях создания правовых, социально-экономических условий для реализации прав и законных интересов ребенка. Государство признает детство важным этапом жизни человека и исходит из принципов приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе, развития у них общественно значимой и творческой активности, воспитания в них высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданственности.

В Указе Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы» [18] в качестве основных задач, напрямую связанных с безопасностью данной категории лиц, названы организация профилактики межэтнической, межконфессиональной и социально-имущественной напряженности в образовательной среде в соответствии с современными вызовами и обеспечение информационной безопасности детства путем реализации единой государственной политики в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, и соответственно разработаны определенные меры, направленные на достижение поставленных задач. Наличие в законодательстве акцентов на необходимость обеспечения отмеченных сфер подтверждает важность развития права детей на безопасность.

Конституционное право на информацию относится к группе личных прав. Однако, учитывая специфику субъекта права на безопасность, стоит отметить, что в современный период особо важна информационная безопасность детей. В Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» под информационной безопасностью детей понимается состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию [19].

В современный период полная реализация прав и свобод чаще всего становится невозможной без реализации других прав и свобод, в связи с чем взаимосвязь права

детей на безопасность с другими правами и свободами обусловлена глобальностью содержания рассматриваемого правомочия.

Системным образом право детей на безопасность связано с большинством прав и свобод человека. При этом нужно учитывать, что все права и свободы неразделимы и взаимосвязаны, а основные права и свободы имеют главную конституционную цель – гарантировать личности во всех сферах ее жизнедеятельности: частную жизнь и личную безопасность.

Среди прав и свобод наиболее тесно право детей на безопасность связано с более общим *правом каждого человека на безопасность* и зависит от него. В свою очередь, право человека на безопасность во многом зависит от состояния безопасности семьи, а также государства и общества в целом.

Право на безопасность детей тесно связано с *правом на жизнь, на охрану здоровья, на благоприятную окружающую среду, на социальное обеспечение и развитие*. Эта связь особенно актуализирована в современную эпоху, поскольку человечество столкнулось со всеобостряющимися противоречиями между растущими потребностями и неспособностью обеспечить их, не разрушая биосферы.

Право детей на безопасность – гарантия для реализации средств и условий, призванных обеспечить непосредственную защиту человеческой жизни, различные формы социального обеспечения, медицинскую помощь, благоприятную окружающую среду, запрет пыток, насилия, жестокого обращения и т. д.

Право детей на безопасность зависит от количества природных ресурсов, расходования их без ограничения и здравого смысла и соответственно нанесение ущерба условиям жизнедеятельности будущих поколений. В соответствии с Конституцией Российской Федерации каждый, имеющий право на жизнь и на охрану здоровья, является одновременно носителем права на благоприятную окружающую среду. При этом каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам, которые являются основой развития, жизни и деятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации.

Благоприятная окружающая среда – нормальная экосистема, позволяющая формироваться детям как биологическим существам согласно законам природы, отсутствие войны, массовое террористических актов особенно с использованием современных видов оружия (ядерного, химического, бактериологического и т.д.) способны создать серьезную угрозу экосистеме планеты в целом (как следствие этого – разрушение озонового слоя, глобальное потепление, радиация, распространение биологических особей-убийц и т.п.). В свою очередь, масштабные экологические катаклизмы неизбежно влекут за собой аномальное развитие и гибель детей и как следствие исчезновение человечества. Поэтому дееспособные граждане, государство и иные субъекты права должны создавать прежде всего безопасные условия среды обитания и развития для обеспечения безопасности детей.

Несмотря на положительные тенденции, существует еще достаточно много пробелов и противоречий в российском законодательстве, обеспечивающем данные аспекты безопасности.

Право детей на безопасность тесно связано с *правом на свободу*. В общем смысле данное право увеличивает степень свободы детей, пользования ими определенными благами.

Право на свободу, которое возникло как запрещение рабства и иных форм подневольного состояния, но имеющее в настоящее время гораздо более широкое содержание, дает возможность личности самореализовываться. Согласно идеям правового государства последнее обязано не только соблюдать свои собственные законы, но и не может допускать каких-либо актов произвола в отношении своих граждан. Эти воззрения нашли свое выражение в том, что современное право в Российской Федерации и других странах устанавливает многочисленные юридические гарантии, защищающие детей от произвола со стороны государства и его органов. Эти гарантии находят свое выражение в провозглашении права на свободу и личную неприкосновенность и других прав, связанных со свободой жизнедеятельности. Так, взаимосвязь права детей на развитие и права на свободу и личную неприкосновенность проявляется через возможность делать все, что не нарушает прав

других людей и общества в целом и тем самым спокойно и гармонично развиваться самому, не мешая другому и создавая тем самым гарантию каждому человеку на безопасность и свободу.

Важнейшим критерием реализации права детей на безопасность является обеспечение *права на образование*. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [20] устанавливает, что государственная политика в области образования основывается на следующих принципах: обеспечение права каждого человека на образование, недопустимость дискриминации в сфере образования; гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования; создание условий для самореализации каждого человека, свободное развитие его способностей, включая предоставление права выбора форм получения образования, форм обучения, организации, осуществляющей образовательную деятельность, направленности образования в пределах, предоставленных системой образования.

Система образования предполагает порядок, при котором основная часть детей проводит большую часть своего времени в школах как среде детского социума. Соответственно наличие безопасных условий для самореализации в период нахождения в школах является одним из важнейших элементов реализации права детей на безопасность.

Право детей на безопасность тесно связано с право на достоинство личности. Достоинство личности – основа прав человека. На протяжении тысячелетий дети рассматривались как будущие члены общества [21]. И лишь по мере становления представлений о самоценности человеческой личности в них стали видеть не только объект воспитательного воздействия, но и равноправного партнера общественных отношений. В основе такого понимания лежит признание ребенка личностью, обладающей таким же достоинством, как и взрослый. Различие состоит главным образом в том, что совершеннолетние могут защищать свои интересы самостоятельно, а дети вынуждены обращаться за помощью к тем, кто должен обеспечивать их права [22].

Конвенции ООН о правах ребенка рассматривает ребенка как самостоятельную личность, наделенную соответствующими правами, способную в определенной мере к их самостоятельному осуществлению и защите. Закрепленный в Семейном кодексе РФ подход к ребенку как к самостоятельному субъекту права соответствует положениям Конвенции о правах ребенка и принятым Российской Федерацией обязательствам обеспечить всемерную защиту прав и интересов ребенка [23].

Обобщая изложенное, необходимо отметить следующее.

Особенности современного развития человечества способствуют повышению роли и фактически выдвигают на первый план право детей на безопасность, придавая ему свойство глобальной ценности цивилизации. Между тем важно понимать, что право детей на безопасность зависит от конституционного строя государства, социальной, политической и экономической системы общества, так как именно в них коренятся базисные гарантии прав человека. Отсутствие эффективных правовых и институционально-организационных гарантий, невозможность реализовывать в полной мере отдельные права ребенка (на жизнь, на социальное обеспечение, на жилище, на благоприятную окружающую среду, на образование и т.д.) – все это не позволяет обеспечивать в итоге комплексное по своей природе право детей на безопасность.

Являясь одновременно как индивидуальным, так и коллективным правом, право детей на безопасность не может рассматриваться в разрыве от развития общества и государства. Лишь гармоничное сочетание безопасности личности, семьи, государства и общества позволит в конечном итоге обеспечить безопасность детей.

Право детей на безопасность – динамичное, оно исторически изменяется и развивается. Среди задач комплексного его обеспечения для России и других стран важным является формирование законодательных гарантий реализации тесно связанных с правом детей на безопасность других прав и свобод, в том числе правом

на достойную жизнь, на жилище, на социальное обеспечение, на труд, на образование.

В перспективном плане, стратегия обеспечения права детей на безопасность должна быть нацелена на достижение такого состояния общественных отношений, при котором удовлетворение потребностей нынешних поколений должно осуществляться без ущерба для будущих поколений. Следовательно, только целенаправленная деятельность государственных органов, общества, семьи и иных социальных институтов по созданию оптимальных условий безопасного существования и развития человека как такового и человечества в целом позволит в итоге обеспечить право детей на безопасность нынешнего и будущих поколений.

Литература и примечания

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах: Т. 1. М., 1989.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах: Т. 2. М.: Изд. «Русский язык», 2000.
4. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Изд. АСТ, Астрель, 2004.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. проф. Скворцова Л.И. М.: Изд. «Оникс 21», «Мир и безопасность», 2003.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Изд. «ИТИ Технологии», 2003.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же..
10. Там же.
11. Галузин А.Ф. Безопасность как принцип и функция права // Право и политика. 2004. № 11.
12. Пчелинцева Л.М. Обеспечение безопасности несовершеннолетних граждан семейно-правовыми средствами // Журнал российского права. 2001. № 6. С. 106; Борисова Н.Е. Конституционные предпосылки защиты прав ребенка // Защита прав ребенка в современной России. М., 2004; Смирнов А.А. Обеспечение информационно-психологической безопасности детей в Европейском союзе // Информационное право. 2010. № 4. С. 30 – 34; Гармаш А., Сулова И. Защита детей от жестокого обращения и насилия // ЭЖ-Юрист. 2012. № 29. С. 15 и др.
13. Дубровская И.А. Права ребенка: Пособие. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2008.
14. Колесова Н.С. Особенности современного социально-демографического состояния России // Права человека как фактор стратегии устойчивого развития. М., 2000. С. 106 - 115; Нечаева А.М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). М., 2000. С. 154 - 238; О социально-демографических процессах в России и прогнозах ее развития // Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации. Вып. 1. М., 1996. С. 82 - 95.
15. Подписана от имени СССР 26 января 1990 г., ратифицирована Верховным Советом СССР 13 июня 1990 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1990 № 45. Ст. 955. Ратификационная грамота сдана на хранение Генеральному секретарю ООН 16 августа 1990 г.
16. В английской версии: «Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice».
17. Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.
18. Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.
19. Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.
20. Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598. Начало действия документа (за исключением отдельных положений) - 01.09.2013.
21. Желаннова А. Права ребенка: из истории и предыстории // История. 1997. №21.
22. Носова И.Ю. О понятии и классификации прав ребенка // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4.

23. Спесивцева О.И. Права ребенка в Российской Федерации относительно Конвенции ООН о правах ребенка. Челябинск, 1999; Шнекендорф З.К. Путеводитель по Конвенции о правах ребенка. М., 1997.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

УДК 341.24

ХАРАКТЕРИСТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНВЕНЦИЙ И СОГЛАШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА (ФОРМИРОВАНИЕ ДОГОВОРНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ)

© 2013 г. И.Ю. Лепетикова

*Ростовский филиал
Российской таможенной академии
344000, г.Ростов-на-Дону,
пр. Буденновский, 20*

*Rostov Branch of
Russian Customs Academy
20 Budennovsky Ave.,
Rostov-on-Don, 344000*

В статье рассматриваются международные договоры, содержащие общеобязательные правила поведения в таможенной сфере. Существующие международные договоры принято классифицировать по различным критериям. Автор также отмечает, что среди всего многообразия международных договоров существует особая категория соглашений, которые своим появлением обязаны такой отрасли права, как международное таможенное право.

Ключевые слова: *договорно-правовая база, таможенное право, таможенные органы, международные договоры, международное таможенное право, таможенное дело, конвенция, таможенные формальности.*

The article examines the treaties, containing obligatory rules of conduct in the customs sphere. The existing treaties are usually classified according to different criteria. The author points out a special category of agreements which appeared due to such branch of law as international customs law.

Keywords: *international treaty framework, customs law, customs authorities, treaties, international customs law, customs business, convention, customs formalities.*

В условиях функционирования Таможенного союза Республик Беларусь, Казахстан и Российской Федерации таможенное право уже не может рассматриваться в качестве только отрасли российского права, поскольку с этого момента главенствующее положение в системе источников приобретают нормы международного права.

В соответствии со ст. 15 Конституции РФ составной частью правовой системы РФ являются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. В настоящее время это положение является наиболее актуальным для таможенного права.

Наибольшую роль в современном международном таможенно-правовом регулировании играют международные договоры, содержащие общеобязательные правила поведения в таможенной сфере. В числе таковых не только двусторонние договоры, но и многосторонние соглашения (конвенции).

В науке международного таможенного права (далее – МТП) сложилось единое представление о таможенной конвенции как о двустороннем или многостороннем международном соглашении, которое регулирует вопросы таможенного обложения,

таможенные формальности во взаимной торговле стран-участниц. Основной целью подобных соглашений является снижение таможенных пошлин на товары, импортируемые из стран участниц, и облегчение прохождения ими таможенных формальностей как в стране-экспортере, так и в стране-импортере.

В настоящее время в сфере международных таможенных отношений существует довольно значительный массив международных соглашений и конвенций. Только в рамках СНГ Россией заключено свыше 50 многосторонних договоров и соглашений по таможенному делу. Помимо этого РФ также участвует более чем в 90 двусторонних соглашениях по таможенным вопросам. Для их характеристики и детального рассмотрения необходимо их классифицировать. Оснований для такой классификации можно выделить несколько.

В частности, в науке международного права существующие международные договоры принято классифицировать по различным критериям: по количеству участников, по сфере действия, в зависимости от механизма реализации норм и др. Существующая классификация в полной мере может быть отнесена и к тем договорам, которые являются источниками МТП [1, с. 8].

Таким образом, общие международные договоры по таможенным вопросам можно классифицировать по следующим основаниям:

1. Закрепляющие международные стандарты в области упрощения и гармонизации таможенных процедур. Наиважнейшее значение имеют Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Конвенция Киото) 1973 г., Международная конвенция о гармонизированной системе описания и кодирования товаров 1983 г., Таможенная конвенция о карнете АТА для временного ввоза товаров 1961 г., Конвенция о временном ввозе (Стамбульская конвенция) 1990 г. и др.

2. Закрепляющие систему таможенных привилегий и преференций в международном праве. Например, Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г.

3. Посвященные международно-правовому регулированию сотрудничества и взаимопомощи государств в таможенных делах. Например, Международная конвенция о взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений 1977 г.

4. Иные международные договоры. Таможенные конвенции 1954 г., касающиеся льгот для туристов; Таможенная конвенция о международной перевозке грузов с применением книжки МДП (Конвенция МДП) 1975 г. и др. [2].

Однако для МТП особое значение имеет деление международных договоров в зависимости от объекта правового регулирования. Это обусловлено тем, что состав международных договоров в области таможенного дела представлен наличием двух разнородных групп. К первой группе относятся международные договоры, полностью посвященные исключительно таможенному делу и не затрагивающие иных вопросов, ко второй – договоры, которые лишь частично касаются международных таможенных отношений.

Таким образом, критерий объекта правового регулирования позволяет выделить «собственно таможенные» конвенции и соглашения, главными из которых являются: Международная Конвенция «Об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Киотская Конвенция)» 1979 г. в редакции от 26 мая 1999 г.; Таможенная Конвенция «О международной перевозке грузов с применением книжки МДП (Конвенция МДП)» от 14 ноября 1975 г. с поправками 1997 г.; Таможенная Конвенция «О карнете АТА для временного ввоза» 1961 г.; Конвенция «О временном ввозе (Стамбульская конвенция)» от 26 июня 1990 г.; Конвенция «О гармонизированной системе классификации и кодирования товаров» 1983 г.; Международная Конвенция «О взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений» от 9 июня 1977 г.; Таможенная Конвенция «О контейнерах» 1972 г.; Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) 1947 г. и договоры, лишь частично касающиеся международных таможенных отношений. Так, Венская Конвенция о дипломатических сношениях 1961 г. предусматривает освобождение от таможенного обложения предметов, ввозимых дипломатами для

личного пользования. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. устанавливает ряд таможенных льгот для государств, не имеющих выхода к морю, и т.д.

Кроме того, довольно большую группу источников таможенного права составляют двусторонние таможенные договоры. Эти договоры схожи как по содержанию, так и по структуре. Обычно они состоят из преамбулы и 10-13 статей и по содержанию практически повторяют друг друга. Основной целью таких соглашений является координация борьбы с таможенными правонарушениями, упрощение и унификация таможенного оформления и таможенного контроля.

Двусторонние соглашения по таможенным вопросам призваны:

- облегчать и ускорять пассажирское и грузовое сообщение;
- унифицировать таможенное оформление и таможенный контроль;
- обеспечивать эффективное взаимодействие в рамках борьбы с контрабандой и иными нарушениями таможенных правил;
- способствовать совместному обучению сотрудников и проведению совместных исследований в области таможенного дела.

В любом соглашении по таможенным вопросам в обязательном порядке определяются формы взаимодействия, указываются уполномоченные подразделения, осуществляющие непосредственную связь и взаимодействие, формы запросов, контрольные сроки ответов на них, технические вопросы передачи и защиты информации.

Также в двусторонних соглашениях по таможенным вопросам обязательно отдельно оговариваются вопросы взаимодействия в рамках борьбы с контрабандой и иными нарушениями таможенных правил [3, с. 210].

Типичным представителем двусторонних таможенных договоров выступает Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Дания о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах, подписанное 13 августа 1997 г., главной целью подписания которого было координирование борьбы с таможенными правонарушениями и при этом упрощения таможенного оформления и таможенных процедур. К этой группе также относится Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индия о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах, подписанное 25 марта 1997 г. Оно включает в сферу своего действия такие вопросы, как обучение кадров, обмен специалистами, некоторые иные формы международного таможенного сотрудничества, которые могут потребовать их совместных действий.

Помимо двусторонних таможенных договоров между правительствами государств в деятельности таможенных органов также применяются двусторонние соглашения таможенных служб государств. Например, Протокол между Федеральной таможенной службой (ФТС России) и Таможенным департаментом Турецкой Республики об упрощении таможенных процедур, подписанный 18 сентября 2008 г. в г. Москве и утвержденный постановлением Правительства РФ от 22 октября 2008 г.

Независимо от своего вида любой международный таможенный договор должен соответствовать положениям Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. [4, с. 67-87].

Развитие международных отношений в области таможенного дела посредством заключения различных международных соглашений привело к формированию единой договорно-правовой базы таможенных органов. В соответствии с нормой п. 2 ст. 4 нового Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в РФ» [5] речь идет о международных договорах, составляющих договорно-правовую базу Таможенного союза.

Акты, составляющие договорно-правовую базу Таможенного союза, представлены двумя группами источников.

К первой группе относятся международные договоры государств - членов Таможенного союза, направленные на формирование Таможенного союза: Договор о Комиссии Таможенного союза (Душанбе, 6 октября 2007 г., в ред. Протокола от 9 декабря 2010 г.), Протокол о порядке вступления в силу международных договоров, направленных на формирование договорно-правовой базы Таможенного союза, выхода из них и присоединения к ним (Душанбе, 6 октября 2007 г.), Договор между

Российской Федерацией и Республикой Казахстан о применении международных договоров в рамках формирования Таможенного союза от 28 мая 2010 г. (Санкт-Петербург, 18 июня 2010 г.) и др.

Ко второй – международные договоры государств - членов Таможенного союза, регулирующие таможенные правоотношения в Таможенном союзе: Соглашение о взаимной административной помощи таможенных органов государств - членов Таможенного союза (Санкт-Петербург, 21 мая 2010 г.), Соглашение об особенностях таможенных операций в отношении товаров, пересылаемых в международных почтовых отправлениях (Санкт-Петербург, 18 июня 2010 г.), Соглашение по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны (Санкт-Петербург, 18 июня 2010 г.), Соглашение о порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу Таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском (Санкт-Петербург, 18 июня 2010 г.), Протокол об отдельных временных изъятиях из режима функционирования единой таможенной территории Таможенного союза (Астана, 5 июля 2010 г.) и др.

В заключение хотелось бы отметить, что среди всего многообразия международных договоров существует особая категория соглашений, которые своим появлением обязаны такой отрасли права, как международное таможенное право. И хотя эти договоры обладают всеми признаками и свойствами, характерными для любого другого международного договора, особый характер регулируемых отношений определяет специфику данных договоров.

Литература и примечания

1. Алешина А.В., Косовская В.А. Конвенция о применимом праве как разновидность международных договоров // *Международное частное право*. 2011. № 1 (58).
2. Граве А.В. Таможенное право: учебный курс (учебно-методический комплекс) / А.В. Граве. М.: Проспект, 2009.
3. Матвеева Т.А. Система источников таможенного права в условиях функционирования таможенного союза // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Право. 2011. № 1 (9).
4. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // *Международное публичное право. Сборник документов*. Т. 1. М.: БЕК, 1996.
5. Федеральный закон от 27.11.2010 N 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 2010. N 48. Ст. 6252.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.479

ЗНАЧЕНИЕ ИНТЕРЕСА В ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА

© 2013 г. А.В. Родина

Южный федеральный университет,
344007, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, 88

Southern Federal University,
88, M. Gorkogo St., Rostov-on-Don,
344007

Рассматриваются основания возникновения первоначального исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные творческим трудом. Проводится сравнение возникновения права собственности на вещь, изготовленную по договору подряда, и возникновения исключительного права на произведение, созданное по договору авторского заказа. На основе полученных выводов выявляется значение интереса в использовании результата интеллектуальной деятельности для закрепления первоначального исключительного права.

Ключевые слова: авторское право, право собственности, договор подряда, договор авторского заказа, исключительное право, создание произведения.

Discusses the rationale of the original exclusive rights to intellectual property created in the course of creative work. Compares a right to the thing, made under the contract, and the exclusive right of the work created by the author's contract order. Based on these findings, reveals the value of interest in the use of the results of intellectual activity to secure the exclusive rights of the original.

Keywords: copyright, property, construction contract, the contract author's order, the exclusive right, create a work.

В ГК РФ закреплены случаи, при которых исключительное право на вновь созданный результат интеллектуальной деятельности, обладающий творческим характером, принадлежит не автору, а иному лицу (п. 2 ст. 1295, п. 1 ст. 1296, п. 3 ст. 1370, п. 1 ст. 1372, п. 3 ст. 1430, п. 1 ст. 1431, п. 3 ст. 1461, п. 1 ст. 1463, п. 1 ст. 1470 ГК РФ). Исходя из формулировок законодателя, можно было бы предположить, что в этих случаях первоначальное исключительное право принадлежит не автору результата интеллектуальной деятельности. Но такому толкованию вышеназванных статьей препятствует п. 3 ст. 1228 ГК РФ, в соответствии с которым исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный творческим трудом, первоначально возникает у его автора. Однако имеются ли основания для признания первоначального исключительного права в этом случае только за автором такого результата? Какое обстоятельство имеет решающее значение для закрепления первоначального исключительного права?

Поскольку исключительное право, как и право собственности, является имущественным абсолютным гражданским правом, для ответа на поставленные в статье вопросы целесообразно сравнить возникновение права собственности на вещь, изготовленную по договору подряда, и возникновение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, созданный по договору (например, создание произведения по договору авторского заказа).

Как известно, к правоотношениям сторон, возникающим из договора подряда, применяются нормы, содержащиеся в главе 37 ГК РФ [1]. Из этих норм лишь норма п. 2 ст. 703 косвенно указывает на принадлежность права на вновь изготовленную вещь.

Согласно указанной норме по договору подряда, заключенному на изготовление вещи, подрядчик передает права на нее заказчику. При анализе содержания данной нормы можно прийти к выводу, что право собственности первоначально возникает у подрядчика, а затем уже в момент передачи вещи переходит к заказчику. Однако толкование вышеуказанной нормы права в контексте главы 37 ГК РФ позволяет сделать вывод, что положение о переходе права собственности с момента передачи вещи является неверным (абз. 2 п. 1 ст. 705, ст. 712, п. 6 ст. 720 ГК РФ) [2]. В период с момента изготовления вещи и до момента ее передачи заказчику право собственности подрядчику не принадлежит. О чем же в этом случае говорит п. 2 ст. 703 ГК РФ? Ведь для того, чтобы передать право, нужно, прежде всего, иметь его. Но необходимо отметить, что содержание данной нормы не указывает, какое именно право передается от подрядчика заказчику. Следовательно, однозначный вывод из этой нормы только один: передача вещи заказчику влечет переход к нему неких прав на вещь, принадлежащих подрядчику.

Помимо специальных правил главы 37 ГК РФ возникновение права собственности по договору подряда определяется положениями главы 14 ГК РФ. Из этой главы можно выделить ряд норм, применимых к рассматриваемым отношениям. Во-первых, это статья 220 ГК РФ, согласно которой, если иное не предусмотрено договором, право собственности на новую движимую вещь, изготовленную лицом путем переработки не принадлежащих ему материалов, приобретает собственником этих материалов.

Однако прежде чем делать какие-либо выводы, обратимся к рассмотрению взглядов на проблему возникновения права собственности по договору подряда в доктрине. Э.П. Гаврилов отмечает, что «как в литературе советского периода, так и в современной, основанной на новом российском законодательстве, практически единодушно отстаивается позиция, что предмет договора подряда становится собственностью заказчика в момент сдачи-приемки вещи, а до этого момента ее собственником является подрядчик» [3]. Но многими современными авторами указанная точка зрения подвергается обоснованному сомнению.

М.И. Брагинский, В.В. Витрянский высказывают мнение, что «из самой природы подряда вытекает, что собственником вновь создаваемой вещи до ее передачи по общему правилу признается именно подрядчик. Из этого, в частности, следует, что по долгам подрядчика объектом взыскания может стать и вещь, которую он изготавливает по договору с заказчиком. При этом не имеет значения, оплатил ли заказчик стоимость вещи либо нет». Из указанного вывода авторы делают два исключения. Первое исключение касается движимых вещей: «в этих случаях заказчик, предоставивший материал для создания вещи, вправе при наличии обстоятельств, обозначенных в п. 1 ст. 220 ГК, требовать признания за ним права собственности на не переданную подрядчиком вещь». Второе исключение касается случаев, при которых предметом договора подряда служит строительство зданий и сооружений, в частности «поскольку права на те и другие объекты подлежат государственной регистрации, заказчик должен считаться собственником только с момента ее совершения» [4].

К.И. Скловский замечает, что «с точки зрения права на объект наименее разработанной кажется ситуация со строительным подрядом... В прямой форме вопрос о праве на объект строительного подряда законом не решен, а содержание норм о подряде не позволяет прийти к однозначному толкованию. Классика также не дает достаточного материала для уверенного решения этого вопроса» [5, с. 401-402]. Однако выводы, сделанные автором при рассмотрении порядка возникновения права собственности на объект строительного подряда, применимы и к отношениям по подряду вообще.

По мнению указанного автора, «дилемма во всяком случае состоит в следующем: до передачи вещь может быть в собственности либо подрядчика, либо заказчика. В первом случае исполнение подряда – передача вещи заказчику – должно считаться моментом перехода собственности, а во втором – это передача только владения». К.И. Скловский приводит мнение М.И. Брагинского относительно того, что норма п. 2 ст. 703 ГК РФ, в силу которой «подрядчик передает свои права заказчику», подтверждает, что законодатель признает подрядчика собственником вещи до такой передачи. Возражая против указанного мнения, автор утверждает, что «невозможно

указать основание возникновения собственности на стороне подрядчика ни экономически, ни юридически... основанием для возникновения права собственности должно быть признано изготовление (производство) вещи (п. 1 ст. 218 ГК РФ). Но здесь мы, кажется, и находим решающее обстоятельство: в силу нормы п. 1 ст. 218 ГК РФ изготовление вещи лишь тогда порождает право собственности для изготовителя, когда она им создана для себя. Очевидно, что суть, специфика подряда, выделяющего его из числа других договоров, состоит как раз в том, что вещь создается для другого. Следовательно, основание п. 1 ст. 218 ГК РФ не имеет силы для подрядчика и, напротив, применимо к заказчику» [6, с. 408]. Права подрядчика на вещь до ее передачи К.И. Скловский квалифицирует как законное владение, основанное на титуле из договора подряда. Право собственности возникает непосредственно у заказчика до передачи вещи подрядчиком [7, с. 409].

Э.П. Гаврилов, рассматривая процесс возникновения права на вещь по договору подряда, напротив, считает, что первоначально право собственности на результат работ возникает у подрядчика, а к заказчику право переходит в момент создания вещи либо в момент заключения договора.

Обе указанные позиции вызывают сомнения. Как отмечает сам К.И. Скловский, «распоряжение заказчиком своим правом на объект строительства до его получения от подрядчика непосредственно порождает у приобретателя только обязательственные права, если сам cedent сохраняет прежнюю позицию заказчика, а тем самым и право собственности на объект. Приобретатель приобретает то же право, что и заказчик, только встав на его место, а для этого необходимо согласие подрядчика, поскольку заказчик несет разнообразные обязательства по договору подряда» [8, с. 410], Распоряжение результатом работ будет иметь место лишь после передачи вещи заказчику. Поэтому следует сделать вывод, что право собственности заказчика на вещь, созданную по договору подряда, возникает в момент передачи вещи подрядчиком. Нужно отметить, что К.И. Скловский изменил свой взгляд на момент возникновения права собственности на стороне заказчика. В пятом издании монографии «Собственность в гражданском праве» он указывает, что «подрядчик (а точнее – правопорядок) в момент *передачи* вещи создает заказчику право, которого сам подрядчик не имел» [9].

Таким образом, до момента передачи вещи по договору подряда созданная вещь все же не является чьей-либо собственностью. Право подрядчика в отношении вещи с момента ее создания и до момента передачи сводится к законному владению. Такого рода владение в отношении вещей, не имеющих собственника, в литературе было предложено относить к категории «права на вещи», содержание которой составляет право собственности, права на чужие вещи и право владения и пользования вещами, не находящимися в чьей-либо собственности [10]. Заказчику же до момента передачи результата работ принадлежат обязательственные права, основанные на договоре подряда. Право собственности на результат работ первоначально возникает у заказчика с момента передачи вещи.

Аргумент К.И. Скловского относительно отсутствия оснований закрепления права собственности за подрядчиком вполне применим и к имущественному праву на нематериальный объект.

Результат интеллектуальной деятельности также может быть создан по договору, предметом которого выступает создание такого результата (ст.ст. 1288, 1372, 1431 ГК РФ и др.). Решающее значение для закрепления первоначального исключительного права в этих случаях имеет интерес. Однако это интерес не в создании результата интеллектуальной деятельности, поскольку само по себе создание результата интеллектуальной деятельности для заказчика не имеет решающего значения и не интерес в создании результата побуждает заказчика заключить договор. Для заказчика имеет значение последующее использование созданного результата интеллектуальной деятельности. Можно сказать, что интерес автора в использовании результата интеллектуальной деятельности во всех случаях сводится к трем возможным вариантам: либо использование результата является для автора безразличным (1), либо автор планирует использовать результат самостоятельно, возможно, с последующей передачей прав на него другому лицу (2), либо он создает

результат изначально для его использования другими лицами (3). Первые два случая можно условно объединить в группу под названием «создание результата интеллектуальной деятельности для использования автором в своем интересе (для себя)». Случаи создания результата интеллектуальной деятельности для использования его другими лицами можно условно назвать – «создание результата интеллектуальной деятельности для его использования другим лицом в своем интересе (для другого)». Для случаев создания результатов интеллектуальной деятельности для использования его другим лицом в своем интересе характерно то, что интерес другого лица (не автора) в использовании результата является «пусковым механизмом» создания этих благ, а в последующем и приобретения ими статуса объекта права. Поэтому первоначальное исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности, созданные по договору заказа, возникает у заказчика. При этом если результат интеллектуальной деятельности создается по договору, который прямо не предусматривал его создание, то основания для закрепления первоначального исключительного права за лицом, не являющимся автором, отсутствуют.

Таким образом, природа исключительного права допускает некоторую аналогию с абсолютными правами на материальные объекты. И механизм возникновения указанных прав в рассматриваемом случае во многом совпадает. Имущественное право на нематериальный объект, созданный по договору, может возникать в том же порядке, что и право на материальный объект. Следует отметить, что зарубежное законодательство в некоторых случаях допускает возникновение первоначального имущественного права на результаты интеллектуальной деятельности не у автора такого результата. Законодательство конкретной страны решает вопрос о закреплении первоначальных имущественных прав в зависимости от того, по какой системе охраняются авторские права в этой стране – по системе «copyright» или «droit d'auteur». Однако указанные системы охраны в настоящее время оказывают взаимное влияние друг на друга, заимствуя друг у друга отдельные положения. При этом большее влияние отмечается со стороны системы «copyright», что обусловлено объективной новой тенденцией «юридического признания всех правообладателей, намеренных использовать полученные права в целях коммерческой выгоды» [11, с. 12].

Возникновение исключительного права на подлежащий обязательной регистрации результат интеллектуальной деятельности, созданный по договору заказа, обладает определенной спецификой. Эта специфика обусловлена тем, что исключительное право на такие результаты возникает после государственной регистрации. До государственной регистрации у автора возникает право на получение патента в отношении полученного результата.

Согласно части четвертой ГК РФ по договору заказа могут быть созданы промышленные образцы (ст. 1372), селекционные достижения (ст. 1431) и топологии интегральных микросхем (ст. 1463). В соответствии с п. 1 ст. 1372 ГК РФ в случае, когда промышленный образец создан по договору, предметом которого было его создание (по заказу), право на получение патента и исключительное право на такой промышленный образец принадлежат заказчику, если договором между подрядчиком (исполнителем) и заказчиком не предусмотрено иное. Представляется, что такой договор считается исполненным с момента передачи заказчику исполнителем документов, в которых выражено содержание соответствующего результата (описание промышленного образца, комплект изображений, чертеж общего вида и т.д.). Государственная регистрация промышленного образца, созданного по договору заказа, осуществляется уже за рамками исполнения этого договора. Следовательно, исключительное право на такой результат возникает не в момент создания результата, а в момент его государственной регистрации.

Следует признать, что первоначальное исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности, подлежащие обязательной государственной регистрации, может возникнуть у лица, не являющегося автором такого результата, также в случае, если к этому лицу на законном основании перейдет право на получение патента.

К случаям создания результата интеллектуальной деятельности по договору заказа тесно примыкают случаи создания служебных результатов интеллектуальной деятельности. Служебными именуется результаты интеллектуальной деятельности, созданные работником в связи с выполнением им трудовой функции. По действующему законодательству авторские права на служебное произведение принадлежат автору (п. 1 ст. 1295 ГК РФ). В соответствии со ст. 1255 ГК РФ авторские права включают, в том числе, исключительное право на произведение. Однако как это согласуется с абз. 1 п. 2 ст. 1295 ГК РФ, в соответствии с которым исключительное право на служебное произведение принадлежит работодателю, если трудовым или иным договором между работодателем и автором не предусмотрено иное? В литературе встречается следующее толкование этих норм: «исключительное право, в отличие от других авторских прав, с самого момента создания служебного произведения в соответствии с законом считается переданным работодателю (п. 3 ст. 1228 ГК)» [12]. То есть исключительное право работодателя в этом случае является не первоначальным, а производным. Но переход первоначального исключительного права от автора к работодателю должен основываться на юридических фактах, то есть должен присутствовать механизм перехода прав. Но какие юридические факты могут выступать основанием перехода исключительного права от работника к работодателю, если исключительное право работодателя возникает уже в момент создания произведения. Ведь один и тот же юридический факт (создание произведения) не может одновременно приводить к возникновению исключительного права у автора и к переходу этого права к работодателю. Если же предположить, что юридическим фактом, на основании которого исключительное право переходит от автора к работодателю, выступает передача автором работодателю произведения для использования, то опять же возникает множество вопросов. Например, если автор не передает работодателю созданное произведение, может ли работодатель истребовать его у автора? Если да, то на каком основании должно производиться истребование? Договор заказа в этом случае не заключается. Имеет место служебное задание, за невыполнение которого работодатель вправе применить лишь меры дисциплинарной ответственности. Кроме того, такая аргументация не применима к результатам интеллектуальной деятельности, подлежащим обязательной государственной регистрации. Ведь право на такие результаты возникает только после государственной регистрации. И если работодатель реализовал право на получение патента, то он и выступает первоначальным правообладателем. Но по каким причинам существуют такие различия между закреплением первоначального исключительного права на служебный результат, подлежащий государственной регистрации, и произведением?

Все указанные вопросы отпадают, если признать, что исключительное право на служебное произведение возникает у работодателя первоначально. В основе возникновения исключительного права в этом случае лежат трудовой договор, служебное задание и факт создания произведения. Механизм возникновения исключительного права в этом случае аналогичен механизму возникновения исключительного права на произведение, созданное по договору авторского заказа. При таком подходе работодатель, в случае, если автор не передает ему созданное произведение, вправе предъявить иск о пресечении действий, нарушающих исключительное право.

Ситуация становится еще более наглядной, если автор до передачи произведения работодателю переуступил право на него третьему лицу, например, конкуренту. Если мы признаем, что исключительное право первоначально возникло у автора, тогда это сделка законная, и покушаться на нее, признавать недействительной работодатель не в праве. Работодатель в этой ситуации может действовать лишь в рамках трудового законодательства. Взыскать в этом случае убытки, в том числе и упущенную выгоду, невозможно.

Из данных рассуждений следует вывод, что закрепление первоначального исключительного права на служебное произведение за его автором приводит к тому, что работодатель не имеет гражданско-правовых средств защиты, которые необходимы ему для обеспечения своего интереса в использовании созданного произведения. Таким образом, если отталкиваться от определения субъективного

гражданского права, данного С.Н. Братусем [13, с. 13], получается, что исключительное право работодателя на служебное произведение – это мера возможного поведения, которая законом признана, но не обеспечена. Если же мы признаем, что первоначальное исключительное право на служебное произведение возникает у работодателя, то такое несоответствие снимается.

Такой механизм возникновения первоначального права соответствует сделанным выше выводам о закреплении первоначального исключительного права исходя из интереса в использовании результата интеллектуальной деятельности. Поскольку, создавая служебный результат интеллектуальной деятельности, работник выполняет свою трудовую функцию, можно сделать вывод, что служебный результат создается работником для его использования работодателем. Поэтому первоначальное исключительное право на служебные результаты принадлежит работодателю. При создании результата интеллектуальной деятельности, подлежащего обязательной государственной регистрации, у работодателя первоначально возникает право на получение патента, которое впоследствии он может реализовать, получив патент на соответствующий результат. П.Б. Мэггс, А.П. Сергеев, указывая, что вопрос о субъекте права на получение патента в законодательстве иностранных государств решается по-разному, отмечают, что закрепление права на патентование изобретения за работодателем имеет ряд существенных преимуществ: «во-первых, если бы работодатели были лишены возможности становиться патентообладателями, это в значительной степени подорвало бы их заинтересованность в финансировании работ по изобретательству; во-вторых, это ударило бы прямо по интересам самих изобретателей, так как практика показывает, что большинство разработок находит применение прежде всего на тех предприятиях, на которых они созданы. Поэтому, если бы работодатели были освобождены от обязанности по выплате авторам (патентообладателям) вознаграждения за использование разработок, то последние нередко вообще не получали бы никаких выгод от своих разработок; в-третьих, именно таким образом решается этот вопрос в большинстве стран мира» [14, с. 155-156].

Результат интеллектуальной деятельности может быть создан по договору на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ, по договору подряда на выполнение проектных и изыскательских работ. Если предметом такого договора выступает создание результата интеллектуальной деятельности, то очевидно, что такой результат создается для его использования заказчиком. Основываясь на сделанном ранее выводе о возникновении права в такого рода случаях, следовало бы признать, что первоначальное исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности, созданные по договору на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ, по договору на выполнение проектных и изыскательских работ, предметом которых выступает создание результата интеллектуальной деятельности, также возникает у заказчика. Однако необходимо иметь в виду, что стороной договора на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ, договора на выполнение проектных и изыскательских работ может быть не только автор результата интеллектуальной деятельности. В соответствии со ст. 770 ГК РФ исполнитель обязан провести научные исследования лично. Однако он вправе, с согласия заказчика, привлекать к исполнению договора на выполнение научно-исследовательских работ третьих лиц. Нормы, регулирующие отношения по договору подряда на выполнение проектных и изыскательских работ, также допускают привлечение к исполнению договора третьих лиц (ст. 706 ГК РФ). В связи с этим возникает вопрос: если заключен договор подряда на выполнение проектных и изыскательских работ (договор на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ, государственный (муниципальный) контракт и т.д.), в ходе исполнения которого может быть создан охраняемый результат интеллектуальной деятельности, но автором такого результата выступает не исполнитель по договору, а, например, работник исполнителя или лицо, с которым исполнитель заключил договор (эту цепочку можно продолжать бесконечно), то за кем в этом случае следует закреплять первоначальное

исключительное право? Представляется, что возникновение первоначального исключительного права происходит у лица, в интересах которого такой результат будет использоваться, только в том случае, если это лицо связано договорными отношениями непосредственно с автором результата.

Результат интеллектуальной деятельности может быть создан также по государственному (муниципальному) контракту. Выделение случаев создания результатов интеллектуальной деятельности по государственному (муниципальному) контракту в отдельную группу обусловлено тем, что стороной такого договора выступает государственный или муниципальный заказчик. То есть в рамках государственного (муниципального) контракта могут быть созданы как предусмотренные таким договором результаты интеллектуальной деятельности, так и не предусмотренные; стороной государственного (муниципального) контракта может выступать и автор результата интеллектуальной деятельности и иное лицо, заключившее с автором договор о создании результата или являющееся работодателем автора. Поэтому правило о возникновении первоначального исключительного права на стороне заказчика действует не для всех случаев создания результата интеллектуальной деятельности по государственному (муниципальному) контракту, а лишь для тех из них, в которых создание результата интеллектуальной деятельности является предметом государственного (муниципального) контракта и стороной такого контракта выступает автор результата.

Что касается исключительных прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, составляющие сложный или составной объект, то тут решающее значение имеет тот факт: создается ли такой результат интеллектуальной деятельности специально для включения в составной или сложный объект или нет. Если создание результата интеллектуальной деятельности не связано с его включением в сложный или составной объект, то очевидно, что исключительное право возникает у автора результата интеллектуальной деятельности. Если же имеют место случаи, когда результат интеллектуальной деятельности специально создается для включения в составной или сложный объект и стороной правоотношений по созданию результата выступает автор, то очевидно, что будет иметь место либо создание служебного результата интеллектуальной деятельности, либо создание результата интеллектуальной деятельности по заказу. Выше уже указывалось, что в случае создания служебного результата интеллектуальной деятельности и результата интеллектуальной деятельности по заказу право будет возникать у лица, для которого создается такой результат. Эти правила применимы, например, к случаям создания охраняемого результата интеллектуальной деятельности для его использования в составе периодического издания (составной объект), в составе единой технологии (сложный объект) и т.д.

Таким образом, помимо норм о создании результатов интеллектуальной деятельности по заказу и служебных результатов интеллектуальной деятельности, ГК РФ содержит большое количество норм, которые допускают создание результата интеллектуальной деятельности для его использования лицом, которое не является автором результата. Это создание результата интеллектуальной деятельности по договору на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ (статьи 772, 1297, 1371, 1462, 1471 ГК РФ), по договору подряда на выполнение проектных и изыскательских работ (ст. 758 ГК РФ), по договору подряда (ст. 1471 ГК РФ) по государственному (муниципальному) контракту (статьи 1298, 1373, 1432, 1464 ГК РФ), создание составных и сложных результатов интеллектуальной деятельности (в том числе для использования результата интеллектуальной деятельности в составе периодического издания, в составе единой технологии и т.д.) (статьи 1240, 1260, 1263, 1542 ГК РФ), результат интеллектуальной деятельности может быть создан также по договору, который прямо не предусматривал его создание (ст. 1297, 1371, 1462 ГК РФ). Выделение этих договоров в ГК РФ имеет различные основания, в частности, специфика субъектного состава, как в случае с государственным (муниципальным) контрактом, специфика создаваемого объекта (составные и сложные результаты интеллектуальной деятельности) и т.д. Поэтому конкретные отношения могут подпадать под регулирования различных из

вышеуказанных норм. Если, например, государственным (муниципальным) контрактом будет предусмотрено создание результата интеллектуальной деятельности и стороной контракта будет выступать автор, то, очевидно, будет иметь место создание результата интеллектуальной деятельности по заказу, стороной которого выступает государственный (муниципальный) заказчик. То же самое с договором на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ, договором подряда на выполнение проектных и изыскательских работ, с созданием результата интеллектуальной деятельности для его включения в составной или сложный объект и т.д. Во всех этих случаях исключительное право на результат интеллектуальной деятельности должно закрепляться за лицом, для которого он создается, только в том случае, если создание результата является предметом соответствующего договора и его стороной выступает автор. В этом случае соответствующие договоры имеют признаки договора заказа, поэтому можно сказать, что исключительное право на результат интеллектуальной деятельности закрепляется за лицом, для которого он создается, в следующих случаях:

- создание результата интеллектуальной деятельности по заказу [15];
- создание служебного результата интеллектуальной деятельности.

По своей природе (ввиду утраты интереса автора в использовании объекта и возникновении этого интереса у другого лица) к возникновению исключительного права в специальном порядке примыкают случаи реализации права на получение патента лицом, получившим указанное право от автора, либо от иного уполномоченного лица.

Обращает на себя внимание тот факт, что нормами части четвертой ГК РФ, регулирующими отношения по созданию служебных результатов интеллектуальной деятельности, отношения по созданию результатов интеллектуальной деятельности по заказу, предусмотрено, что к работодателю (заказчику) может перейти как исключительное право, так и право использования результата интеллектуальной деятельности. Выбор конкретного варианта производится по усмотрению сторон договора. Если мы признаем, что во всех этих случаях первоначальное исключительное право возникает у того лица, в интересах которого будет осуществляться использование результата интеллектуальной деятельности, то, не меняя сложившейся практики, нам придется признать, что правило о закреплении первоначального исключительного права в этих случаях должно быть диспозитивным. Однако такое следствие не опровергает сделанного вывода, поскольку необходимость диспозитивности этих норм обусловлена теми общественными отношениями, на регулирование которых направлены данные нормы. Общая модель закрепления первоначального исключительного права на результаты, созданные для использования их другим лицом (не автором), в своем интересе выглядит, как уже указывалось, следующим образом: право первоначально закрепляется за тем лицом, в интересах которого будет использоваться созданный результат интеллектуальной деятельности. Такое правило является общим для этих случаев, поскольку отражает сложившиеся общественные отношения. Однако стороны, по тем или иным мотивам, могут стремиться к тому, чтобы исключительное право закреплялось за автором, при этом заказчик получил бы возможность использования результата интеллектуальной деятельности. На этот случай сторонам предоставляется возможность предусмотреть в договоре иной вариант закрепления первоначального права, в частности, предусмотреть, что первоначальное исключительное право возникает у автора, а затем автор передает право использования результата интеллектуальной деятельности заказчику.

Таким образом, закрепление первоначального исключительного права за определенным субъектом следует производить исходя из следующих условий. Если результат интеллектуальной деятельности создается для его использования автором в своем интересе («для себя»), то первоначальное исключительное право на такой результат следует признавать за автором. Если результат интеллектуальной деятельности создается автором для его использования другим лицом в интересе последнего («для другого»), то первоначальное исключительное право следует признавать за этим лицом.

Последний порядок возникновения первоначального исключительного права является специальным, поскольку действует в отношении исключительных случаев, перечень которых должен быть исчерпывающим образом установлен законодательством. Для остальных же случаев должно действовать общее правило, закрепленное в п. 3 ст.1228 ГК РФ. Такой порядок возникновения первоначального исключительного права является общим.

Литература и примечания

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 19 июля 2011 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410
2. Гаврилов Э.П. Когда заказчик становится собственником предмета договора подряда? // Российская юстиция. 1999. №11 / СПС «КонсультантПлюс»: Комментарии законодательства.
3. Гаврилов Э.П. Указ. соч.
4. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг (книга 3). М.: Статут. 2002 / СПС «КонсультантПлюс»: Комментарии законодательства.
5. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве: Учебно-практическое пособие. 2-е изд. М.: Дело. 2000.
6. Уаз. соч.
7. Там же.
8. Там же.
9. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М.: Статут. 2010 / СПС «КонсультантПлюс»: Комментарии законодательства.
10. Мисник Н.Н., Торосян О.П. О доверительном управлении земельным участком // Юрист. 2009. №6 / СПС «КонсультантПлюс»: Комментарии законодательства.
11. Цит. по: Зыкова С.В. Предисловие / Кодекс интеллектуальной собственности Франции: Литературная и художественная собственность / Пер. с фр., ком. и пред. С.В. Зыкова. Новосибирск: Издательство СО РАН. 2005.
12. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / Под ред. А.Л. Маковского. М.: Статут. 2008 / СПС «КонсультантПлюс»: Комментарии законодательства.
13. Братусь С.Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1949. №8.
14. Мэггс П.Б., Сергеев А.П. Интеллектуальная собственность / Пер. с англ. М.: Юрист. 2000.
15. При этом заказ здесь понимается в широком смысле.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.2

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРОБАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

© 2013 г. С.Ю. Пахомова

Ростовский филиал
Российской академии правосудия,
344038, г. Ростов-на-Дону,
ул. Ленина, 66

Rostov Branch of
Russian Academy of Justice,
66, Lenina St., Rostov-on-Don,
344038

Статья посвящена одной из наиболее актуальных тем российской уголовной политики – реформе системы исполнения наказаний. Затрагивается ряд вопросов, касающихся создания нового для России правового института – службы пробации. Автор обращает внимание на необходимость целостного и научно обоснованного подхода к преобразованиям и реформам, осуществляемым в социально-правовой сфере России.

Ключевые слова: *пробация, ресоциализация, криминализация, программы профилактики преступлений, системный подход.*

Examines the most topical issue in Russian criminal policy – the reform of punishment execution system. Studies the aspects of formation of new legal institution of Russia, i.e. probation service. Draws attention to the necessity for integral and scientific based approach to transformations and reforms implemented in social and legal sphere in Russia.

Keywords: *probation, resocialization, criminalization, crime prevention programs, system approach.*

Россия прочно удерживает первое место в мире по числу лиц, содержащихся в местах лишения свободы на 100 тысяч населения. При этом многими международными и российскими исследователями неоднократно отмечалось отсутствие прямой корреляции между уровнем преступности и численностью заключенных в пенитенциарных учреждениях страны. Заостряя проблему, говорят о признании преступности «неисчерпаемым природным ресурсом», что позволяет «перерабатывать» его почти бесконечно [1, с. 142].

Давно и серьезно звучат мнения о том, что применение такой меры наказания, как лишение свободы обусловлено скорее политическими и культурными факторами, нежели прагматическими соображениями или эффективностью работы какого-либо силового ведомства (например, системы исполнения наказаний). При этом очевидно, что тюрьма действует не только на реальном, но и на «символическом уровне». Массовая криминализация языка и быта многих российских социальных страт – еще одно подтверждение пагубности применения карательных мер, не уравновешенных восстановительными программами ресоциализации. В ситуации отсутствия механизмов, компенсирующих «урон», который несет социум в результате массовой десоциализации его членов, можно говорить об угрозе уничтожения целостности всего социально-культурного слоя и нарушении «экологии общества» в целом.

Программы, восстанавливающие «баланс в обществе» и занимающиеся ресоциализацией лиц, находящихся в конфликте с законом, в том числе занимающиеся социальной адаптацией освобожденных из мест лишения свободы, давно получили широкое признание во многих странах мира.

В настоящее время служба пробации является важнейшим элементом всей сферы, связанной с уголовной политикой и системой профилактики преступлений на Западе. Однако в разных странах имеются отличия в характере, функциях и

организационном построении службы. Так, в одних государствах законодатель определяет применение probation как наказание (например, Швеция, Финляндия, Латвия), в других – относит к иным мерам уголовно-правового характера (например, Англия, Дания), в третьих – связывает применение этой меры с освобождением от наказания (например, Эстония), а в некоторых странах вообще не обозначает природу данного института (например, США) [2, с. 13-14].

В России только в 2008 г. была предпринята попытка закрепить новый для правовой системы России институт probation. В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года прописаны основные положения обеспечения постпенитенциарной адаптации осужденных и предложения, связанные с предотвращением рецидива преступлений посредством службы probation. Как отдельный правовой институт служба probation нашла правовую регламентацию в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р.

Отставание российских социальных институтов от европейских всегда было очевидно, как очевидно и то, что уголовная политика в России традиционно консервативна. Есть ли способ решить проблему в короткие сроки? Это вопрос, на который должны были ответить серии исследований, масштабные аналитические работы, широкие общественные обсуждения и т.д. К сожалению, очень многие аспекты этой проблемы до сих пор не проработаны.

Тем не менее, в данном направлении в современной России был предпринят целый ряд научных и общественных шагов. Наибольший резонанс в научном сообществе и средствах массовой информации получила серия интенсивных обсуждений, посвященная перспективам реформы пенитенциарной системы России, организованная Общественной палатой Российской Федерации в 2008-2010 годах.

Общественная палата Российской Федерации стала реальной переговорной площадкой, на которой сталкивались и корректировались позиции представителей силовых ведомств, гражданских активистов, научных экспертов и специалистов - практиков. Необходимо отметить, что эти междисциплинарные рабочие встречи, семинары и форумы (последний состоялся 17 февраля 2012 г.) были несомненными вкладом не только в социально-общественную, но и научную жизнь России.

Однако даже этого двухлетнего периода недостаточно для того, чтобы обоснованно создать системный макро-социальный проект по реформированию такой сложной сферы, как «тюремная индустрия» [3]. Очевидно, что проблема реформирования постсоветской пенитенциарной системы нуждается в пристальном научном изучении, серьезной междисциплинарной аналитической работе и очень тщательном экспертном планировании. Только после этого возможны и конкретные законодательные предложения, и привлечение организационного и финансового ресурса в масштабах страны.

Кроме этого, при планировании всех этапов введения элементов probation в России нужно учитывать такой фактор, как общая динамика современных гуманитарных процессов (не только в стране, но и в мире).

Во многих странах основной акцент на гуманитарную и социально-психологическую работу (как на наиболее эффективный элемент probationного воздействия) смещается уже на самое начало уголовного процесса – на точку, в которой воспитательное воздействие имеет самые большие перспективы. Как известно, легче уберечь от ошибки, чем исправить ее. Очевидная целесообразность этого простого тезиса была учтена в целом ряде общественных профилактических программ, широко распространенных в западных странах. При этом в вариантах, обсуждаемых сейчас стратегией уголовной политики России, probation по-прежнему рассматривается в качестве деятельности, которая концентрируется только вокруг суда, колонии и выхода из нее [4].

В целом, система probation должна охватывать весь спектр криминально-опасных ситуаций – от начального конфликта человека с законом, до работы с рецидивной преступностью. Нужно отметить, что необходимость интенсивной гуманитарной работы, связанной именно с профилактикой преступлений, повсеместно

признана, в первую очередь, в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Исторически, специалисты по ювенальной юстиции являются наиболее активными сторонниками развития системы пробации, в том числе и в России. Имея огромный опыт работы с людьми в начале их криминальной «карьеры», ювенальные специалисты хорошо понимают роль социально-психологического фактора в улучшении криминальной ситуации. Именно на примере работы с подростками группы риска очевидна отрицательная роль такого фактора, как рост социального отчуждения у граждан. Для современной России этот аспект профилактической работы крайне важен. У несовершеннолетних граждан чаще всего встречается криминально опасное «отчуждение» – протестный уход от социальной среды в результате факта столкновения человека с правоохранительными органами и судом (вторичная депривация). Такая мера пресечения, как содержание под стражей (которая в России используется часто и повсеместно) с очевидностью противоречит принципу социально-реабилитирующего вмешательства в самом начале криминальной «карьеры» преступника.

Избыточность силовых мер воздействия и их последующий отрицательный социальный эффект могут быть преодолены только системно организованными мерами социально-психологического воздействия на правонарушителя. Однако даже в благополучной Европе власти не всегда могут оптимально уравновесить возрастающее в геометрической прогрессии экстенсивное направление материальных ресурсов в систему исполнения наказаний и перенаправить средства в социально более эффективную систему пробации. Тем не менее во многих странах общественные ресурсы привлекаются все чаще, т.к. они дают дополнительную возможность удешевления программ по борьбе с преступностью. Финансовые расходы во многих проектах, куда допущены общественные организации, дополнены живыми человеческими усилиями: задействуются «неосязаемые активы», используется активный человеческий интерес, подключаются большие знаниевые накопления, привлекаются ресурсы местного сообщества и т.д.

По нашему мнению, применительно к развитию пробации в России, европейский опыт говорит, прежде всего, о том, что созданию любых организационных структур должны предшествовать интеллектуальные и финансовые вложения в обучение людей, в реорганизацию укоренившихся очевидно неэффективных схем социально-правовой работы в просветительские программы и т.д.

В России не стоит рассчитывать на быстрый и позитивный естественный ход событий в отношении процессов развития программ ресоциализации «на местах» – в крупных городах и регионах. Рост самосознания граждан, повышение интереса у профессиональных сообществ, развитие НКО – все это очень медленные процессы. «Своим ходом» процесс гуманитарных преобразований в уголовной сфере, у тех же западных стран, занял не менее тридцати – сорока лет. Думается, такой временной «форы» у нашей страны нет. Полностью надеяться на сильные административные решения и правильные законодательные инициативы тоже не стоит.

Очевидно, что любые законодательные инициативы должны опираться на уже существующие развитые образцы и пилотные проекты, демонстрирующие эффективную работу по социальной адаптации лиц, находящихся в конфликте с законом. Законотворческая деятельность должна учитывать многие факторы.

Существует большое количество международных нормативно-правовых актов в области пробации. Международными организациями принято порядка двадцати резолюций, рекомендаций и правил, так или иначе содействующих развитию в странах Совета Европы и странах - участниц ООН института пробации в уголовном судопроизводстве. Например, Резолюция (65) Комитета министров Совета Европы посвященная отложенным приговорам, пробации и другим альтернативам лишению свободы, от 22 января 1965 г. рекомендует Правительствам обеспечить следующее: законодательство стран-членов должно предоставлять полномочия судье или другому компетентному органу, заменять приговор, содержащий лишение свободы, или исполнение такого приговора до его осуществления, условной мерой (отложенный приговор, приказ о пробации или аналогичные меры) в отношении любого лица,

которое совершило преступление впервые и которое не совершило преступление особой тяжести, и т.д.

Резолюция (70) Комитета министров Совета Европы, посвященная практической организации мер по надзору за условно осужденными или условно освобожденными преступниками и последующему их сопровождению, от 26 января 1970 г. учитывает, что «эффективность мер по некарательному воздействию представляет во всех государствах-членах самую важную цель уголовной политики», в связи с чем рекомендует «обеспечить разработку методов надзора, которые способствуют созданию и установлению отношений между служащим пробации и его клиентом в социальном контексте, с помощью чего преступнику может быть оказана помощь в решении личных проблем. Комитет министров также предлагает «рассмотреть целесообразность использования работников-добровольцев в работе профессионального персонала».

Резолюция Экономического и социального Совета ООН «Основные принципы применения программ восстановительного правосудия в уголовных делах» указывает, что «программы восстановительного правосудия должны быть доступны и на всех стадиях уголовного процесса и при исполнении наказания».

В Рекомендации № R (2000) 19 Комитета министров Совета Европы «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» прокурорам предлагается внимательно рассматривать возможность выведения уголовных дел из системы официального судопроизводства с безусловным соблюдением прав подозреваемых и жертв.

Однако, при безусловной ценности самих западных идей, вызывает большие сомнения эффективность самих методов их реализации применительно к российским условиям. Например, многие принципы широко распространенного в развитых странах восстановительного правосудия, основанные на неформальности, гибкости и дискреционном праве, плохо увязываются с укоренившимся в судопроизводстве России «карательным подходом». А существующая трактовка понятия «справедливый и беспристрастный суд» традиционно подразумевает, что дело суда – оценка фактов, а не соблюдение баланса в социальной среде.

Нашим гражданам пока сложно представить себе «неклассический» подход к разбору криминальной ситуации. Например, на Американском континенте ряд государств наделило общественные образования полномочиями разбирать криминальную ситуацию. Известные «круги правосудия» или «конференции восстановительного правосудия» предполагают анализ причин криминального конфликта и управление криминальной ситуацией силами общины, члены которой принимают на себя полную ответственность за случившийся конфликт.

Подобные формы развиваются в условиях так называемой стратегии «возложения ответственности», согласно которой органы государственного управления стараются воздействовать на преступность не напрямую – через государственные учреждения (полицию, суды, тюрьмы, социальные службы и т.п.) – а опосредованно, соорганизуя и поддерживая работу негосударственных организаций, формируя государственно-общественные долговременные программы профилактики правонарушений.

Однако в России гражданский сектор крайне слаб, а работа муниципалитетов, в большей степени, основана на методах прямого администрирования. При этом ни у «местного комьюнити», ни у общественных объединений нет особой нацеленности на самостоятельную борьбу с преступностью. Эта миссия полностью делегирована государственным органам. Таким образом, для апробирования подходов, признанных эффективными на Западе, у нас в стране нет необходимой правовой социально-культурной ситуации.

Понятно, что продвигать в условиях современной России любые новые подходы к социальным и правовым реформам можно только аналитически взвешенно, комплексно (юридически, психологически, социально) с расчетом на системную исследовательскую и аналитическую работу. Для продвижения идей и практик пробации необходимо и неуклонное общественное просвещение, и поэтапное реформирование силовых ведомств и структур, и грамотная включенность во

Всероссийские и международные правовые процессы всех, кто связан с формированием в России новых социально активно востребованных институтов.

Возможно, пилотные площадки разной направленности и статуса в их постоянной связи между собой могут стать серьезным стимулом для первого этапа развития пробации в России. Этот процесс уже идет в разных регионах страны. В Ростовской области Ростовским филиалом Российской академии правосудия в течение четырех лет осуществляется общественный проект по социальной реабилитации воспитанников Азовской воспитательной колонии. Успешное развитие практической и теоретической составляющих данного проекта позволяет говорить о том, что деятельность по формированию элементов системы пробации ведется достаточно целенаправленно и результативно.

Думается, что в настоящий момент вопросы, связанные с темой пробации следует считать одними из наиболее актуальных для правового пространства России, и к осмыслению данной проблематики будет подключен большой научный потенциал.

Литература и примечания

1. Nils Christie A Suitable Amount of Crime / пер. с англ. Е. Матерновской; общ. ред. и вступит. ст. Я.И. Гилинского. СПб.: Алетей, 2006.
2. Шатанкова Е.Н. Условное осуждение и пробация за рубежом (сравнительно-правовой анализ): Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2008.
3. Nils Christie Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца? М.: РОО Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001.
4. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве «Юридический центр Пресс», 2002.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.1

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ФОРМЫ

© 2013 г. А.А. Воропаев

<i>Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14</i>	<i>Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University 14, Bezhitskaya str., Bryansk, 241036</i>
---	--

Данная статья посвящена анализу понятия, видов и форм взаимодействия следователя и оперативно-розыскных подразделений. В ней рассмотрены различные точки зрения на классификацию видов и форм взаимодействия следователя и оперативно-розыскных подразделений, а также предложены пути совершенствования механизма данного взаимодействия.

Ключевые слова: *взаимодействие, органы предварительного следствия, органы дознания, оперативно-розыскные подразделения, следователь, оперативно-розыскная деятельность, следственная деятельность.*

This article analyzes the concept, types and forms of interaction between an investigator and operational-investigative units. It examines the different perspectives on the classification of the types and forms of interaction between the investigator and operational investigative units, and suggests the ways to improve the mechanism of this interaction.

Keywords: *cooperation, preliminary investigation agency, agency of inquiry, operational investigative units, interrogation officer, operational investigative activity, investigative activities, crime investigation.*

Взаимодействие следователя и оперативно-розыскных подразделений по своему характеру и содержанию неоднородно. Подавляющее большинство авторов различают взаимодействие лишь по формам. Однако этого явно недостаточно, поскольку взаимодействие следователя и оперативно-розыскных подразделений – это прежде всего деятельность, а формы деятельности являются не первичным, а последующим элементом классификационного процесса. Поэтому, в первую очередь, необходимо установить этот первичный элемент, а затем уже выяснить, в каких формах он проявляется. Наиболее приемлемым будет использование в качестве первичного элемента классификационного процесса категории видов, так как любая классификация предполагает обнаружение именно видовых различий [1, с. 60].

Существуют различные точки зрения на классификацию взаимодействия по видам, однако считаем, что в качестве главного основания классификации взаимодействия необходимо рассматривать функции, выполняемые обоими субъектами взаимодействия. Когда оба субъекта выполняют уголовно-процессуальные функции, т.е. следователь выступает как должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие, а оперативное подразделение – как орган дознания, то такое взаимодействие можно назвать процессуальным видом взаимодействия. Если субъекты взаимодействия выполняют функции, не предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, то в этом случае имеется другой вид взаимодействия – непроцессуальный.

Процессуальное взаимодействие осуществляется на основе положений уголовно-процессуального закона, в рамках процессуальных прав и обязанностей, которыми наделены органы предварительного расследования. Сущность процессуального взаимодействия состоит в том, что оперативно-розыскные подразделения – органы дознания привлекаются следователем к выполнению отдельных поручений, связанных с расследованием (например, выполняют поручения о проведении следственных и иных процессуальных действий, розыскных действий, оперативно-розыскных мероприятия), либо к совместному участию в производстве отдельных следственных действий. Такое взаимодействие предусмотрено п. 4 ч. 2 ст. 38 и ч. 1 ст. 152 УПК РФ [2].

Непроцессуальное взаимодействие осуществляется на административной основе в соответствии с положениями, которые содержатся в ведомственных нормативных актах: приказах, инструкциях, указаниях. Непроцессуальное взаимодействие имеет место при оказании следователем помощи оперативно-розыскному подразделению в правовой оценке оперативных материалов, в высказывании рекомендаций по реализации оперативно-розыскных материалов, при использовании в процессе предварительного следствия оперативных сил и средств и в некоторых других случаях.

Результаты процессуального взаимодействия обязательно отражаются в материалах уголовного дела, результаты непроцессуального взаимодействия чаще всего не могут, а иногда категорически не должны находить отражение в материалах уголовного дела в интересах соблюдения принципа конспирации.

Вопрос о видах взаимодействия следователя и оперативно-розыскных подразделений тесно связан с формами, в которых оно может проявляться, поскольку для каждого названного вида взаимодействия характерно наличие конкретных форм его осуществления. Некоторые авторы не проводят различия между формами и видами взаимодействия. Например, А.А. Эскархопуло рассматривает их как синонимы, поскольку соответствующий параграф своего учебника озаглавил следующим образом: «Формы (виды) взаимодействия следователя с оперативно-розыскными органами» [3, с. 174].

Несмотря на то, что в научной литературе, посвященной проблемам взаимодействия следователей и оперативных подразделений, часто встречается термин «формы взаимодействия», среди авторов нет единого подхода к данному понятию. [4, с. 24; 5, с. 30, 6, с. 132] Считаем, что форму взаимодействия следователя

и оперативных подразделений можно определить как способ проявления (выражения) их согласованной деятельности.

Нет единого мнения и в вопросе о классификации форм взаимодействия. Одни авторы разграничивают формы взаимодействия на процессуальные и непроцессуальные, другие – дифференцируют все формы на процессуальные и организационно-тактические, третьи – делят их на процессуальные и организационные, четвертые – на правовые и организационные формы взаимодействия.

Однако перечень форм процессуального взаимодействия вытекает из уголовно-процессуального закона - п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ и включает в себя:

- 1) выполнение органами дознания поручений следователя о производстве следственных действий;
- 2) выполнение органами дознания поручений следователя об исполнении постановлений о задержании, приводе, аресте, о производстве иных процессуальных действий;
- 3) выполнение органами дознания поручений следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий;
- 4) оказание органами дознания содействия следователю при производстве процессуальных действий.

Помимо этого в соответствии с ч. 1 ст. 152 УПК РФ следователь может поручить производство следственных или розыскных действий в другом месте органу дознания, который обязан выполнить поручение следователя в срок не позднее 10 суток. Таким образом, в УПК РФ предусмотрена еще одна форма процессуального взаимодействия – выполнение органом дознания поручений следователя о производстве розыскных действий.

Перечень форм процессуального взаимодействия, указанный в п. 4 ч. 2 ст. 38 и ч. 1 ст. 152 УПК РФ, является исчерпывающим. Отнесение любых других форм взаимодействия к процессуальному виду нельзя считать обоснованным.

Формы непроцессуального взаимодействия, в отличие от форм процессуального взаимодействия, не закреплены в уголовно-процессуальном законе. Практика выработала следующие основные формы непроцессуального взаимодействия: дача консультаций; совместное обсуждение материалов; передача информации; выполнение поручений (заданий) непроцессуального характера; участие в тактической операции. Рассмотрим их подробнее.

Предметом консультаций могут быть различные вопросы практического, тактического и организационно-методического характера. Чаще всего к ним прибегают оперативные работники при решении вопросов, связанных с возбуждением уголовного дела при реализации оперативных материалов, а также в процессе производства дознания.

Совместное обсуждение и оценка материалов обеспечивают обмен мнениями по различным вопросам взаимодействия, дают возможность сторонам прийти к общим выводам, общей позиции. Материалами, которые целесообразно обсудить совместно следователю и оперативному работнику, могут быть сообщения и заявления о преступлениях, оперативные материалы, протоколы следственных действий. Совместно могут разрабатываться оперативно-розыскные и следственные версии.

В процессе раскрытия преступлений следователь и оперативные работники могут обмениваться самой различной информацией, касающейся события преступления и причастных к нему лиц и полученной оперативными работниками в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий или розыскных действий. Своевременное получение такой информации помогает следователю правильно определить направление и задачи расследования, способствует установлению лиц, причастных к преступлению, определению тактики производства отдельных следственных действий, изучению личности подозреваемого (обвиняемого), а также решению других задач. Следователь, в свою очередь, может передать оперативным подразделениям информацию, полученную в ходе допросов, представляющую интерес для решения оперативных задач. Передача информации является устоявшейся и одной из самых распространенных форм взаимодействия следователя и оперативно-

розыскных подразделений. Эту форму чаще называют обменом информацией, что неточно отражает сущность данного явления. Для этой формы является достаточным, чтобы хотя бы один субъект взаимодействия передал другому интересующую его информацию, поэтому наличие признака взаимности здесь совершенно излишне. Передача информации может осуществляться в ходе личных встреч, по телефону, письменно, причем как с использованием подлинных документов, так и их копий или составленных на их основе справок, обзоров и меморандумов. Это зависит от важности информации и возможности ее использования при решении конкретных задач.

Очень эффективной формой является представление следователю оперативным подразделением результатов оперативно-розыскной деятельности. Порядок такого представления предусмотрен Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (ч.ч. 1 и 2 ст. 11) [7]. В п. 36.1 ст. 5 УПК РФ дается определение результатов оперативно-розыскной деятельности, под которыми понимаются сведения, полученные в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда.

Новый УПК РФ наделил следователя правом поручать органу дознания проведение оперативно-розыскных мероприятий, в отличие от УПК РСФСР, который в ч. 4 ст. 127 разрешал следователю поручать органам дознания проведение розыскных действий. Что изменилось в связи с этим? В чем отличие розыскных действий от оперативно-розыскных мероприятий? Розыскные действия представляют такие непроцессуальные (т.е. не регламентированные уголовно-процессуальным законом) действия органов расследования, которые носят официальный, преимущественно гласный характер и направлены на решение розыскных задач, имеющих непосредственную связь с процессуальными действиями этих органов. Они осуществляются для установления лица, совершившего преступление, розыска обвиняемого либо лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, выявления потерпевших, свидетелей, розыска предметов, орудий преступления, документов, имеющих значение по уголовному делу.

В процессе раскрытия преступлений розыскные действия играют вспомогательную роль. Их результаты не могут непосредственно войти в уголовный процесс в качестве доказательств, однако в целом ряде случаев обеспечить быстрое и полное раскрытие преступлений без активного проведения такого рода действий бывает сложно.

Следователь может поручать оперативно-розыскным подразделениям выполнение и иных мероприятий, не указанных в Федеральном законе РФ «Об оперативно-розыскной деятельности», на основании ведомственных нормативных актов. Выполнение оперативно-розыскными подразделениями поручений следователя о проведении различных оперативных мероприятий составляет основное содержание формы непроцессуального взаимодействия, обозначенной нами как выполнение поручений непроцессуального характера (например, выполнение оперативным подразделением поручений следователя о проведении оперативных мероприятий, связанных с преодолением противодействия расследованию).

Среди форм непроцессуального взаимодействия особняком стоит тактическая операция. Тактическая операция – это форма организации взаимодействия следователя и оперативно-розыскных подразделений, представляющая собой совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных организационных процессуальных действий и комплекса оперативно-розыскных мероприятий, имеющих целью решение промежуточных задач расследования преступлений, а также создание предпосылок для осуществления мероприятий оперативного характера.

Участие следователя и оперативно-розыскных подразделений в тактической операции является очень эффективной формой непроцессуального взаимодействия названных субъектов.

Перечень форм непроцессуального взаимодействия, в отличие от перечня форм процессуального взаимодействия, не является исчерпывающим. Практика раскрытия преступлений может выработать и другие формы непроцессуального взаимодействия.

Помимо форм процессуального и непроцессуального взаимодействия некоторые авторы выделяют еще и организационные формы взаимодействия. По мнению И.М. Гуткина, организационные формы взаимодействия представляют собой конкретные способы связи между следователем и органом дознания, обеспечивающие их согласованное участие в уголовном судопроизводстве (организация совместных выездов следователя и оперативного работника на место происшествия; совместные выезды следователя и сотрудников органа дознания в другие районы; согласованное планирование производства следственных и оперативно-розыскных мер; выделение в помощь бригаде следователей одного или нескольких сотрудников органа дознания) [8, с. 73].

Перечисленные И.М. Гуткиным «организационные» формы взаимодействия, по сути, не являются формами взаимодействия, а лишь подготовкой к совместной деятельности, созданием условий, наиболее благоприятных для достижения определенной цели, поэтому представляется, что сочетание «формы организации взаимодействия» более точно отражает существо дела, чем «организационные формы взаимодействия». Таким образом, создание оперативно-следственных или следственно-оперативных групп, прикрепление оперативного работника к следователю и некоторые другие формы правильнее назвать формами организации взаимодействия.

Наибольший теоретический и практический интерес представляет рассмотрение таких форм организации взаимодействия, как прикрепление оперативного работника к следователю на период производства первоначальных следственных действий, что позволяет следователю без всякого промедления (в отличие от направления поручений органу дознания) решать совместно различные вопросы, возникающие при производстве первоначальных следственных действий. Указанная форма организации и взаимодействия позволяет избежать несогласованности действий между оперативными работниками и следователями при проведении неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Выбор конкретных форм взаимодействия следователя и оперативно-розыскных подразделений зависит от особенностей расследуемого дела, его сложности, этапа, на котором осуществляется взаимодействие, наличия информации о лице, подозреваемом в совершении преступления, степени доказанности различных имеющих значение для дела обстоятельств, уровня теоретической подготовки субъектов взаимодействия, наличия у них практического опыта и других обстоятельств.

Подведя итог, можно определить, что взаимодействие следователя и органов дознания – это основанная на законах, ведомственных и межведомственных нормативных актах согласованная по месту, времени и целям совместная деятельность следователя и органов дознания по выполнению задач уголовного судопроизводства, обеспечивающая достижение качественно более высокого уровня предварительного расследования по сравнению с простым суммированием индивидуальных возможностей участников взаимодействия. Отличительной особенностью взаимодействия является то, что параллельное осуществление субъектами взаимодействия своих функциональных правомочий должно приводить к достижению целей качественно более высокого уровня в сравнении с их индивидуальными возможностями.

Литература и примечания

1. Козлов ЮМ. Координация в управлении народным хозяйством СССР. М.: МГУ, 1976.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.12.2012) / /Российская газета. N 249, 22.12.2001.
3. Эксархопуло А.А Криминалистика в схемах и иллюстрациях. Учеб. Пособие. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2002.
4. Бородин С.В. Некоторые вопросы взаимодействия оперативного работника и следователя органов охраны общественного порядка М: Труды ВИИИОИ. 1967. №9.
5. Балашов А.Н. Взаимодействие следователей и органов дознания при расследовании преступлений. Дисс ... канд юрид наук. М , 1973.
6. Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975.

7. ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.11.2012) //Собрание законодательства РФ, 14.08.1995, № 33, ст. 3349.

8. Гуткин И.М. Правовые вопросы взаимодействия следователей и органов дознания в уголовном процессе. М. ВШ МООП СССР, 1967.

МЕНЕДЖМЕНТ

УДК 65.012.413: 65.012.616: 658.3

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ И ОСОБЕННОСТИ КОНТРОЛЯ СОБСТВЕННИКА ПРИ ПЕРЕДАЧЕ УПРАВЛЕНИЯ НАЕМНОМУ ТОП-МЕНЕДЖЕРУ

© 2013 г. М.С. Ржевская

*Государственный морской
университет имени
адмирала Ф. Ф. Ушакова
353918, г. Новороссийск,
пр. Ленина, 93*

*Admiral Ushakov State
Maritime University
93, Lenina Ave.,
Novorossiysk,
353918*

В статье описаны особенности процесса контроля со стороны собственника при передаче управления компанией наемному топ-менеджеру, и обозначены основные противоречия и конфликты, которые объективно или субъективно появляются в ходе реализации каждой из сторон своих интересов. Предлагается использовать разделение контроля на три основных вида и две подсистемы для создания общей системы контроля собственника, даются рекомендации по поводу повышения эффективности процесса владельческого контроля и технологии его построения.

Ключевые слова: *собственник, топ-менеджер, процесс контроля, владельческий контроль, предварительный, текущий и заключительный контроль.*

In the article the features of owner's control during transferring the running of the company to hired top-manager are given, the basic contradictions and conflicts which objectively or subjectively appear in the course of pursuing each party's interests are revealed. It is suggested that the control should be split into three main types and two subsystems for the establishment of a common owner's control system; recommendations for efficient owner's control and its forming are given.

Keywords: *owner, top manager, controlling, owner's control, preliminary control, concurrent control, postaction control.*

Практика корпоративного управления показывает устойчивую тенденцию отхода собственника от оперативных процессов, при этом бразды правления передаются в руки наемного руководителя. Причины возникновения подобных ситуаций могут быть самыми разнообразными: существенное расширение масштабов компании, интерес владельца к другим видам деятельности, желание уйти на заслуженный отдых, большое количество собственников (акционеров) и т.д.

Стратегические цели и текущие оперативные задачи компании формируют базу для двух различных систем интересов – наемного топ-управленца и владельца бизнеса. Зачастую топ-менеджер заинтересован в ощутимых краткосрочных результатах деятельности организации, а собственник – в долгосрочном развитии бизнеса. Подобное противоречие порождает серию вопросов со стороны владельца при передаче управления компанией, сущность которых заключается в следующем: каким образом осуществить передачу, при этом сохранив динамику прибыльности компании и контроль над ней?

Собственник, передавая управление, несет огромные риски, следовательно, вполне естественным является его недоверие к наемному директору. Компенсировать отсутствие доверия в достаточной мере может разработка поэтапного процесса передачи управления, выработка эффективной системы контроля собственником состояния его бизнеса, а также построение действенной схемы мотивирования топ-менеджера. Получается, что все во многом сводится к грамотному выполнению собственником основных функций управления, но на своем, владельческом, уровне и по отношению к наемному директору.

Менеджмент как наука говорит об эффективности системного выполнении управленцем своих функций (процессный подход) [1], следовательно, это касается и собственника, выстраивающего взаимодействие с наемным «топом» при передаче рычагов управления бизнесом. Реализация основных функций менеджмента в комплексе должна способствовать безболезненной передаче власти в организации. Владельцу необходимо понять, что переход управления в руки наемного директора – это не одномоментный акт, а долгий процесс, который может занять и несколько лет. Ситуация осложняется тем, что топ-менеджер – это особенный наемный работник, и реально оценить результаты его труда можно не раньше чем через год, а иногда это занимает и больший временной интервал. Отсюда возрастает важность текущего контроля над процессами в бизнесе со стороны собственника при передаче управления.

Как показывают исследования ведущих аудиторско-консалтинговых компаний в сфере экономических преступлений, основной питательной средой для мошенничества менеджеров является слабость контрольной системы [2]. Практика функционирования корпораций говорит о том, что предприятие, недостаточно контролируемое собственником, обычно движется в направлении либо смены собственника, либо снижения капитализации, распределяемой прибыли, стоимости акций и т.д. в менее критичной ситуации. По этой причине чрезмерная экономия на контроле – это прямой путь к потере бизнеса.

Построение системы владельческого контроля позволяет собственникам надежно защищать и развивать бизнес в своих интересах. От того, насколько эффективно и грамотно «функционирует» владелец на своем уровне, зависит успешность компании и возможность ее перехода на более высокий уровень. Еще Макс Вебер высказал тезис о том, что контроль над менеджерами должен оставаться в руках собственников, однако осуществляться со стороны, а не изнутри организации. Получается, необходимость владельческого контроля не оспаривается, обсуждению подлежат лишь только его формы и методы [3].

Зачастую понятие «владельческий контроль», или «контроль со стороны собственника бизнеса» интерпретируется как контроль над деятельностью и результатами работы топ-менеджера. Здесь допускается некоторая ошибка или, по крайней мере, неточность. Ведь в таком контексте границы контроля собственника существенно сужаются. Дело в том, что владельцу в первую очередь необходимо контролировать свой бизнес, а уже потом топ-управленца, который является частью фирмы, обеспечивающей ее оперативную работу. Следовательно, систему владельческого контроля стоит разделять на две параллельно реализуемые подсистемы: контроль над бизнесом и над топ-менеджером. Причем, контроль над менеджером заключается в наблюдении за степенью его влияния на процессы в бизнесе, за изменениями его системы мотивации и, соответственно, применении новых способов мотивирования, бизнес же необходимо контролировать в отношении динамики ключевых показателей, включая его стоимость (капитализацию).

Менеджмент рассматривает контроль как фундаментальнейший элемент управления. Планирование, создание организационных структур, мотивация фактически являются неотъемлемыми частями общей системы контроля в организации, который, в свою очередь, разделяется на три основных вида: предварительный, текущий и заключительный [4]. Придерживаясь теории менеджмента, контроль со стороны собственника мы тоже разделим на аналогичные последовательно осуществляемые категории.

Предварительный владельческий контроль производится до фактической передачи управления наемному директору. Основным средством осуществления предварительного контроля является реализация (не создание, а именно реализация) определенных правил, процедур и линий поведения [5]. Поскольку владельческий контроль должен параллельно охватывать два направления – мотивирование топ-управленца и развитие бизнеса – можно выделить следующие ключевые области предварительного контроля собственника:

1. *Требования к кандидату.* Учитывая задачи, которые предстоит решать наемному топ-управленцу, принимая во внимание миссию, цели и стратегию организации, ее корпоративную культуру, владельцу необходимо выделить перечень необходимых для директора качеств. По всей видимости, сюда должны войти такие характеристики, как умение работать в команде, умение объединить людей в единую команду, способность правильно ставить задачи, организовывать и мотивировать членов команды, лидерские качества руководителя и т.д.

2. *Подбор кандидатуры.* Когда речь идет о выборе нового члена топ-команды, стоимость ошибки всегда высока. Появление людей, не обладающих требуемыми психологическими качествами или не готовых принять ценности компании, может нанести бизнесу серьезный ущерб. Вовремя проведенная индивидуальная оценка кандидатов на ключевые позиции может существенно снизить риск ошибки, уберечь компанию от лишних затрат и помочь оперативно принять правильное кадровое решение. Здесь порой необходима помощь профессионального психолога-консультанта, ведь существует ощутимая взаимосвязь между личностной стабильностью топ-менеджера, самореализацией и успешностью бизнеса, который он возглавляют [6].

Индивидуальная оценка менеджера – методика, созданная психологами более 50 лет назад в США в начальный период становления такой области психологического знания, как бизнес-консультирование. В России оценка по методу индивидуального психологического ассесмента появилась в начале 1990-х годов и быстро приобрела популярность в среде руководителей бизнеса как инструмент, позволяющий раскрыть сильные и слабые стороны интересующего человека, проанализировать его «психологический профиль», понять основные факторы успеха; осмыслить тот факт, что личностные особенности топ-менеджера, эффективность его работы непосредственно отражаются на результативности деятельности компании. Другие методы оценки не дают такого объемного, комплексного и глубоко психологического портрета индивида. Зачастую это единственный способ с высокой надежностью оценить, подходит ли компании кандидат, претендующий на ту или иную высокую должность [7].

Многие специалисты считают, что в процессе взаимодействия собственника и наемного управленца на первый план выходит необходимость более тщательного подбора топ-менеджера. Мотивация перестает иметь смысл, если топ-менеджер подобран неправильно, если в компанию изначально пришли не те управленцы, которые ей сейчас необходимы. В компанию сразу должны прийти не просто люди, а нужные ей люди. «Бесполезно платить высокую заработную плату руководителю, который находится не на своем месте. Если вы ошиблись с выбором кандидата на место топ-менеджера, то повысить эффективность его работы не смогут ни высокие бонусы, ни опционы, ни социальные пакеты, стоимость которых составляет половину его оклада...» [8].

В данном контексте понятие «нужные люди» означает для владельца бизнеса еще и факт уверенности: в том, что касается развития предприятия, у него с генеральным директором совпадают взгляды. Только при выполнении этого условия есть смысл обсуждать вопросы мотивации топ-управленца.

Что касается проверки компетентности кандидата на этапе найма, можно в процессе собеседования поинтересоваться тем, какую добавочную стоимость он создал на предыдущем месте работы, или, например, методами, с помощью которых возглавляемая им компания в будущем сможет опередить конкурентов. Вполне естественным здесь будет предложить ему написать план исполнения стратегической задачи компании и защитить его.

В целях корпоративной безопасности при приеме на работу высшего менеджера необходимо владеть следующей информацией: в каких компаниях кандидат на должность владеет голосующими акциями и в каком количестве; в органах управления какими организациями он занимает должности; является ли он членом совета директоров другой фирмы; имеются ли у него какие-либо отношения с банками, кредиторами компании, ее поставщиками, потребителями, дистрибуторами и т.д. [9]. В дальнейшем, в случае сотрудничества с этим топ-менеджером, следует периодически проверять эти данные.

3. *Обозначение деталей системы дальнейшего контроля и мотивирования топ-управленца с фиксацией на бумаге (заключение договора).* Данный элемент предварительного владельческого контроля касается обсуждения и извещения генерального директора о нюансах контрольного механизма над его деятельностью со стороны собственника. Следует заметить, что продвинутые топ-менеджеры даже заинтересованы в прояснении роли владельца бизнеса и своих взаимоотношений с ним. Это помогает им упорядочить свою работу и получать лучшие результаты, а также соответствующее вознаграждение.

В качестве примера контрольных точек, которые в обязательном порядке должны быть прояснены в начале отношений, можно выделить [10, 11]:

- уровень стоимости активов, которыми топ-менеджер может распоряжаться в рамках своей компетенции, а также границу, выше которой он должен получить разрешение собственника или собственников;
- обязательство возместить ущерб, нанесенный недобросовестными действиями управленца (в т.ч. разглашение коммерческой тайны компании);
- испытательный срок директора (не может превышать шести месяцев);
- в трудовом договоре обязанности руководителя должны по возможности быть изложены с максимальной степенью детализации (цели, специфичные условия);
- трудовой договор с руководителем является срочным, причем срок его действия, определяется учредительными документами или соглашением сторон;
- основания для расторжения трудового договора с наемным директором;
- система вознаграждения топ-менеджера на определенный период, сформулированная в трудовом договоре и т.д.

Система вознаграждения «топа», которая будет использоваться для его дальнейшего стимулирования, начинает выстраиваться в процессе первичного собеседования или индивидуального ассесмента, когда «замеряется» мотивация управленца, выявляются ее характеристики. Другими словами, в рамках первых интервью собственнику следует задавать руководителю вопросы, проясняющие особенности его мотивации, и руководствоваться этими особенностями при создании схем мотивирования управленца.

4. *Внедрение системы управленческого учета как базы для дальнейшего владельческого контроля.* Прежде чем передавать управление бизнесом, необходимо его подготовить к передаче. На этом этапе полезно сделать полную ревизию имеющихся ресурсов и процессов. Ведь зачастую ведение дел компании осуществляется в соответствии с личным стилем руководства владельца, который, создавая организацию и развивая ее, расставляет приоритеты в управлении, учитывая собственное мнение. Следовательно, вполне возможным является накопление в компании определенных проблем или «пробелов», которые необходимо устранить или, по крайней мере, обозначить до передачи [12]. Ревизия бизнеса необходима еще и для того, чтобы иметь «отправную точку», т.е. информацию о том, в каком конкретно состоянии компанию возглавил наемный топ-менеджер.

В данной ситуации реальную помощь собственнику, находящемуся на позиции топ-менеджера и планирующему передавать управление бизнесом, может оказать внедрение системы управленческого учета. Управленческая отчетность представляет собой результат сбора и систематизации финансовой и нефинансовой информации (в том числе и натуральных показателей производства, данных о времени платежей и т.п.), на основе анализа которой принимаются решения в рамках стратегического и оперативного управления [13]. По закону компания не обязана ее составлять, но без нее руководителю очень сложно, а порой и невозможно принимать грамотные решения

и контролировать динамику развития бизнеса. Управление невозможно без контроля, который, в свою очередь, немаловажен без учета.

В случае отсутствия на предприятии отлаженной системы составления управленческой отчетности передача бизнеса является существенным поводом для запуска и использования этого вида учета в оперативной работе компании. В процессе владельческой ревизии все блоки управленческой информации можно собрать один раз, чтобы получить реальную картину бизнеса на конкретный момент. Однако наибольшую информативность и полезность данные управленческой отчетности представляют, только если они собираются на регулярной основе, в соответствии с установленными принципами сбора и систематизации, сравниваются с запланированными показателями, а в идеале – и со среднеотраслевыми или данными ближайших конкурентов [14]. Следовательно, внедрение управленческого учета будет способствовать не только осуществлению ревизии бизнеса, необходимой для передачи управления, но и последующему предоставлению информации, во-первых, собственнику для реализации владельческого контроля над бизнесом, а, во-вторых, наемному директору в целях оперативного руководства компанией.

Зачастую управленческий учет пытаются заменить бухгалтерским. Однако данные бухгалтерской отчетности не позволяют получить достоверные ответы на многие существенные вопросы. Ведь сведения для управленческой отчетности должны собираться ежедневно, а в бухгалтерской окончательно отражаться по более укрупненным отчетным периодам. Таким образом, и действующие руководители, и владельцы, имея параллельный доступ к управленческим данным, могут следить за ситуацией ежедневно, исходя из оперативных сведений. Естественно, что подобные данные должны быть правдивыми. Для увеличения полезности сведений управленческого учета и эффективности независимого владельческого контроля необходимо разработать принципы, касающиеся того, кто и на основе каких документов вносит данные в систему, в программу или в оперативные таблицы. При этом должен осуществляться еще и контроль над соблюдением этих принципов [15].

Если на предприятии уже ведется управленческий учет и проведение владельческой ревизии не представляет сложности, подготовка к передаче управления будет заключаться в усовершенствовании процесса составления и предоставления отчетности. Здесь усовершенствование будет означать *автоматизацию* управленческого учета.

Идеальной является ситуация, когда каждое действие отражается в программе и автоматически обрабатывается. Передали определенное количество сырья со склада в производство, ввели данные в компьютер – и уже это сырье будет учтено в себестоимости готовой продукции или в стоимости незавершенного производства. Сдали определенное количество готовой продукции на соответствующий склад, ввели данные в компьютер – и вот уже эта продукция фигурирует как готовая и т.д. [16]. При этом бухгалтерский учет ведется параллельно с управленческим, однако при организации обоих видов учета необходимо предусмотреть отсутствие повторяемости сведений, т.е. двойной работы персонала.

Своеобразной разновидностью автоматизации можно назвать ситуацию, когда бухгалтерский учет ведется в бухгалтерских программах, а ряд данных управленческого учета, например, по движению продукции (склад сырья – производство – склад готовой продукции – отгрузка) и по себестоимости, отдельно собираются и обрабатываются в формате таблиц Microsoft Excel. В таком случае стоит выстроить управленческую отчетность таким образом, чтобы все таблицы формировались в одном месте либо к ним имелся общий доступ. При этом необходимо ранжировать уровень доступа к данным и определить ответственность за разглашение сведений, поскольку управленческая отчетность предназначена в основном для внутреннего пользования, на 90% она представляет коммерческую тайну.

Если предположить, что предприятие не автоматизировано в отношении управленческого учета, а собственнику необходимо получать оперативную информацию о состоянии дел, в этом случае менеджеру предстоит периодически отвлекаться от текущих дел и заниматься подготовкой сведений для владельца. Либо собственнику, чтобы избежать чрезмерной траты времени менеджера, связанной с

подготовкой отчетов, необходимо пожертвовать оперативностью получения информации, ограничившись еженедельными или ежемесячными отчетами. Обе ситуации не способствуют эффективному взаимодействию. Это еще один аргумент в пользу автоматизации учета как выхода из сложившегося противоречия.

На сегодняшний день уже существуют разнообразные автоматизированные решения [17], например, CRM (Customer Relationship Management), ERP (Enterprise Resource Planning), PLM (Product Lifecycle Management), PPM (Project Portfolio Management), MES (Manufacturing Execution System) и другие, кроме того, компании могут создавать или заказывать собственные решения, исходя их специфики бизнеса и оперативных процессов. При полностью или частично автоматизированной системе управленческого учета владелец получает полный контроль над процессами в бизнесе и доступ к сведениям в удобное для него время. Кроме того, автоматизация решает проблему точности получаемой информации, если данные вводятся на регулярной основе. Однако затраты на автоматизацию должны окупаться ее выгодами.

Внедрение системы управленческого учета и отчетности должно стать грамотным решением собственника при передаче бизнеса, поскольку, во-первых, это выгодно с точки зрения экономии времени наемного топ-управленца и его сосредоточения на стратегических целях. Во-вторых, это может способствовать повышению прибыльности работы компании за счет слаженной работы ее подразделений и ускорения принятия решений на всех уровнях. В-третьих, система взаимодействия наемного директора с владельцем бизнеса, базирующаяся на независимом и самостоятельном просмотре данных управленческого учета каждым из них, способна перевести их отношения на другой уровень, с более высоким качеством и результативностью. В таких обстоятельствах каждый из них использует сведения управленческого учета в своих целях: управленец – для анализа и принятия оперативных решений, для контроля над внешними и внутренними показателями эффективности; а собственник – для планирования стратегических решений и контроля над изменением стоимости бизнеса.

Существенным фактом является то, что при такой системе контроля не снижается уровень мотивации топ-менеджера, скорее наоборот: постоянный невидимый, но существующий, контроль со стороны владельца поддерживает управленца что называется «в тонусе», способствуя его более активной работе. Менеджер, который знает, что его работа видна как на ладони и неявно контролируется владельцем, как правило, работает лучше.

Текущий контроль собственника осуществляется непосредственно в процессе его взаимодействия с наемным топ-управленцем. Этот вид контроля базируется на измерении фактических результатов, полученных после проведения работы, направленной на достижение желаемых целей [18]. Для того чтобы осуществить текущий владельческий контроль, собственнику необходима обратная связь, т.е. данные о произошедших изменениях в компании.

Налаженная процедура управленческого учета и доступа к сведениям будет способствовать качественно реализуемой обратной связи, и контроль владельца превратится из непредсказуемо-вторгающегося в планомерно-ограничивающийся, что усилит взаимное доверие и заинтересованность друг в друге у обеих сторон в процессе сотрудничества.

Текущий владельческий контроль – это контроль по контрольным критическим точкам, что называется «контроль «каркаса» бизнеса». Если «каркас» сохранен, то бизнес всегда можно восстановить и улучшить; потеря «каркаса» – это потеря бизнеса. Текущий контроль осуществляется по важным направлениям: результаты, сотрудники, рынок, финансы, бизнес-проекты, производство, безопасность и окружение фирмы, управление и роль владельца. Владельцу необходимо сохранить свое присутствие в фирме [19].

В соответствии с первоначально обозначенным разделением текущий контроль собственника тоже проходит по двум ключевым областям: бизнес-результаты (1) и функционирование топ-менеджера (2).

1. Что именно считать результатом, и как контролировать? Однозначно можно сказать, что показателя «прибыль» в качестве результата не достаточно. Это не

корректный показатель, хотя во всех уставах коммерческих организаций именно он назван в качестве цели бизнеса.

Можно выделить следующие блоки управленческой информации, с которой следует работать на регулярной основе: *производство* (себестоимость продукции по видам, динамика и структура незавершенного производства, объем выпуска продукции по видам и поступления на склад, динамика и структура запасов сырья и т.д.); *продажи* (структура продаж по видам продукции, по клиентам, срокам платежей, затраты на реализацию продукции и доставку ее до потребителя, динамика поступления произведенной продукции на склад готовой продукции, динамика и структура дебиторской задолженности и т.д.); *финансы* (исполнение бюджета денежных средств, величина и структура полной себестоимости производимой продукции, отчет о прибылях и убытках, динамика дебиторской и кредиторской задолженности, собственные затраты подразделений и т.д.); *стоимость компании* (капитализация); *доля рынка*, приходящихся на компанию, *исполнение важнейших контрактов; реализация новых проектов* и т.д.

Методы контроля со стороны собственников могут различаться в зависимости от подготовленности владельцев бизнеса, их желания тратить на контроль дополнительные средства, степени доверия к топ-менеджерам. Для собственников-профессионалов достаточно регулярного изучения управленческой отчетности через автоматизированную систему, подготавливаемой по определенным, заранее заданным стандартам и показателям.

Собственники, не разбирающиеся в тонкостях экономики, могут прибегнуть к помощи внешних консультантов (аудиторов) или создать так называемый «отдел владельца (собственника)». Некоторые специалисты рекомендуют формировать отдел владельца из доверенных сотрудников компании, которые будут совмещать функцию контроля с другими должностями в организации. Этого делать не стоит, поскольку возникает опасность, что внутренний контролер - представитель собственника будет по-своему трактовать задачи и цели управления бизнесом, представлять свою точку зрения как точку зрения владельца, что может привести к конфликтам с топ-менеджером.

Отдел собственника должен быть обособлен от остальной фирмы и подчинен лично владельцу. По своей сути он является ревизионной комиссией и выступает в роли профессионального контролера финансово-хозяйственной деятельности, юридических вопросов. Ревизионный орган следует формировать его из трех специалистов – управленца со знанием основ конфликтологии, финансиста и юриста [20].

2. В процессе текущего контроля немаловажным является отслеживание изменений в мотивации деятельности наемного топ-управленца. Прежние рычаги воздействия в течение времени могут перестать работать или снизить свою эффективность. Следовательно, не стоит безоглядно полагаться на те особенности мотивации топ-менеджера, которые были выявлены при подборе, надо постоянно отслеживать, что происходит с его мотивацией под воздействием времени, и научиться замерять его ожидания.

Существует немало специальных мероприятий по диагностике мотивации, например, «мотивационный аудит» или «мотивационная беседа» (обсуждение мотивации топ-менеджера с владельцем), после проведения которых подбираются адекватные материальные стимулы и нематериальные приемы, актуальные на момент замера мотивации. Особенно необходимо интересоваться изменением уровня мотивации директора в случае преобразований в компании любого характера, в случае уникальных успехов топ-управленца, а также если результаты его работы стали ухудшаться и т.п.

Если при текущем контроле обратная связь используется в ходе проведения самих работ, чтобы решить возникающие проблемы, прежде чем это потребует слишком больших затрат, то в рамках **заключительного** контроля обратная связь используется после того, как работа выполнена [21]. Заклучительным владельческим контролем можно назвать подведение итогов работы компании по укрупненным временным интервалам (полгода, год и более), когда фактически

полученные результаты сравниваются с запланированными и анализируются перспективы развития. Заключительный контроль собственника аналогично представляет две подсистемы: анализ изменений ключевых показателей деятельности компании, включая динамику стоимости, и степень влияния на них действий и решений наемного топ-менеджера за исследуемый период времени.

Результаты работы организации в конце отчетного периода изучаются владельцем, ориентируясь на данные управленческой отчетности, либо самостоятельно, либо при помощи внешних профессиональных аудиторов, при этом они обсуждаются совместно с наемным топ-управленцем и анализируются.

Реализация владельческого контроля не только препятствует коррупционным действиям наемного главы организации. Подобный контроль необходим, чтобы согласовать управленческие действия директора и собственника. Таким образом осуществляется еще одна функция менеджмента – координация, но уже на другом уровне. В ходе постоянного совместного обсуждения положительных и отрицательных результатов деятельности находят адекватные решения, повышается культура организации, следовательно, она перемещается на следующую фазу развития.

Естественно, контроль должен быть оптимальным с точки зрения затрат. То есть, когда расходы на контроль превышают возможные потери, связанные с его отсутствием, контроль является нецелесообразным. Это правило необходимо учитывать при построении системы владельческого контроля.

Устранение противоречий в отношениях собственника и менеджера в полной мере на сегодняшний день является довольно непростой задачей. Однако грамотно выстроенная система владельческого контроля будет способствовать конструктивному диалогу обеих сторон, результатом которого должны быть повышение заинтересованности управленца и эффективности организации. Владелец бизнеса – это должность и роль в контексте организации.

Литература и примечания

1. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента: пер с англ. М.: Дело, 2005.
2. Петрова Ю. Охота на крыс // Коммерсантъ Секрет Фирмы, 2007, №43 (226).
3. Вебер М. Избранное. Образ общества / Пер. с нем. М.: Юрист, 1994.
4. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Указ. соч.
5. Там же.
6. Макарушина М. Лицом к первому лицу // The Human Resources Times Magazine. 2007. №7 (43).
7. Там же.
8. Коллинз Дж. От хорошего к великому. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011.
9. URL: <http://amt-training.ru/content/articles/3711/>
10. Маргулян Э.Е. Укрощение директора. Правовой механизм преодоления конфликта интересов собственников и менеджеров // Бизнес без проблем-Персонал, 2004, №7.
11. URL: <http://amt-training.ru/content/articles/3711/>
12. Сычев Н.А. Контроль бизнеса – обязанность владельца бизнеса // Управление компанией. 2004. №12 (43).
13. Богатова Е.Р. Управленческая отчетность: что это такое, кому и зачем она нужна? // В курсе правового дела. 2007. №5.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. URL: http://mawisoft.com/cms/page/kontrol_raboty_menedzherov
18. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Указ. соч.
19. Сычев Н.А. Указ. соч.
20. URL: <http://amt-training.ru/content/articles/3711/>
21. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Указ. соч.

ЭКОНОМИКА СЕМЕЙНОГО ХОЗЯЙСТВА

УДК 330.567.4

КРИЗИСНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ – ЧТО ДЕЛАТЬ?

© 2013 г. И.А. Бондаренко

Армавирская государственная
педагогическая академия
352901, г. Армавир,
ул. Р. Люксембург, 159

Armavir State
Pedagogical Academy
159, R. Lyuksemburg,
Armavir, 352901

В статье анализируется кризисное состояние российских домохозяйств, которое объясняется двумя группами причин (факторов): одна из них представляет собой факторы, которые домохозяйства не могут контролировать, так как они диктуются институциональной средой и её субъектами – государством и фирмами. К другой группе причин относятся те, которые домохозяйства могут контролировать, ибо они связаны с особенностями хозяйственного поведения самих домохозяйств.

Ключевые слова: *российские домохозяйства, «проедание» денежных ресурсов, транзакционные издержки домашних хозяйств, имущественный и человеческий потенциал*

Analyses the crisis of Russian households which is explained due to two groups of factors. Firstly, these are factors uncontrollable by households because they are dictated by institutional environment and its subjects – state and businesses. The other group of factors is represented by those which can be controlled by households as they are related to their own activity.

Keywords: *Russian households, blowing money resources, transaction expenses of households, property and human potential.*

Современное положение домохозяйств таково, что, будучи одновременно и рыночным, и нерыночным агентом, домохозяйство несёт колоссальные транзакционные издержки, грозящие им банкротством, вследствие противоречивости внешней и внутренней институциональной среды, ухода государства из рыночного пространства и неисполнения своих прямых обязанностей, неразвитости социально-экономической инфраструктуры.

В новом институциональном пространстве, в котором действуют субъекты микроуровня, сегодня доминируют неправовые и неформальные способы поведения. Причем среди нарушителей законных прав рядовых граждан и домашних хозяйств лидируют власти разных уровней, будь то центральные, местные органы власти или руководители предприятий, организаций, фирм. «...Наёмные работники, инвестирующие в компанию свой труд, как и акционеры, инвестирующие капитал, имеют и долгосрочный интерес в её развитии, и право на участие в управлении» [1, с. 62]. Сами нарушения стали массовыми, а противодействие им – редким, бесперспективным и небезопасным, что существенно затрудняет формирование рыночных правил игры [2, с. 252].

Эффективность экономического агента определяется соотношением затрат и выгод, получаемых им в процессе кругооборота собственных ресурсов, продуктов и денежных результатов. Эффективность домашнего хозяйства может быть определена с позиций его потребительского поведения, производственной деятельности, реализации воспроизводственной функции, а также с точки зрения социальной эффективности.

Эффективность домашнего хозяйства как потребителя оценивается с позиций теории предельной полезности как максимизация суммарной полезности приобретаемых благ, полученная путем достижения потребительского равновесия.

Для определения эффективности домашних хозяйств как производителей может быть использована группа показателей: величина текущего и накопленного дохода домохозяйства, рентабельность сбережений и вложений в инвестиционные активы, в человеческий капитал, ресурсоотдача от использования домохозяйственных ресурсов, коэффициент деловой активности.

В затраты домохозяйства должны быть включены как издержки производства продуктов домашней экономики, так и издержки потребления, связанные с покупкой готовых товаров и услуг, их поиском, обслуживанием, ремонтом и т.д. Количественно эффективность домохозяйства может быть выражена следующим выражением:

Совокупный валовой доход домохозяйства / \sum постоянных и переменных затрат (расходов) $\times 100\%$

Социально-экономическая эффективность домохозяйств зависит от рутин, определяющих предсказуемость результатов их применения. Как это понимать? Знание рутин, признание их как неформальных регуляторов социальной жизни и однозначная трактовка всеми субъектами экономических отношений дают возможность минимизировать расходы домохозяйств на социально значимые товары и услуги, например, выбор образовательного учреждения для детей, поиск работы и трудоустройство, цели и размеры сбережений, а значит, максимизируют конечный результат.

Если рутины (правила и нормы поведения в конкретных ситуациях) неоднозначны, то это приводит к двойному их толкованию и возможности неисполнения в принципе. Многозначная трактовка рутин домохозяйствами создаёт основу для возникновения противоречий с государством, коммерческими организациями и между собой. Отсутствие рутин или их расширительное (узкое) понимание снижает эффективность функционирования домохозяйств, т.е. устойчивость домохозяйств и уровень их экономического благополучия.

Экономическое поведение домохозяйств задается рамками объективных экономических условий в стране, а также менталитетом и традициями, выработанными в предыдущие годы. Издержками отказа от выполнения тех или иных правил хозяйственной деятельности становится не только потеря "дохода", но и нисходящая социальная мобильность и, может быть, распад самого домохозяйства [3, с. 261].

Одной из причин неоптимальной для общества политики, которая реализуется в политическом неравновесии, может быть отсутствие у агентов мотива заботы о будущих поколениях. Кан и Лим показывают, что если и домашние хозяйства, и правительство не учитывают при принятии решения полезность будущих поколений, социальный оптимум не является достижимым [4, с. 1-25].

Мы полагаем, что банкротство российских домохозяйств объясняется двумя группами причин (факторов): одна из них представляет собой факторы, которые домохозяйства не могут контролировать, так как они диктуются институциональной средой и её субъектами – государством и фирмами. Эту группу мы характеризуем как внешние причины неустойчивости, ведущие к банкротству.

К другой группе причин относятся те, которые домохозяйства могут контролировать, ибо они связаны с особенностями хозяйственного поведения самих домохозяйств. Данную группу причин мы характеризуем как внутренние причины банкротства домохозяйств.

Таким образом, экономическая неустойчивость домохозяйств связана со следующими причинами: внешние – заниженная заработная плата вследствие монополизма (монопсонизма) на рынке труда, отсутствие конкурентности при найме на работу, отсутствие информации о вакансиях и государственных (региональных) программах занятости, сокрытие информации или её полное отсутствие по поводу доброкачественности продуктов питания, услуг, в том числе государственных; внутренние – неполная занятость членов домохозяйств, низкие доходы занятых членов домохозяйств, невозможность для ряда домохозяйств выполнять условия кредитных

договоров [5], несформированность навыков рыночного потребительского и трудового поведения, приверженность адаптивным стратегиям, ориентированным на «выживание», а не на «рост». Близкую позицию по этому вопросу занимает Чумакова Н.А., указывающая на следующие факторы финансовой неустойчивости домохозяйств:

- инфляция;
- потеря работы по найму;
- избыточные издержки ведения бизнеса;
- сокращение социальных трансфертов;
- низкая доля оплаты труда в добавленной стоимости;
- рост стоимости банковского кредита;
- финансовая некомпетентность населения [6, с. 23].

Схема 1

Причины банкротства российских домохозяйств

<i>внешние</i>	<i>внутренние</i>
1. Заниженная заработная плата	1. Неполная занятость членов домохозяйств
2. Отсутствие конкурентности при найме на работу	2. Низкие доходы занятых членов домохозяйств
3. Отсутствие либо неполнота информации о вакансиях и государственных (региональных) программах занятости	3. Невозможность для ряда домохозяйств выполнять условия кредитных договоров
4. Соккрытие информации или её полное отсутствие по поводу доброкачественности продуктов питания, услуг	4. Несформированность навыков рыночного потребительского и трудового поведения, проявляющаяся в нерациональном выборе экономических решений
5. Законодательные нормы Жилищного, Семейного и Гражданского кодексов, позволяющие объявлять домохозяйства банкротами со всеми вытекающими из ситуации последствиями	5. Приверженность адаптивным стратегиям, ориентированным на «выживание», а не на «рост»
6. Незначительное участие членов домохозяйств в управлении акционерными предприятиями в качестве совладельцев	6. Низкая эффективность использования, в том числе недоиспользования домашнего имущества и сбережений

К внешним факторам, способствующим подрыву экономической основы домохозяйств, относятся некоторые правовые факторы, закреплённые в российском законодательстве. Так, «Семейный Кодекс РФ» в основном регулирует отношения совместной собственности (имущества супругов), в первую очередь, с акцентом на его раздел [7, статьи 33 - 46], обходя вопрос о том, как оно наживается. Более того, он не содержит даже понятия домохозяйства. Законодатель по умолчанию считает, что общее имущество супругов и есть домашнее хозяйство. В законопроекте «О реабилитационных процедурах, применяемых в отношении гражданина - должника» [8], принятом парламентом страны в первом чтении, не указано, исключаются ли из конкурсной массы средства родственников, находящихся на иждивении должника. Последствия такого допущения негативно сказываются на семье.

Для семьи последствия отрыва от домохозяйства пагубны потому, что они разрушают режим ее устойчивого функционирования. Для общества распространение подобной практики пагубно, так как постепенно, но неуклонно ведет к нарушению режима воспроизводства населения со всеми вытекающими отсюда последствиями

депопуляции [9, с. 111]. Если рассматривать домохозяйство как составную часть рыночных отношений, то следует согласиться с выводами Рассела Б., представителя неолиберальной теории, о том, что эффективный рынок тяготеет также к максимизации совокупного выпуска благ в домашних хозяйствах. Правда, автор делает оговорку: «Конечно, совокупный выпуск благ, максимизируемый домашними хозяйствами, не следует отождествлять с обычными показателями национального продукта, поскольку в его состав входит количество и качество детей, сексуальное удовлетворение и другие блага, которые при подсчете национального продукта никак не учитываются» [10, с. 383-387].

К сожалению, недоучёт количества детей в семьях, времени, потраченного на воспитание, образование и здоровье детей, на обустройство жилища и на поддержание качества семейной жизни, резко снижает качество самой экономической теории в её способности адекватно описывать и объяснять современные социально-экономические процессы. Теория и практика общества потребления и услуг направлена на вытеснение из домохозяйства все большего числа традиционных функций. Это неизбежно ведет к сокращению совокупного выпуска благ в домашних хозяйствах, а с ними и к снижению роли домашних хозяйств в общественном производстве [11, с. 113].

Внешние и внутренние факторы банкротства российских домохозяйств тесно переплетены и проявляют свой «суммарный» эффект в распределении национального дохода между ними. О фактическом банкротстве ряда российских домохозяйств можно судить по источникам доходов и их использованию. Во-первых, дифференциация по доходам населения выросла: разрыв в доходах (коэффициент фондов) в 1992 году составлял 8-микратный размер, в 2008 году – 16, 9 раз, в 2010г. – 16,1, в 2012г. – 15.0 [12]. Во-вторых, набирает силу тенденция роста теневых доходов граждан; в-третьих, нелегальная и неформальная занятость значительной части занятого населения [13] означает фактически лишение их гражданских социальных прав на пенсионное обеспечение и социальное страхование, безопасность труда и свободу выбора профессии, места работы и жительства.

В рыночной экономике не может быть нерыночной заработной платы при рыночных ценах на товары и услуги, так как это не только не обеспечивает нормального воспроизводства рабочей силы и ведет к недопотреблению и бедности, но и нарушает единство всего воспроизводственного процесса [14, с. 24].

Характерной особенностью России стало наличие такой категории граждан, как работающие бедные. Около 30% бедных составляют семьи, где все трудоспособные граждане имеют регулярную оплачиваемую работу. Отсюда и высокая нагрузка на доходы населения и бизнеса [15]. Специфика ситуации в РФ определяется также тем, что за время реформ произошла существенная десоциализация государства, то есть уменьшение его социальных функций, что отразилось и на участии государства в поддержании приемлемого уровня доходов населения.

Утверждение, что модернизация всегда развивалась за счет доминирующих единиц воспроизводства в социальной сфере, не метафизично по сути. Экономический сектор общества в значительной степени в настоящее время передает свою «экстернальность» в секторы вне экономики (домашнее хозяйство, общественные организации, социальное государство). И в то же время он лишает эти единицы основания, навязывая обозначение их как старомодных, неэффективных и расточительных.

Семья в отрыве от домохозяйства в современной России практически не требует и не предполагает общественных затрат. Где и как вновь созданная семья будет вести домохозяйство, откуда оно возьмется, если аренда жилья выше суммарного дохода молодой семьи, — этот вопрос остается в тени и представляет реальную проблему для молодожёнов и их родителей.

Создание нового домохозяйства в современных условиях оказывается сложным и очень затратным делом. Именно в домохозяйстве, а не в семье, в процессе его функционирования и развития преломляются основные социально-экономические отношения. Более того, семейные домохозяйства, хотя и составляют большинство, при этом не исчерпывают всей огромной массы домохозяйств. Любое домохозяйство

предполагает наличие недвижимости (жилища и иного имущества) и выполнения взаимных обязательств его членов по обеспечению благоприятных условий функционирования их совместного домохозяйства.

Иными словами, домохозяйство, с одной стороны, производя и потребляя различные рыночные блага (товары и услуги), одновременно производит и потребляет нерыночные блага (забота о доме и близких, воспитание и психологическая поддержка детей, помощь престарелым родителям, любовь, внимание, взаимопонимание и др.) Следовательно, домохозяйство — такая социально-экономическая единица, которая постоянно требует огромных, прежде всего материальных, финансовых, психофизиологических и временных личных и общественных затрат.

Модернизация социальной сферы в России началась позже, чем во всём цивилизованном мире. В содержательном контексте социальная модернизация предполагает модернизацию институциональной среды и институционального пространства. Модернизацию институтов как конкуренцию за инвестиции в человеческие ресурсы [16, с. 141] подменили превращением домохозяйств в организации, а когда стало понятно, что такие семейные организации неэффективны, так как социальная защита нуждающихся деперсонализирована и формальна, то мир перешёл к сетям.

С переходом от организаций к сетям эффективность труда резко возросла, как и безработица. Иерархический контроль заменялся анонимным, рыночным контролем. Секрет высокой степени эффективности сетей связан с переходом от отношений, кодифицированных в законах о труде, к отношениям, действующим по коду коммерции. Это существенно повышает уровень незащищенности работников. Высокая степень эффективности социальных сетей базируется на экстернализации издержек (расходов), связанных с действиями индивидуальных участников.

Таким образом, приведенная выше логика «здравого смысла», если и применима на практике, то преимущественно к коротким отрезкам времени, зачастую чрезвычайным обстоятельствам, ибо страдает одним существенным изъяном — в современных условиях экономическая сфера не в состоянии успешно функционировать сколько-нибудь длительно в отрыве от совершенствования сферы социально-трудовой. Так, несмотря на огромные социальные расходы, страны Скандинавии демонстрируют устойчивый экономический рост и хорошие экономические показатели: госдолг в Норвегии практически отсутствует, в Финляндии составляет 57%, в Швеции и Дании чуть более 40%. При этом ни одна из этих стран не отказалась от своих социальных программ, целью которых является предоставление каждому гражданину достойного уровня жизни и государственных услуг хорошего качества [17, с. 4]. В то же время этим странам, практически единственным на европейском континенте, удалось миновать кризисное состояние.

Устойчивое развитие экономики практически невозможно при забвении или замораживании социальных проблем, без их *параллельного* решения, особенно в долгосрочном плане. Это двуединый процесс с тесно связанными между собой направлениями. «Экономическое и социальное направления политики должны рассматриваться как два элемента единого целого... Любая экономическая стратегия имеет социальные импликации. Любая социальная стратегия опирается на представление о том, как экономика будет функционировать (*при ее осуществлении* — И.Б.)» [18, с. 146].

Ещё в 1954 г. американский учёный Саймон Кузнец, изучавший взаимосвязи экономического роста и распределения доходов в обществе, утверждал, что «постоянное появление технологических нововведений... и сопутствующие им социальные нововведения, облегчающие необходимую адаптацию, являются главными факторами воздействия на структуру экономики и общества» [19, с. 150].

Таким образом, кризисное положение домашних хозяйств характеризуется невозможностью покрытия расходов домохозяйств текущими доходами, «проедание» денежных и материальных запасов, ростом долгов. В таком положении домохозяйство может оказаться как по причине внешних обстоятельств, например, разорение домашнего бизнеса, потеря работы, природные катаклизмы, так и внутренних, что характерно для российских домохозяйств.

Мы полагаем, что для большинства российских домохозяйств типично кризисное или предкризисное состояние вследствие внутренних причин (факторов). Анализируя эти факторы, приходим к выводу, что на 1 месте стоит фактор приверженности адаптивным стратегиям, которые строятся не на рациональном подходе к оценке действительности, а на интуитивном подходе, не учитывающим риски рыночных отношений. Вторым по значимости фактором риска, резко ухудшающим финансово-материальное положение домохозяйств, становится появление в семье детей, начиная с первого. Третий фактор, являющийся сугубо российского происхождения, – принадлежность трудоспособных членов домохозяйства к бюджетной сфере, например, семья учителей, врачей.

Без сомнения, усугубляют кризисное положение домохозяйств внешние макрофакторы институциональной среды. Самыми существенными среди них являются: низкий уровень защиты собственности (покупка жилья, земли, финансовые вложения, сбережения), низкое качество охраны труда и здоровья, негибкое и несправедливое налогообложение. Государство, проводя социально-экономическую политику, больше всего беспокоится о финансово-банковской сфере, армии, промышленности и меньше всего – о людях.

В целях противодействия процессу банкротства российских домохозяйств нами предлагается перейти от использования при разработке государственной экономической политики показателей прожиточного минимума (ПМ) к стандартам экономической устойчивости семей.

Литература и примечания

1. Дерябина М. Институциональные основы организации реального сектора экономики // Вопросы экономики. 2012. №11.
2. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ): десять лет спустя. Часть I. Российские домохозяйства / Под редакцией д.э.н. проф. Р.М. Нуреева. Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ». № 212. Часть I. Москва, Московский общественный научный фонд, 2010. Глава 5. Потребление и сбережения домохозяйств: между престижным потреблением "новых русских" и аскетизмом "новых бедных".
3. Там же.
4. Kahn J.A., Lim J.S. Finite Horizons, Political Economy, and Growth // Review of Economic Dynamics. 2001. №4 (1).
5. В Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» понятие финансовой несостоятельности домохозяйства даже не определяется, несмотря на тот факт, что объемы кредитной задолженности домохозяйств становятся существенным фактором развития национальной экономики России. В новом законопроекте «О реабилитационных процедурах, применяемых в отношении гражданина - должника», который внесён в Правительство и прошёл первое чтение, по-прежнему не решаются проблемы выделения из семейного имущества доли должника.
6. Чумакова Н.А. Финансовая несостоятельность системы домашнего хозяйства (на материалах г. Краснодара) // Вестник Адыгейского государственного университета: сетевое электронное научное издание. 2011. №2.
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ.
8. URL: <http://digest.subscribe.ru/economics/money/n805089207.html>
9. Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. Гл.12 // URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1841
10. Рассел Б. Брак и мораль. М.: Крафт + , 2004.
11. Пациорковский В.В. Указ. соч.
12. Российский статистический ежегодник. 2009: Стат. сб. / Росстат. М.: 2009; Социальное положение и уровень жизни населения России 2011 год. Статистический сборник, Москва. 2011.
13. По данным Росстата с 2008 по 2011 гг. доля занятых в неформальном секторе российской экономики увеличилась с 12,4% до 18,5% – в полтора раза. Это устойчивый рост. Исследователи из ВШЭ утверждают, что общий уровень неформальной занятости выше объявляемого Росстатом и составляет 24%. То есть

почти каждый четвертый россиянин относится к неформальному сектору, занят на производствах, не имеющих статуса юрлица, и работает без официально оформленного трудового контракта. Это относится к 20,2% наемных работников и к 81,2% самозанятых. Быть наемным работников в неформальном секторе невыгодно. Такая занятость оплачивается в среднем на 16% меньше, чем в формальном. А вот самозанятые неформалы зарабатывают больше на 29-37%. То есть, в целом, речь идет о громадной трудовой армии, падение средних доходов которой не может не влиять на экономику в целом // URL: <http://www.km.ru/economics/2012/12/04/rosstat/698766-nachali-padat-dokhody-zhitelei-bogatykh-regionov>

14. Аганбегян А. Снижение реальной зарплаты – это подножка экономическому росту // Экономические стратегии. 2007. №5-6.

15. Проект Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года // Министерство экономического развития и торговли Российской Федерации. URL: www.economy.gov.ru

16. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. / Под редакцией А. А. Аузана и С. Н. Бобылева. М.: ПРООН в РФ. М., 2011.

17. Акаев А.А., Сарыгулов А.И., Соколов В.Н. Управление неравенством доходов как фактор посткризисного экономического роста // Экономика и управление. 2012. 34(78).

18. In Defence of the Welfare State / Ed by P. Wilding. Manchester, 1986.

19. Кузнец С. Современный экономический рост: результаты исследований и размышлений / Политикам об экономике: Лекции нобелевских лауреатов по экономике. М.: Современная экономика и право, 2005.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 332.02

АРХЕТИПЫ ЮНГА КАК ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ БРЕНДА ТЕРРИТОРИИ

© 2013 г. С.А. Хлебникова

Евразийский открытый институт
109052, г. Москва,
ул. Подъёмная, 12

Eurasian Open Institute
12, Podjornaya,
Moscow, 109052

Предложена классификация проектов по брендингу территориальных образований, реализуемых в современной России, с точки зрения побудительных причин для формирования бренда. Определена причина, дающая в ряде проектов по брендингу территорий преимущества внутренним целевым аудиториями как основному адресату коммуникаций бренда. Представлены результаты исследования возможностей использования одного из архетипов Юнга при создании идентичности бренда территориального образования Чусовского района Пермского края; проводится анализ сложившихся архетипических моделей российских городов и регионов; даны конкретные рекомендации по формированию имиджа бренда на основе архетипа Искателя.

Ключевые слова: бренд, архетип, архетипическая модель бренда, продвижение, анализ, брендинг, архетипы городов.

Offers the classification of projects on territorial branding, currently implemented in Russia, from the aspect of stimuli for brand formation. Defines the reason for giving advantages to internal target audiences as the key addressee of brand communications within some projects on territorial branding. Presents the results of the research on possibilities of using a Jungian archetype in creating brand identity of the Chusov region in the Perm Territory. Gives specific recommendations for forming brand image on the base of the Seeker archetype.

Keywords: brand, archetype, brand archetype pattern, promotion, analysis, branding, archetypes of towns and cities.

В 2012 году впервые на официальном уровне были проведены инициативы, призванные привлечь профессионалов в области маркетинга к формированию бренда российской столицы. Весной и осенью 2012 г. соответственно были проведены открытые конкурсы на разработку маркетинговой стратегии продвижения Москвы как города благоприятного для туризма и открытый творческий конкурс идей по разработке бренда Москвы. Организатором конкурсов выступил Департамент средств массовой информации и рекламы г. Москвы. Победителем обоих конкурсов стала компания «Эй-Тю-Зет Рисерч», входящая в группу компаний Star Marketing. Факт признания руководством нашей столицы необходимости инвестировать средства из городского бюджета в сформулированное профессионалами позиционирование образа Москвы и соответствующие этому позиционированию брендбук и визуальные атрибуты говорит о том, что брендинг территорий в России выходит на качественно новую ступень своего развития. И хотя сроки и бюджеты данных проектов подверглись критике профессионального сообщества (в частности Василия Дубейковского, руководителя City Branding), даже критики отмечали, что «правительство Москвы проделало большую работу по изучению мирового опыта государственных тендеров на разработку бренда города. Техническое задание составлено достаточно грамотно, то есть власти двигаются в правильном направлении» [1]. С большой вероятностью

можно прогнозировать, что пример столицы окажется заразительным и в ближайшем будущем в России будут реализованы проекты по брендингу Санкт-Петербурга, Екатеринбургa и других городов-миллионников. Наличие таких атрибутов бренда, как слоган и логотип станет столь же обязательным для российских городов, как герб и флаг. Таким образом, целенаправленная работа над брендом города или иного территориального образования в Российской Федерации станет стандартной управленческой практикой.

Существовавшие до этого моменты побудительные мотивы, актуализировавшие для российского города или иного российского территориального образования необходимость заняться проблемами собственного брендинга, можно условно разделить на несколько групп:

1. Перепозиционирование образа откровенно депрессивного региона. Вероятно, самым ярким примером подобного типа проектов является проект Star Marketing «Город, готовый к взлету», реализованный в 2010-м году для Ульяновской области.

2. Перепозиционирование либо развитие бренда традиционно привлекательных для туристов регионов в связи с каким-либо событием. В качестве примеров такого рода проектов можно вспомнить проекты по разработке олимпийского бренда «Сочи – 2014», бренда Казани как столицы Универсиады 2013 г., а также проект 2012 г. по перепозиционированию бренда одной из жемчужин Золотого кольца города Ярославля, приуроченный к 1000-летию города.

3. Корректировка сложившегося образа города и повышение его известности в России, не столько с целью привлечения мощного потока туристов, сколько ради усиления позитивной идентичности у местного населения. Эти проекты были реализованы профессионалами в области территориального брендинга при широкой поддержке местного населения. Из относительно недавних проектов можно вспомнить в частности: концепцию бренда Магадана «Магадан – праздник души», предложенную специалистами Института экономики города во главе с Денисом Визгаловым [2], и проект компании City Branding «Добрянка – столица доброты» [3].

4. Проекты по формированию бренда и имиджа бренда, реализуемые в рамках разработки стратегии развития муниципального образования. Примеры таких проектов многочисленны. Можно вспомнить, в частности, касающиеся бренда разделы разработанных Евразийским открытым институтом стратегий развития Шолоховского района Ростовской области и Чусовского района Пермской области, на результатах последнего проекта мы подробно остановимся далее.

Чем больше подобных проектов, тем выше требования заказчиков. Важно, что уже сегодня администраторы территориальных образований, выступающие авторами технического задания на подобного рода работу, готовы воспринимать брендинг территории не только как локальные маркетинговые проекты, касающиеся организации событий или разработки атрибутов бренда, а в контексте разработки и реализации комплексной стратегии развития данной территории. В связи с этим у маркетологов, задействованных в этом процессе, появляется возможность выстроить общую логику бренда, начиная с определения миссии и выработки стратегического видения, и уже на этой платформе предлагать те или иные атрибуты бренда. Решение проблем, связанных так или иначе с брендом конкретной территории (или с его отсутствием), призвано, главным образом, увеличить привлекательность объекта для потенциальных внешних инвесторов. Инвестор при этом воспринимается, как правило, как внешний по отношению к объекту брендинга субъект созидательной деятельности, интересный территориальному образованию, в первую очередь, своей готовностью вкладывать деньги в бизнес на этой территории. После проделанного для данной территории SWOT-анализа на стыке сильных сторон территории и открывающихся вовне возможностей формируется ряд направлений потенциальной деловой активности, в том числе в области создания туристической инфраструктуры.

При всей целесообразности подобного подхода как зачастую единственной надежды на увеличение доходной части территориального бюджета нельзя не отметить опасность, которая кроется в той ситуации, когда основная целевая аудитория бренда территории воспринимается как внешняя. Помимо инвесторов к

внешним аудиториям относятся потенциальные туристы и мигранты-профессионалы, необходимые городу для укрепления его конкурентоспособности. При этом важно заметить, что далеко не перед каждым территориальным образованием стоит задача создания или развития туристической инфраструктуры. Кроме того, для колоссального числа российских территориальных образований актуальна не только задача привлечения ресурсов (как финансовых, так и человеческих), но и задача сохранения своего собственного населения. Только в Санкт-Петербург в 2011 г. из Центрального федерального округа прибыло на постоянное место жительства 38 тысяч человек, из Приволжского – 14 тысяч человек, из Южного – 11 тысяч и 4 тысячи человек из Сибири [4]. По данным, опубликованным Центром миграционных исследований Института народнохозяйственного прогнозирования РАН: «В 2007 году в России начался процесс стремительной естественной убыли трудоспособного населения, достигающий 19 млн.». Таким образом, нужно понимать, что сегодня российские регионы можно поделить на два типа: регионы со центростремительным потенциалом, привлекающие к себе новых жителей, и регионы, теряющие и без того, как правило, не многочисленные квалифицированные кадры и профессионально еще не состоявшуюся молодежь. При всех благах, которые сулит развитие внутренней миграции для регионов первого типа, для регионов второго типа, выступающих в роли доноров развитых территорий, развитие миграционного процесса сулит немалые проблемы. Таким образом, формирующийся в подобных регионах бренд территориального образования должен стать в первую очередь привлекательным для местных жителей, привлекательным настолько, чтобы им не захотелось искать лучшего. Сформировать такой образ исключительно усилиями внешних консультантов, сколь бы они ни были профессиональны, очень сложно, поскольку концепция бренда должна отражать идентичность, непротиворечащую сложившимся образам самовосприятия внутренней целевой аудитории, но при этом достаточно привлекательную и мотивирующую на активные созидательные действия.

Сама по себе идея вовлеченности в формирование бренда жителей, отнюдь, не нова. В работе «Брендинг города» Д. Визгалов неоднократно подчеркивает необходимость включения городских сообществ и креативного класса в работу над формулированием идентичности территории. Но при этом эти участники процесса разработки бренда воспринимаются скорее как актив организационно процесса, а никак не его потребители: «Работа над брендом, как показывает практика городов, дает также очень важный «побочный эффект» — благотворное, стимулирующее влияние на саму городскую идентичность, на рост местного самосознания» [5, с. 11].

Как в случае, когда к процессу формулирования бренда местные сообщества привлекаются в качестве ресурса, так и в ситуации, когда они являются основной целевой аудиторией бренда, строго говоря, внешний консультант в данном процессе играет роль модератора, направляющего и корректирующего с помощью маркетинговых инструментов работу над формулированием концепции бренда. Вместе с тем сложившаяся сегодня в России практика установки заказчиками работ по брендингу крайне малых сроков (так в уже упоминавшемся открытом творческом конкурсе по формулированию идей по разработке бренда Москвы на формулирование предложений и внесение заявок было отведено тридцать пять дней), как правило, существенно снижает возможности организации сколь-нибудь представительных опросов, фокус-групп и интервью, а также применение других диагностических методов, выявляющих ассоциативные ряды и осознаваемые культурные коды. Вследствие столь специфичной задачи, стоящей перед внешними консультантами, актуальным становится вопрос подбора таких драйверов бренда, которые помогут создать бренд территории как привлекательный образ, вдохновляющий и мотивирующий на жизнь и работу в данном регионе в первую очередь жителей данной территории.

Традиционные драйвера бренда – принципы, индивидуальность, ассоциации - базируются на миссии материнской организации, ее ценностях и истории [6, с. 24]. Применительно к брендингу территории мы должны обратиться к социо-культурному и историческому контексту как средству, как можно более ярко выявляющему специфику исследуемого объекта.

Миссия территориального образования в данном случае не только выражает философию его развития, но и кристаллизует основные ценности, смысл всех предпринимаемых на протяжении долгого ряда лет усилий жителей. Миссия должна базироваться на уникальности, которую муниципальному образованию сообщают его история, ландшафт, ресурсы и место в сложившейся системе разделения труда. Формулируемая Миссия Чусовского района – объекта нашего исследования – должна дать чусовлянам не только вдохновляющие лозунги, но и указать вектор направления решения тех сложных проблем, которые стоят перед районом: высокая смертность, «старение населения», экологические кризисы, нежелание молодежи оставаться в родных местах, среди земляков. Жители района, в первую очередь молодежь, должны увидеть перспективы и свое место в обновляющемся и развивающемся Чусовом и сельских поселениях района.

История Чусовского района и города Чусового начинается с поселений Строгановых и тесно связана с трудом, сознательным и напряженным освоением человеком природы и ее богатств. Еще одна важная историческая веха, которая должна найти свое отражение в Миссии Чусового, – начало похода Ермака на Сибирь. XIX век открыл в истории Чусового промышленный период, начавшийся со строительства металлургического завода и открытия железнодорожного сообщения. XX век подарил истории города не только памятные и славные страницы (победы спортсменов Чусового, яркие биографии чусовлян, прославивших родину на всю страну), но и скорбные, трагические, память о которых увековечена в Мемориале «Пермь-36». Век XXI, в котором предстоит осуществлять формулируемую Миссию, уже за первые 12 лет коренным образом изменил многое в веками сложившемся укладе жизни людей, в первую очередь за счет информатизации, расширения социальных связей, повышения гражданской активности людей и проявляющейся все ярче потребности в самореализации и признании. Все эти исторические вехи должны были найти свое отражение в Миссии района. События далекой и недавней истории формируют культурный код жителей района как активных людей, умеющих противостоять жизненным вызовам и достигать поставленных перед собою целей.

Интересные природные ландшафты, которыми так богат Чусовской район, должны в новом веке восприниматься как один из главных ресурсов, которыми располагает район. Красота пермских лесов, мощь Чусовой, горные пейзажи также внесли свой неповторимый вклад в формирование характеров и ценностей местных жителей. Десятилетиями человек менял природу, перекраивал исходя из своих целей и нужд, иногда безжалостно использовал ее ресурсы, а теперь люди платят за это социальными проблемами, духовными кризисами и проблемами, связанными со здоровьем. Исходя из этого, заказчику – Администрации района – была предложена следующая формулировка стратегического Видения: «Чусовской район – место здорового и активного отдыха для пермяков и гостей из других регионов России, оснащенное туристической инфраструктурой, соответствующей требованиям XXI века. Город Чусовой – развитый промышленно и социально центр Чусовского района, город мастеров своего дела, родина людей, покоряющих новые горизонты».

Признавая важность промышленного развития районного центра, мы все-таки главный акцент делаем на сельские и пока еще не освоенные территории района. Природа Чусового должна восприниматься не только как источник восстановления физических и душевных сил, но и как возможность для человека, преодолевающего горные склоны и горно-лыжные трассы, сплавляющегося по Чусовой или выбирающего иные виды активного отдыха, раскрыть свой внутренний потенциал и преобразиться физически и духовно.

Исходя из сформулированного Видения Миссия может звучать так: «Преображение природы, преобразование человека» или «Покоряя новые горизонты».

Подобная лаконичная формулировка Миссии позволяет использовать ее в качестве слоганов и лозунгов в продвижении публичного образа (бренда) Чусовского района.

Бренд Чусовского района должен отражать Видение и Миссию. Уникальные визуальные и аудиальные выразительные средства бренда должны нести положительный смысл, популяризирующий Чусовской район, привлекающий к нему

внимание, создающий благоприятный, с точки зрения контактных и целевых аудиторий, имидж, работающий на репутацию современного рекреационного центра, привлекательного как для туристов, так и для коренного населения. Для того чтобы бренд распространился, стал узнаваемым и популярным, его выразительные средства должны четко увязываться с названием муниципального образования и формировать его яркий и позитивный образ. Как правило, для достижения подобного результата выразительные средства бренда должны взаимодействовать с целевыми и контактными аудиториями продолжительное время. Для быстрого продвижения бренда требуются большие финансовые ресурсы, способные обеспечить кампании по продвижению бренда на телевидении, размещение рекламы в Интернете, продакт-плейсмент и другие эффективные способы коммуникации с целевыми и контактными аудиториями. Поэтому на данном этапе разумнее не заниматься разработкой атрибутов бренда «Чусовской» с нуля, а задействовать имеющиеся ресурсы.

Если говорить о визуальных и аудиальных средствах, пропагандирующих бренд Чусовского района, то стоит обратиться к имеющейся у района муниципальной символике, отраженной в гербе и флаге. Также не стоит забывать о культурном наследии, которым гордится город Чусовой: творчестве знаменитых чусовлян, авторов популярных песен Евгения Родыгина и Олега Митяева.

Основные визуальные образы, общие для флага и герба Чусового, – золотой струг, плывущий на трех темно-синих поясах-полосах, символизирующих три реки, протекающие через район, и три транспортных узла (железнодорожный, водный и автомобильный). Эти символы прекрасно передают отраженную в Миссии и Видении идею активного движения, стремления к новому и, вместе с тем, тесную и гармоничную связь человека с природой.

Лиричная и распевная мелодия «Уральской рябинушки» композитора Родыгина, песни, которой в Чусовом в 2012г. был поставлен скульптурный монумент, давно любимой в России и вошедшей в репертуар многих коллективов и солистов, пробуждает в сознании слушателя образы бескрайних просторов уральских лесов и полноводных рек. Сюжет песни при всей своей незатейливости отражает не просто близость, но единство человека и природы; идею, корни которой прослеживаются в пермском фольклоре еще с давних языческих времен. Еще одна музыкальная композиция, которая могла бы быть использована в продвижении бренда Чусового, – песня Олега Митяева «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались».

При создании новых выразительных средств, а также при коммуникациях бренда Чусовского района с целевыми и контактными аудиториями разумно опираться на единую идею, которая будет нести непротиворечивое сообщение, соответствующее сформулированному Видению и Миссии. Такой идеей, на наш взгляд, может стать архетип, адекватный ситуации, стадии жизненного цикла целевой аудитории и самого территориального образования. Под архетипом мы в данном случае подразумеваем хранящийся в коллективном бессознательном устойчивый образ, несущий в себе типичные свойства большой группы людей.

Фундаментальная работа М. Марк и К. Пирсон, посвященная использованию архетипов К.Г. Юнга в маркетинге, вышла еще в 2001 году, переведена на русский язык в 2005, но до сих пор, вплоть до проекта, реализованного Евразийским открытым институтом для Чусовского района Пермского края, изложенные в ней идеи не применялись для брендинга территорий. Между тем, архетипы давно используются в рекламе популярных зарубежных и отечественных брендов, как на потребительском рынке товаров и услуг, так и для продвижения политиков, партий, общественных организаций.

Эффективность воздействия архетипа базируется на том, что архетипы обеспечивают глубинную структуру для человеческой мотивации и значимости и пробуждают глубокие чувства. Правильно подобранные для брендов архетипы помогают организациям и коммерческим структурам создать индивидуальность, соответствующую Миссии и Видению, они вдохновляют целевые аудитории и побуждают их к лояльности, а для контактных аудиторий успешно формируют положительный имидж бренда. Архетипы позволяют создавать смыслы, выгодные для данного бренда. Архетипические значения являются управляемыми, так как их смысл

коренится в бессознательном людей. «Принципиальное отличие брендинга, основанного на архетипах, от традиционных подходов, базирующихся на идее соответствующего целевой аудитории «образа жизни», ведет к предположению о том, что люди не хотят видеть в маркетинговых коммуникациях отражение самих себя или кого-нибудь еще, кого они идентифицируют с рекламными персонажами. Архетипический маркетинг исходит из прямо противоположной предпосылки: несбывшиеся желания могут привести к тому, что люди будут реагировать на более глубоком уровне на то, чего им не хватает, а не на то, что у них уже есть» [7, с. 255]. Выявление подходящего для выражения мотиваций целевой аудитории архетипа – задача, облегчающая формулировку марочного контракта бренда конкретной территории. Описанные М.Марк и К.Пирсон 12 архетипов – своего рода набор лекал, по которым консультант может формировать концепцию бренда. Архетип – яркий образ, вокруг которого внешние консультанты могут начать строить концепцию бренда, опираясь на глубинные значения, интуитивно понятные целевым аудиториям, которые могут внести корректировки или даже отклонить предложенную консультантами концепцию. Но и в этом случае проведенная совместная работа дает консультантам более глубокое понимание целевой аудитории, поэтому новый вариант, предложенный на базе другого архетипа, лучше выражающего чаяния внутренних потребителей, с большой долей вероятности уже будет одобрен.

Формулировкам Миссии («Преображение природы, преобразование человека» и «Открывая новые горизонты») и Видения Чусового как современного туристического и рекреационного центра наилучшим образом выражает описанный М. Марк и К. Пирсон архетип Искателя, олицетворяющий сильную духом индивидуальность, ориентированную на поиски лучшего мира. На визуальном уровне для брендов, выбравших архетип Искателя, изображается наиболее естественная для Искателя картина: бескрайнее небо, широкая дорога, любые природные ландшафты, но горные, при этом особенно предпочтительны. Спорт для Искателя – это ни столько возможность соревноваться, сколько занятия, которые зовут на природу и дают возможность обновить себя физически и духовно. Имеющаяся в Чусовском спортивная и туристическая инфраструктура вполне соответствует потребностям, характерным для данного архетипа. Но возможности применения архетипа Искателя не исчерпываются туризмом и спортом. Этот архетип удачно подходит для привлечения людей, способных открыть собственный небольшой бизнес, стать независимыми специалистами, работающими удаленно, или выбрать в своей организации (в том числе, на производстве) роль новатора.

Продвижение бренда Чусовского с помощью архетипа Искателя, как уже было сказано выше, может принести эффект, как в случае работы с внутренней целевой аудиторией, так и с внешними целевыми и контактными аудиториями, в качестве которых выступают разнообразные организации и персоналии: от соседей по Пермскому краю до Федерального руководства; от потенциальных инвесторов в экономику района до туристов и мигрантов. Тем не менее, безусловно, конкретные мероприятия по продвижению бренда для целевой и контактной аудитории могут существенно отличаться.

Искатель – архетип, традиционно находящий яркий отклик у молодежи. Управляемое использование этого архетипа в продвижении бренда Чусовского района предполагает активную работу с молодежными объединениями, благоприятствование туристическим и спортивным организациям и историческим клубам, развитие проектной деятельности учащихся в школах и средне-специальных учебных заведениях. Для более старших поколений чусовлян этот архетип может быть применен не менее успешно, если будет сделан акцент на «молодость души и силу духа» этих представителей целевой аудитории. Привлекателен он и для предпринимателей и инвесторов: люди, которым близок архетип Искателя, готовы открыть свой бизнес в сфере строительного или туристического бизнеса в Чусовом, не привыкли отступать перед трудностями, но пасуют перед бюрократическими проволочками и бумажной волокитой. Инициатива, личная ответственность, стремление к новому – ключевые ценности для этого архетипа. Именно они могут помочь продвижению бренда Чусовского района и в контактных аудиториях.

Инициативность, готовность открывать новые горизонты, узнавать новое о мире и о себе создадут узнаваемый образ Чусовского района как места, притягивающего к себе таких же активных и ищущих людей.

Предложенный архетипический образ бренда и соответствующие ему концепция и атрибуты бренда широко обсуждались в Чусовом и были обсуждены на заседании рабочей группы по формированию стратегии развития района в числе других предложенных Евразийским открытым институтом инициатив по разработке и реализации комплексной стратегии развития Чусовского района в октябре [8] и приняты в декабре 2012 г.

Литература и примечания

1. Дубейковский В. Мнение: Директор CityBranding о тендере на бренд Москвы // URL: <http://www.the-village.ru/village/city/city/118082-mnenie-direktor-citybrandibg-o-tendere-na-razrabotku-brenda-moskvy>
2. Визгалов Д. Концепция бренда города Магадана «Праздник души» // URL: <http://www.gisa.ru/88761.html>
3. В России появилась столица доброты // Официальный сайт Добрянского района Пермского края // URL: <http://www.dobryanka.perm.ru/news/2012/07/24/1500/>
4. Морозова Т. Внутренние мигранты: почему россияне предпочитают Петербург, а не Москву // Мой район онлайн. О чем молчит Фонтанка // URL: <http://www.mr7.ru/articles/60940/>
5. Визгалов Д.В. Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011.
6. Ле Пла Ф.Д., Паркер Л.М. Интегрированный брендинг. СПб.: Нева, ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2003.
7. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание брендов с помощью архетипов. СПб: Питер, 2003.
8. Газета "Чусовский рабочий" о стратегии развития района, созданной ЕАОИ // Чусовской рабочий. 22.11.12 // URL: <http://www.eoi.ru/about/press-center?detail=1625>

НАШИ АВТОРЫ

Алешкова Ирина Александровна – заместитель заведующего кафедрой конституционного права имени Н.В. Витрука по научной работе ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», кандидат юридических наук, доцент. ialeshkova@mail.ru

Бондаренко Ирина Алексеевна – доцент кафедры экономических дисциплин ФГБОУ ВПО «Армавирская государственная педагогическая академия», кандидат экономических наук, доцент. bonir55@mail.ru

Бухарова Елена Николаевна – аспирантка очной формы обучения отдела конституционно-правовых исследований ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия». aspirant18@yandex.ru

Власов Василий Иванович – профессор кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», доктор философских наук, профессор. 8 863 297 57 15.

Власова Галина Борисовна – доцент кафедры теории и истории, права и государства ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», доктор юридических наук, доцент. 8 863 297 57 15

Власова Татьяна Валентиновна – заместитель заведующего кафедрой теории права, государства и судебной власти ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», кандидат юридических наук, доцент. t_vlasova@list.ru

Воропаев Александр Александрович – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». iibris@yandex.ru

Лепетикова Ирина Юрьевна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского филиала ФГБОУ ВПО «Российская таможенная академия», кандидат юридических наук. belo_80@mail.ru

Пахомова Светлана Юрьевна – специалист по связям с общественностью Ростовского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия». 863 297 57 14

Ржевская Марина Сергеевна – доцент кафедры экономики и менеджмента ФГБОУ ВПО «Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова», кандидат экономических наук. m_rzhevskaya@mail.ru

Родина Алла Валерьевна – соискатель кафедры гражданского права ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет». allashlykova101@mail.ru

Смоленский Михаил Борисович – заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Ростовского филиала ФГБОУ ВПО «Российская таможенная академия», кандидат юридических наук, доктор социологических наук, профессор. kafedra_gpd_rfta@mail.ru

Умнова Ирина Анатольевна – заведующая отделом конституционно-правовых исследований ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», Президент Центра «Право Мира», доктор юридических наук, профессор. ikonuykhova@yandex.ru

Федоренко Наталия Владимировна – профессор кафедры гражданского права и процесса Ростовского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», кандидат юридических наук, доцент. 863 297 57 14

Хлебникова Светлана Анатольевна – старший преподаватель кафедры менеджмента, ведущий научный сотрудник АНО ВПО «Евразийский открытый институт». skhlebnikova@mail.ru

Чапчиков Сергей Юрьевич – преподаватель кафедры правового обеспечения управленческой деятельности Международного института управления ФГБОУ ВПО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», кандидат юридических наук. 8 495 434 00 89.